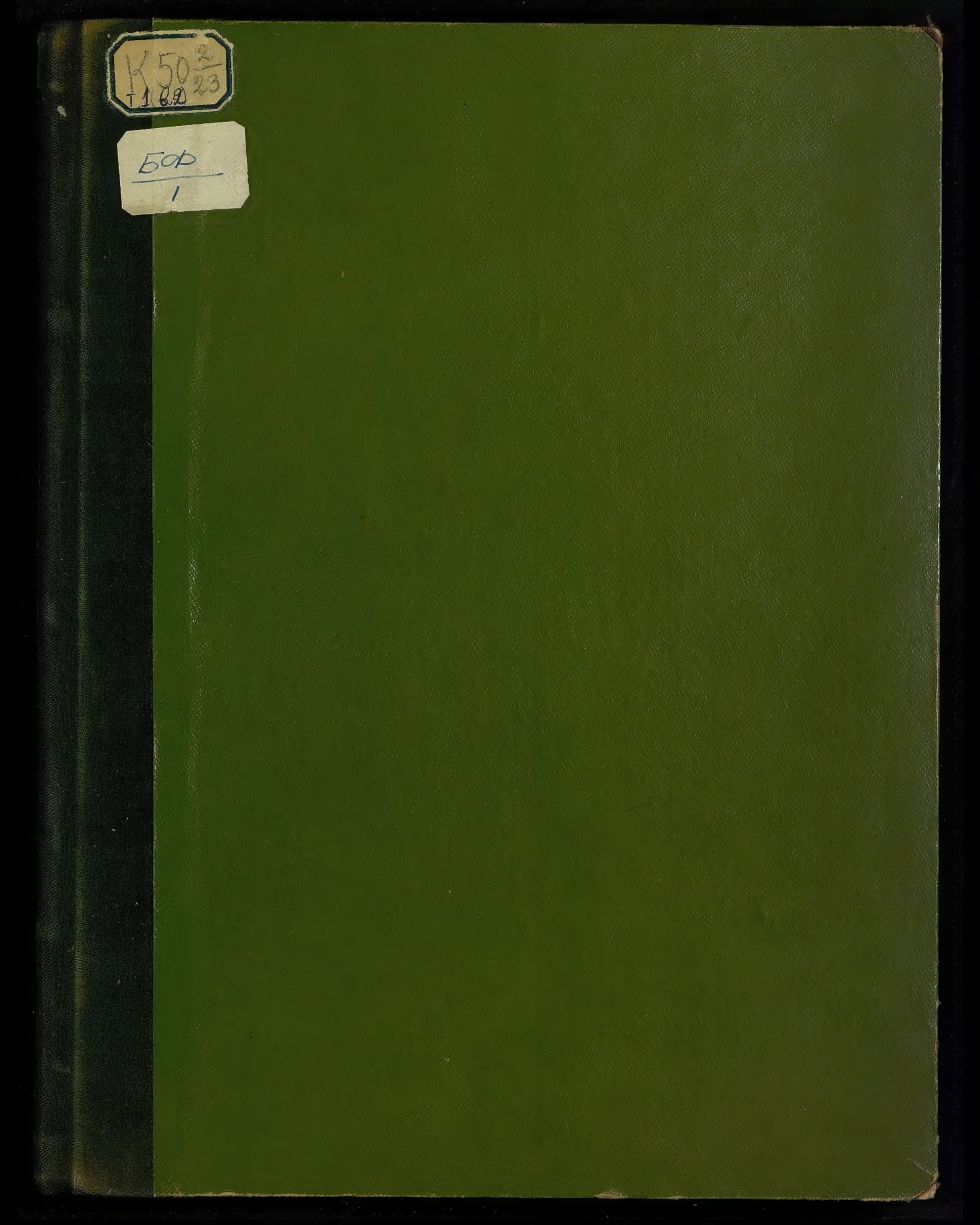
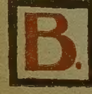
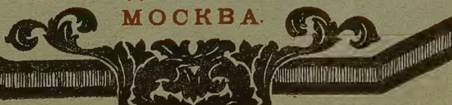

РОССІЯ
и
ЕЯ СОЮЗНИКИ

ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЦИВИЛИЗАЦІЮ

Изданіе Д. Я. Маковскаго
МОСКВА.

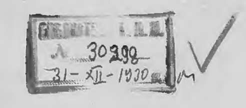
Содержаніе 2-го выпуска.

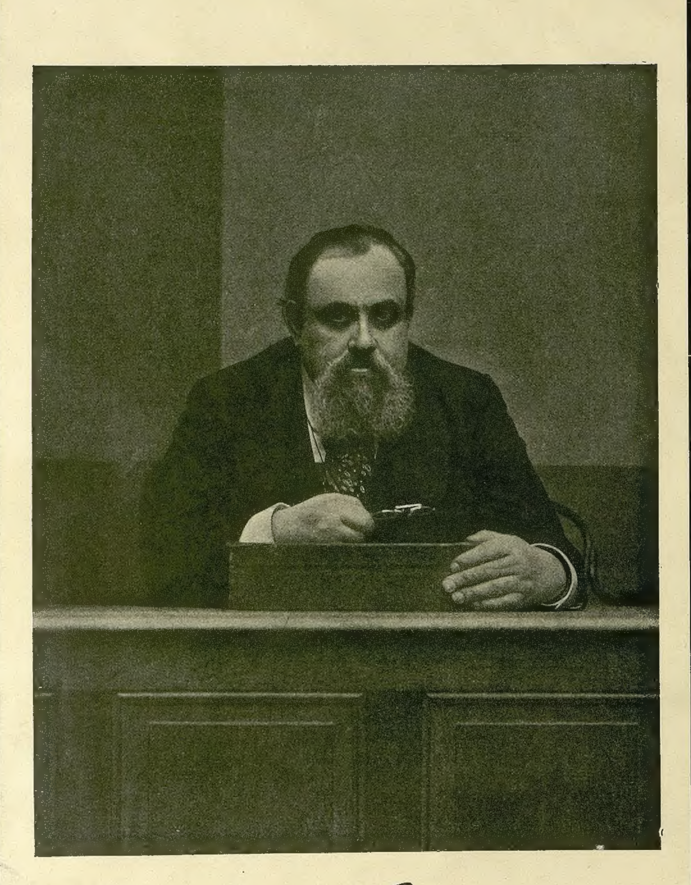

Въ текстѣ, на отдѣльныхъ листахъ и наклейками помѣщены 57 рисунковъ, изъ нихъ 8 въ краскахъ.

Л. 30298
31- XII -1930

Максимъ Ковалевскій

Памяти М. М. Ковалевскаго.

Съ глубокой скорбью приходится отмѣчать на страницахъ настоящаго изданія тяжелую невознаградимую утрату въ лицѣ скончавшагося 23-го марта Максима Максимовича Ковалевскаго.

Первоклассный ученый, выдающійся профессоръ, общественный дѣятель и человѣкъ большого сердца, М. М. всюду и вездѣ вносилъ обаяніе своей личности. Всякій, кто имѣлъ счастье общаться съ нимъ лично и совмѣстно работать, никогда не забудетъ его свѣтлаго образа.

Съ юныхъ лѣтъ и по конецъ своихъ дней Ковалевскій славно и преданно служилъ наукѣ. Какъ ученый, онъ прямо поражаетъ разносторонностью своихъ научныхъ интересовъ и своими исключительными дарованіями. Историкъ, соціологъ, этнографъ и государствовѣдъ—онъ всюду мощной рукой созидалъ новое и оригинальное. Ковалевскій въ одинаковой степени былъ въ полномъ научномъ всеоружіи, разбирая ли сложныя детали первобытныхъ правовыхъ обычаевъ, характеризуя ли стадіи хозяйственнаго развитія средневѣковой и новой Европы или тщательно прослѣживая отраженіе роста государства въ развитіи политическихъ идей цѣлаго ряда вѣковъ. Такіе труды, какъ „Экономическій ростъ Западной Европы", „Происхожденіе современной демократіи", „Отъ прямого народоправства къ представительному", „Первобытное право", „Современный обычай и древній законъ", „Законъ и обычай на Кавказѣ", „Общинное землевладѣніе", „Соціологія", могли бы доставить въ отдѣльности крупное имя изслѣдователю. Между тѣмъ, перечисленнымъ далеко не исчерпывается колоссальное научное наслѣдіе Ковалевскаго. Широко ставя задачи изученія сравнительной исторіи права, онъ отъ изученія учрежденій перешелъ къ исторіи и этнографіи. Умѣло оперируя данными историческими, правовыми и хозяйственными, Ковалевскій, какъ никто другой, могъ заниматься исторіей человѣческаго общества въ ея основныхъ проявленіяхъ. Такъ спеціальныя изслѣдованія привели къ соціологическимъ обобщеніямъ. Но и въ соціологическихъ работахъ Ковалевскій всегда базируетъ на оригинальномъ трактованіи первоисточниковъ; въ своихъ же спеціальныхъ трудахъ онъ никогда не упускаетъ изъ виду общихъ точекъ зрѣнія. Широкій научный охватъ, совершенно исключительная эрудиція, изумительное знаніе источниковъ отличаютъ всѣ научные труды Ковалевскаго. Недаромъ къ его авторитетному слову прислушивались и Старый и Новый Свѣтъ.

Замѣчательный ученый изслѣдователь М. М. въ то же время былъ превосходнымъ преподавателемъ высшей школы, умѣлой рукой вводящимъ неофита въ „святая святыхъ" научныхъ знаній. Достаточно припомнить блестящіе годы московской профессуры Ковалевскаго, когда въ аудиторію любимаго преподавателя стекались цѣлыя толпы студентовъ, затѣмъ заграничный періодъ — лекціи въ Стокгольмѣ, Брюсселѣ, Оксфордѣ, Парижѣ, американскихъ университетахъ и, наконецъ, интенсивная до конца академическая дѣятельность въ Петроградѣ. Рука-объруку съ академической дѣятельностью шла и широкая культурно-просвѣтительная работа. Будь то въ Москвѣ, за границей или въ Петро-

градѣ, Ковалевскій всегда горячо отзывался, много и охотно работалъ для всякаго полезнаго культурнаго начинанія. Въ періодъ своей московской дѣятельности онъ съ своими друзьями — В. Ѳ. Миллеромъ, Н. И. Стороженко, А. Н. Веселовскимъ — создаетъ журналъ „Критическое Обозрѣніе“ — видный научный органъ того времени, принимаетъ ближайшее участіе въ начатомъ тогда этнографическомъ и археологическомъ обслѣдованіи Кавказа. Въ Парижѣ Ковалевскимъ была основана высшая школа общественныхъ наукъ, въ аудиторіи которой выступали многіе крупнѣйшіе научные авторитеты. Говорить ли о только что закончившемся петроградскомъ періодѣ дѣятельности Ковалевскаго? Вѣдь, кажется, не было ни одного научнаго и культурно-общественнаго начинанія, гдѣ бы не принималъ участіе М. М. Общество, журналъ, газета, большія изданія—все охотно поддерживалось, а нерѣдко и руководилось Ковалевскимъ.

Само собой разумѣется, что въ наше время дѣятельная натура М. М. Ковалевскаго не могла замкнуться въ рамки научной, преподавательской и литературной работы. Обновленіе государственнаго строя Россіи и новыя общественныя вѣянія призвали М. М. къ государственной и общественной дѣятельности. Сначала, какъ членъ 1-й Государственной Думы, а затѣмъ, какъ членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ отъ Академіи и университетовъ, Ковалевскій игралъ весьма видную роль. Къ его обстоятельнымъ, остроумнымъ, блещущимъ эрудиціей рѣчамъ съ глубокимъ вниманіемъ прислушивались законодательныя палаты. На политическія и общественныя темы постоянно выступалъ М. М. и въ литературѣ, сначала въ газетѣ „Страна“, а затѣмъ въ издаваемомъ и руководимомъ имъ „Вѣстникѣ Европы“.

Какъ только возникла мысль объ изданіи коллективнаго труда „Россія и ея союзники въ борьбѣ за цивилизацію“, то прежде всего рѣшено было обратиться къ М. М. Ковалевскому. Да и кто, какъ не онъ, могъ объединить ученыя и общественныя силы Россіи и Запада въ цѣляхъ всесторонняго обоснованія политическихъ, культурныхъ и экономическихъ связей Россіи съ союзными государствами. М. М. чрезвычайно горячо и живо заинтересовался задуманнымъ изданіемъ, принялъ ближайшее участіе въ выработкѣ его плана и программы, намѣтилъ отдѣльныя статьи, составилъ списокъ русскихъ и иностранныхъ сотрудниковъ, многихъ изъ которыхъ лично пригласилъ. Въ маѣ и августѣ истекшаго года на петроградской квартирѣ Ковалевскаго состоялся цѣлый рядъ совѣщаній представителей редакціи и издательства, при чемъ М. М. входилъ во всѣ детали и далъ рядъ цѣннѣйшихъ совѣтовъ и указаній. Для 1-го выпуска Ковалевскій написалъ вводную статью, а для второго тома готовилъ обширную работу по исторіи государственнаго строя Франціи. Еще такъ недавно было получено отъ него извѣстіе, что надъ этой статьей онъ работаетъ.

И вотъ всему конецъ. Какъ-то не вѣрится, что это случилось, что М. М. Ковалевскаго уже нѣтъ. Такъ не соединяется представленіе о вѣчномъ покоѣ съ его могучей и дѣятельной натурой....

П. Бородинъ

Прежде всего кн. Голицынъ указываетъ (и въ этомъ онъ фактически совершенно правъ), что Катковъ смотрѣлъ на возможный союзъ съ Франціей единственно лишь какъ на полезную въ данный моментъ дипломатическую комбинацію, но что ни малѣйшей симпатіи къ Франціи и французамъ онъ не чувствовалъ. Кн. Голицынъ (выпустившій свою брошюру первоначально на французскомъ языкѣ) обливаетъ при этомъ случаѣ ядомъ презрѣнія и насмѣшками „бульварныхъ писакъ“ парижскихъ газетъ, *за то*, что они посвятили Каткову сочувственные некрологи. Мало того,—князь сердится, что изъ Франціи прибыли депутаціи на похороны Каткова. „И этихъ непрошенныхъ гостей нужно было привѣтствовать, благодарить, сердечно жать имъ руки!“ возмущается авторъ. Онъ скорбитъ, что могила Каткова „осквернена“ посѣщеніемъ „французскихъ радикаловъ“. По его мнѣнію „красная республика“ не можетъ разсчитывать найти въ русскихъ сердцахъ ту симпатію, которую возбуждала Франція, когда она еще была подъ „болѣе чистымъ знаменемъ, съ другою эмблемою“. Ему многое не нравится, многое возбуждаетъ въ немъ горькія воспоминанія, начиная съ Крымской кампаніи и кончая... введеніемъ гражданскаго брака во Франціи при третьей республикѣ, а также правомъ убѣжища для политическихъ эмигрантовъ, атеизмомъ и порнографіей. Вся эта мѣшанина въ высшей степени характерна для той тенденціи, представителемъ которой явился въ своей брошюрѣ кн. Голицынъ. „Никогда монархическая Россія въ своей душѣ не заключитъ договора съ красной, безбожной, необузданной Франціей! Никогда!“ Политическій строй, царившій тогда въ Россіи, представляется кн. Голицыну слишкомъ возвышеннымъ, чтобы французы были способны хотя бы только понять его. А если такъ, то „какъ же можно вступать въ союзъ съ государствомъ, которое не можешь даже понять?“ „Есть только одна страна, одинъ народъ, который дѣйствительно знаетъ Россію. Эта страна—Германія“, но ни въ коемъ случаѣ не Франція. Къ Германіи авторъ питаетъ сердечное расположеніе: „шапку долой предъ княземъ Бисмаркомъ!“ восклицаетъ онъ. У автора есть еще одно обращеніе къ Франціи: „на колѣни!“ Ибо онъ никакъ не можетъ простить французамъ революціи 1789 года. Вся брошюра проникнута необычайнымъ озлобленіемъ по отношенію къ Франціи и французамъ. Авторъ въ заключеніе настойчиво увѣряетъ французовъ, что въ Россіи къ нимъ всѣ такъ относятся, какъ онъ самъ, кромѣ „интеллигентовъ“, которыхъ онъ тутъ же называетъ „канальями“.

Нечего и говорить, что брошюра тотчасъ же появилась въ нѣмецкомъ переводѣ и встрѣтила въ германской прессѣ очень теплый пріемъ.

Мы остановились на кн. Голицынѣ, какъ на яркомъ и вѣрномъ представителѣ нѣкоторыхъ теченій, весьма вліятельныхъ въ высшей русской бюрократіи и, вообще, въ высшемъ обществѣ обѣихъ русскихъ столицъ. Не было недостатка въ теченіяхъ, враждебныхъ союзу, также во Франціи. Здѣсь мы не будемъ говорить объ отношеніяхъ къ союзу во французскихъ соціалистическихъ кругахъ; въ прессѣ, выражавшей мнѣнія этихъ круговъ, иногда (но рѣдко) раздавались голоса сомнѣнія относительно пригодности, цѣлесообразности союза съ точки зрѣнія дѣйствительной защиты французскихъ національныхъ интересовъ,—бралась подъ подозрѣніе реальная военная сила Россіи, заподозрѣвалась искренность союзника, указывалось на крѣпость родственныхъ и традиціонно-монархическихъ связей между Дворами россійской и германской имперій, и т. п. Но несравненно чаще вниманіе читателей соціалистической прессы останавливалось не на *союзѣ* въ точномъ смыслѣ слова, не на степени дипломатической и военной цѣнности его, но на внутреннихъ условіяхъ, царившихъ въ Россіи, на политической ея отсталости, на нетерпимой церковной политикѣ К. П. Побѣдоносцева и т. п. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что эти нападки сдѣлались гораздо болѣе рѣзкими и частыми лишь съ конца 1890-хъ и начала 1900-хъ гг. Отдѣльно и вполнѣ независимо отъ проявленій *этой* оппозиціи слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторые памфлеты, время отъ времени появлявшіеся во Франціи и исходившіе, обыкновенно, отъ совершенно невѣдомыхъ авторовъ. Эти памфлеты были разсчитаны, явственно, не на рабочую массу, а на держателей русскихъ облигацій и, вообще, на средніе

классы, и у авторовъ была вполнѣ опредѣленная цѣль, скомпрометировать какъ Россію вообще, такъ и русскую кредитоспособность въ частности, въ глазахъ средняго обывателя. Никакой принципіальной точки зрѣнія, никакихъ признаковъ *идейной* борьбы противъ тѣхъ или иныхъ сторонъ русскаго строя въ этихъ памфлетахъ найти невозможно.

Руководствовались ли вдохновители такого рода литературы чисто политическими или только финансовыми, биржевыми соображеніями (въ чемъ ихъ тоже подозрѣвали), конечно сказать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, весьма мудрено. Такія брошюры какъ *La botte russe* (подписано: Albert Delvalle, Paris 1900) или такія книги какъ M. S. Roux—*Voyage au pays des barbares. La verité sur l'alliance franco-russe* Paris 1895)—являются еще нѣкоторымъ исключеніемъ въ этой литературѣ по своей относительной, хотя, все таки, крайне убогой, освѣдомленности. Нужно сказать, что такъ называемая „большая пресса", т.-е. наиболѣе читаемыя газеты, обходили молчаніемъ подобныя брошюры и книги, такъ что едва ли вліяніе памфлетовъ могло быть особенно сильнымъ. Соціалистическая пресса тоже чуждалась этихъ подозрительныхъ брошюръ и не цитировала ихъ.

Вотъ то немногое, что слѣдуетъ здѣсь сказать въ видѣ общей характеристики теченій, враждебныхъ союзу и проявлявшихся какъ въ Россіи, такъ и во Франціи за четверть вѣка существованія этой дипломатической комбинаціи. Въ сжатомъ общемъ очеркѣ было бы неумѣстно останавливаться подробнѣе на этой сторонѣ дѣла. Нужно только прибавить, что въ моменты обостренія внутреннихъ осложненій въ обѣихъ странахъ эти непріязненныя союзу теченія, естественно, становились рѣзче и замѣтнѣе. Въ эпоху дѣла Дрейфуса, особенно въ 1898—1900 гг., опредѣленная анти-дрейфусарская позиція вліятельной въ бюрократическихъ сферахъ русской печати вызывала нерѣдко раздраженные комментаріи въ части французской прессы,—тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ русскихъ органахъ этого направленія прямо писалось о „вырожденіи" Франціи, о „неумѣніи" правительства республики оградить армію отъ оскорбленій, о „захватѣ руля французскаго государственнаго корабля масонами" и т. п. Во Франціи подобныя заявленія раздражали, заставляли говорить о вмѣшательствѣ союзниковъ во внутреннія дѣла французскаго народа и т. д.

Несовмѣстимостью принциповъ русской внутренней политики съ принципами французскими, конечно, очень много занималась въ первые годы франко-русскаго сближенія и германская пресса. Кн. Бисмаркъ сначала усвоилъ себѣ тонъ нѣкотораго насмѣшливаго недоумѣнія, что и отразилось тотчасъ же въ разсужденіяхъ преданныхъ ему газетъ. Но и либеральная, и соціалъ-демократическая печать въ Германіи высказывались почти аналогично. Замѣтны были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и недовольство, и иногда тревога, и надежда, что ничего опаснаго въ близкомъ будущемъ отъ этой комбинаціи не произойдетъ. Появилось тогда же и немало брошюръ, направленныхъ противъ Франціи и Россіи.

Чрезвычайно интересна эта *первоначальная* германская полемика противъ возникавшаго франко-русскаго союза; она обличаетъ и нѣкоторую растерянность, даже нежеланіе вѣрить въ возможность подобной комбинаціи, которую Бисмаркъ напередъ считалъ противоестественной, — и въ то же время въ этой полемикѣ проглядываетъ увѣренность въ конечной побѣдѣ Тройственнаго союза надъ Россіей и Франціей, въ случаѣ столкновенія; при этомъ не высказывается никакихъ сомнѣній въ томъ, что Англія воспользуется случаемъ сломить свою соперницу — Россію и примкнетъ, поэтому, къ Тройственному союзу. Излюбленнымъ мотивомъ этой полемики является также дружественное предостереженіе русскому правительству и верховной власти относительно смертельной для нихъ опасности союза съ республиканскою, „революціонной" и антирелигіозной Франціей. Побѣда надъ Германіей подастъ сигналъ якобы къ „русской революціи", каковая революція, въ свою очередь, будетъ прологомъ къ побѣдѣ „анархіи и соціализма" во всей Европѣ. „Нигилизмъ и революція протянутъ другъ другу руку" и т. п. О живучести подобнаго рода мотивовъ въ германской политической литературѣ

свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что Теодоръ Шиманъ *почти буквально* повторяетъ въ своихъ передовицахъ въ *Kreuzzeitung* въ 1913 году то, что журналисты въ родѣ Эдуарда Левенталя писали наканунѣ кронштадтской встрѣчи [1]).

Вступленіе на престолъ Вильгельма II и послѣдовавшія затѣмъ личныя свиданія его съ императоромъ Александромъ III отнюдь не ослабили стремленія русской дипломатіи къ сближенію съ Франціей. Теперь уже можетъ считаться установленнымъ фактомъ, что Вильгельмъ II произвелъ на императора Александра III въ высшей степени неблагопріятное впечатлѣніе. Судя по воспоминаніямъ, обнародованнымъ ген. Скугаревскимъ и другими лицами, императоръ Александръ III прямо не переносилъ Вильгельма. Уходъ Бисмарка съ политической арены нисколько не помѣшалъ тому, что противъ русскихъ финансовъ въ Берлинѣ продолжалась та же кампанія съ цѣлью дискредитированія ихъ, которая была начата еще въ 1886—1887 гг.

Подготовленное дипломатическое дѣло было рѣшительно двинуто впередъ.

II.

Первая серьезная политическая манифестація, опредѣленно показавшая Европѣ, что въ дипломатическомъ положеніи наступаетъ рѣшительный поворотъ, произошла въ Кронштадтѣ, куда 13/25 іюля 1891 года прибыла французская эскадра подъ командою адмирала Жервэ.

Торжественная встрѣча и чествованія, предметомъ которыхъ сдѣлалась эта эскадра, пріемъ, оказанный императоромъ Александромъ III адмиралу Жервэ, привлекли къ себѣ всеобщее вниманіе въ Европѣ и вызвали въ германской и англійской прессѣ рядъ комментаріевъ. О возможности союза говорили пока лишь предположительно, тѣмъ болѣе, что русское правительство не желало, чтобы до поры, до времени предположенія о дальнѣйшемъ сближеніи сдѣлались достояніемъ гласности. Но оба правительства въ глубокой тайнѣ продолжали вырабатывать условія формальнаго соглашенія. Чрезъ двѣ недѣли послѣ кронштадтскихъ празднествъ русскій посолъ въ Парижѣ Моренгеймъ былъ экстренно по приказу императора Александра III вызванъ въ Петербургъ. Здѣсь былъ выработанъ проектъ соглашенія между Франціей и Россіей; по этому соглашенію, въ случаѣ нападенія со стороны какой бы то ни было третьей европейской державы на Францію, Россія обязывалась вступить въ войну съ напавшей державой; въ случаѣ нападенія на Россію, это обязательство выпадало на долю Франціи, 22 августа того же 1891 года баронъ Моренгеймъ уже представилъ этотъ проектъ для подписи министру иностранныхъ дѣлъ Рибо. Соглашеніе было подписано Рибо и Моренгеймомъ отъ имени французскаго и русскаго правительствъ.

Адмиралъ Жервэ.

Этотъ актъ величайшей исторической важности былъ тщательно скрытъ отъ прессы, но во Франціи народный инстинктъ угадалъ, что произошло нѣчто рѣшительное.

Моренгеймъ при своемъ возвращеніи изъ Петербурга въ Котрэ (гдѣ онъ проводилъ лѣтніе

[1]) Ср. Der Kampf um die europäische Suprematie oder die Konsequenzen einer französisch-russischen Allianz въ отд. Russica Имп. Публ. библ. 12, LIII, 8/1120).

каникулы) сдѣлался объектомъ дружественныхъ манифестацій. Оба правительства, не оглашая подписаннаго ими документа и, даже, не говоря о немъ, считали въ то же время излишнимъ скрывать по существу дѣла, что они будутъ отнынѣ полагаться другъ на друга въ случаѣ столкновеній съ Тройственнымъ Союзомъ. „Разстояніе не всегда отдаляетъ; и отдаленность можетъ иногда даже сближать“, сказалъ въ одной своей рѣчи Моренгеймъ.

Французское правительство послѣ подписанія соглашенія 1891 года не переставало стремиться къ возможно скорѣйшему заключенію обстоятельной военной конвенціи между обѣими державами. Дѣло въ томъ, что ни для кого въ Европѣ не составляла тайны строжайшая координованность во всѣхъ предположеніяхъ и дѣйствіяхъ главныхъ штабовъ Германіи и Австріи; Италія была въ этомъ отношеніи на нѣсколько особомъ положеніи въ Тройственномъ Союзѣ но были основанія предполагать, что и Италія приступитъ въ случаѣ тревоги къ общей мобилизаціи по первому слову изъ Берлина. „Въ тотъ моментъ, когда глава Тройственнаго союза, т.-е. германскій императоръ, отдастъ приказъ о мобилизаціи, тотчасъ же мобилизуютъ также въ Вѣнѣ и Римѣ“,—такъ утверждала докладная записка, представленная съ вѣдома и по желанію военнаго министра Фрейсинэ императору Александру III въ сентябрѣ 1891 года. Во всякомъ случаѣ, во французскихъ правящихъ сферахъ полагали, что отсутствіе военной конвенціи приноситъ серьезный ущербъ дѣлу союза. Но императоръ Александръ III явственно не желалъ торопиться съ подписаніемъ подобнаго документа. Когда въ началѣ сентября 1891 года государь былъ въ Даніи, Фрейсинэ нашелъ умѣстнымъ напомнить ему тамъ чрезъ спеціально посланное лицо (Гансена) о необходимости поспѣшить съ конвенціей. Но ничего изъ этого не вышло. Не удалось также и второе напоминаніе (чрезъ посредство министра Гирса, въ самомъ концѣ 1891 года, и третье, опять въ Даніи, во время пребыванія тамъ государя лѣтомъ 1892 года). Только весною 1894 года конвенція была подписана. Въ настоящее время, когда очень многіе факты столь недавняго прошлаго остаются еще скрытыми отъ постороннихъ глазъ, невозможно въ точности опредѣлить, каковы были истинныя причины этого, несомнѣнно, *не* случайнаго откладыванія въ долгій ящикъ акта такой исключительной важности.

Эта проволочка представляетъ разительный контрастъ той поспѣшности, съ которой было выработано и подписано общеполитическое соглашеніе между обѣими державами въ августѣ 1891 года. Играло ли тутъ роль нежеланіе императора Александра III слишкомъ встревожить и раздражить Германію (гдѣ послѣ кронштадтскихъ торжествъ въ нѣкоторыхъ органахъ прессы съ удареніемъ говорилось о неосновательности безпокойствъ, *пока нѣтъ франко-русской военной конвенціи),* или были налицо еще какія-нибудь тормозящія условія—мы не знаемъ,

Но еще раньше, чѣмъ была, наконецъ, подписана военная конвенція, произошла вторая франко-русская политическая манифестація, принявшая гораздо болѣе грандіозные размѣры, чѣмъ первая, кронштадтская. По соглашенію обоихъ правительствъ рѣшено было, что русская эскадра посѣтитъ не позднѣе конца 1893 года какой-либо французскій портъ.

Сначала думали о какомъ-либо изъ сѣверныхъ французскихъ портовъ, но затѣмъ остановились на Тулонѣ.

13-го октября (н. ст.) 1893 года русская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Авелана, прибыла въ Тулонъ. Послѣ необычайно торжественной встрѣчи и ряда празднествъ адмиралъ съ нѣсколькими высшими офицерами эскадры посѣтилъ Парижъ, гдѣ нѣсколько дней подъ рядъ продолжались бурныя народныя манифестаціи, непрерывныя чествованія прибывшихъ гостей, балы, обѣды, торжества въ театрахъ, на улицахъ, въ офиціальныхъ учрежденіяхъ,—всюду, гдѣ появлялись гости. Огромныя толпы народа цѣлыми днями стояли на улицахъ, по которымъ должны были проѣхать гости. Адмиралъ и офицеры были приняты въ торжественной аудіенціи президентомъ республики, въ ихъ честь былъ данъ банкетъ муниципалитетомъ города Парижа, по особому приглашенію они посѣтили Сорбонну и т. д. Неслыханныя оваціи, которыми безпрестанно встрѣчалъ народъ каждое ихъ появленіе на улицѣ какъ въ Парижѣ, такъ

и въ другихъ городахъ, которые они посѣтили, произвели въ Европѣ большое впечатлѣніе. 28/16-го октября (1893 г.), когда президентъ Карно, проводивши эскадру, собирался отбыть изъ Тулона въ Парижъ, онъ получилъ отъ императора Александра III телеграмму такого содержанія: „Въ тотъ моментъ, когда русская эскадра покидаетъ Францію, мнѣ хочется (il me tient à cœur) выразить вамъ, какъ я тронутъ и признателенъ за горячій и блестящій пріемъ, который встрѣтили наши моряки всюду на французской землѣ. Свидѣтельства еще разъ обнаружившейся при этомъ столь краснорѣчиво живой симпатіи прибавятъ новую связь къ тѣмъ,

Медаль, выбитая въ честь посѣщенія русской эскадрой Тулона.

которыя соединяютъ наши страны, и, я надѣюсь, будутъ содѣйствовать укрѣпленію общаго мира, предмета ихъ усилій и ихъ постоянныхъ желаній". Президентъ отвѣтилъ въ аналогичныхъ выраженіяхъ. Въ европейской прессѣ было больше всего обращено вниманіе на слова государя о *новой связи*. Шли толки о предстоящемъ въ близкомъ будущемъ офиціальномъ провозглашеніи франко-русскаго союза.

Но ни Императоръ Александръ III ни президентъ Карно до этого провозглашенія не дожили. Въ одинъ и тотъ же годъ (1894) они сошли въ могилу.

Эпоха, начинающаяся современи кончины Императора Александра III и кончающаяся взрывомъ русско-японской войны, была отмѣчена въ исторіи франко-русскаго союза одною совершенно опредѣленною чертой: тенденціей союза идти навстрѣчу попыткамъ, дѣлаемымъ Германіей съ цѣлью сближенія. Это было время чрезвычайно дружелюбныхъ отношеній между Россіей и Германіей. Въ придворной и консервативной германской прессѣ это десятилѣтіе неоднократно сравнивалось съ эпохою Императоровъ Николая I и Александра II, при чемъ указывалось на тѣсное личное единеніе, которое будто бы установилось съ 1894 года между двумя Дворами. Въ то же время безпрерывныя ораторскія выступленія Вильгельма II, какъ разъ тогда находившагося въ полномъ разгарѣ борьбы противъ соціалъ-демократовъ, встрѣчали живѣйшее сочувствіе русскихъ консервативныхъ круговъ. Настойчивыя и раздражительныя указанія его на намѣреніе рѣшительно и стойко защищать принципъ божественнаго происхожденія монархической власти заставляли смотрѣть на Вильгельма, какъ на оплотъ консервативныхъ началъ въ Западной Европѣ. Въ свою очередь, правящіе круги Германіи усматривали въ Россіи державу, которая можетъ явиться какъ бы плотиною противъ одолѣвающей Европу демократической волны и всецѣло сочувствовали возобновленію прерванныхъ при Императорѣ Александрѣ III дружественныхъ отношеній между обоими Дворами.

Этому повороту способствовали также общія политическія условія девятидесятыхъ годовъ. Французское общественное мнѣніе было поглощено внутренними осложненіями, сначала панамскимъ дѣломъ и его далекими отголосками, затѣмъ—дѣломъ Дрейфуса; въ области внѣшней политики—колоніальная партія была единственною, имѣвшею опредѣленную программу непосредственнаго

дѣйствія, и поэтому пользовалась значительнымъ успѣхомъ; ея вліяніе уже готовило экспедицію Маршана и, тѣмъ самымъ, подготовляло Фашодскій конфликтъ съ Англіей, разразившійся въ 1898 году. „Остріе" французскихъ дипломатическихъ усилій было, вообще, въ эти годы направлено не противъ Германіи, но противъ Англіи. Естественно, что у императора Вильгельма, вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, могла возникнуть въ разсматриваемые годы мечта о примиреніи съ Франціей, о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ франко-русскимъ союзомъ. Конечно, никогда у него не могло быть и помышленія о чемъ-либо подобномъ „возврату" Эльзасъ-Лотарингіи, но полицейскій режимъ въ присоединенныхъ провинціяхъ былъ смягченъ, въ нѣмецкой прессѣ появлялись неопредѣленныя замѣтки о возможности дать этимъ провинціямъ мѣстное самоуправленіе и вполнѣ опредѣленныя дружественныя Франціи статьи, указывавшія на невыгодность вражды для обѣихъ державъ, на возможность выгоднаго помѣщенія французскихъ капиталовъ въ Германіи, и т. д. Когда въ 1895 году Вильгельмъ II разослалъ всѣмъ державамъ приглашеніе прислать представителей на торжество открытія Кильскаго канала, Франція согласилась откликнуться на это приглашеніе, и появленіе французскихъ судовъ было встрѣчено въ Германіи съ большимъ удовлетвореніемъ.

Но другое событіе, совершившееся въ тѣ же годы, имѣло гораздо болѣе важное принципіальное значеніе, чѣмъ участіе Франціи въ кильскихъ торжествахъ.

КАРНО.

Выступленіе Франціи, Россіи и Германіи въ 1895 г. противъ Японіи, послѣ японско-китайской войны, было торжествомъ политики Вильгельма II, направленной къ созданію „континентальнаго соглашенія" и къ примиренію съ Франціей. Непосредственныя послѣдствія этого выступленія также были чрезвычайно выгодны Германіи: съ одной стороны, на очередь дня ставился вопросъ о русско-японскомъ соперничествѣ на Дальнемъ Востокѣ, и предъ политикою отвлеченія Россіи отъ европейскихъ дѣлъ открывались широкія возможности, а съ другой стороны, невыгодному Германіи политическому и экономическому усиленію японскаго вліянія въ Китаѣ ставилось, по крайней мѣрѣ, такъ можно было думать, сильное препятствіе.

Это довольно неожиданное совмѣстное выступленіе трехъ державъ, по мнѣнію нѣкоторой части германской прессы, должно было знаменовать, что „остріе" франко-русскаго союза уже не направляется противъ Германіи. Министръ иностранныхъ дѣлъ Французской республики (въ кабинетѣ Рибо) Габріэль Ганото, согласившійся 1895 году на дѣятельное сотрудничество трехъ державъ въ дальне-восточномъ вопросѣ, считался въ нѣкоторыхъ германскихъ кругахъ сторонникомъ примиренія съ Германіей.

При такихъ обстоятельствахъ въ германскихъ правящихъ сферахъ сравнительно довольно хладнокровно отнеслись къ необычайнымъ торжествамъ, происшедшимъ въ Парижѣ въ октябрѣ 1896 года по случаю прибытія туда Императора Николая II и Императрицы Александры Ѳеодоровны. 5-го октября (н. с.) 1896 года Государь прибылъ въ Шербургъ, гдѣ и былъ встрѣченъ президентомъ Феликсомъ Форомъ. 6 октября Императорская Чета прибыла въ Парижъ „Много государей и королей были великолѣпно принимаемы въ столицѣ Франціи, но исторія не говоритъ, что когда бы то ни было пріемъ былъ обставленъ столь грандіозною пышностью и столь необычайнымъ стеченіемъ народа", писала газета „Le Temps". Торжества длились вплоть до отъѣзда Государя и Императрицы изъ Франціи, послѣ посѣщенія Шалонскаго лагеря (9-го октября). Рѣчи, которыми обмѣнялись Государь и президентъ во время этого визита, были составлены въ чрезвычайно теплыхъ выраженіяхъ, но слово *союзъ* все еще не было произнесено; попрежнему говорилось о связи о единеніи (les liens, l'union).

Это опущеніе словъ о союзѣ было единственнымъ обстоятельствомъ, нѣсколько расхолаживавшимъ тѣ обширнѣйшіе слои французскаго общества, которые были всецѣло за самое полное единеніе Франціи съ Россіей. Общеизвѣстнымъ являлось то обстоятельство, что произнесенію словъ о союзѣ противятся не съ французской, но съ русской стороны, и что это сопротивленіе объясняется исключительно нежеланіемъ вызвать раздраженіе въ Берлинѣ. Правда, франко-германскія отношенія въ эти годы (съ 1894 до 1901) были лучше, чѣмъ когда бы то ни было отъ самаго начала Французской республики, но все-таки эта нерѣшительность со стороны русской дипломатіи ослабляла международную позицію Франціи и казалась во Франціи—излишнею. Впрочемъ, скрывать далѣе существованіе вполнѣ опредѣленныхъ договорныхъ отношеній о взаимной помощи въ случаѣ всякой европейской войны, въ которую окажется вовлеченной одна изъ союзныхъ державъ, — представлялось уже совершенно излишнимъ: всѣ объ этомъ договорѣ прекрасно знали и съ нимъ только болѣе считались бы, если-бы онъ былъ публично признанъ.

Феликсъ Форъ.

При такихъ условіяхъ было рѣшено провозгласить союзъ въ предстоявшіе дни отвѣтнаго визита президента Французской республики.

Феликсъ Форъ прибылъ въ Кронштадтъ 11/24-го августа 1897 года и былъ встрѣченъ съ необычайною торжественностью. Первые тосты еще были составлены въ выраженіяхъ, близкихъ къ тѣмъ, которыя уже были освящены традиціей франко-русскихъ манифестацій. Но прощальныя рѣчи, произнесенныя 15-го августа, во время завтрака на борту крейсера „Pothuau“ при отъѣздѣ президента изъ Россіи, получили въ исторіи франко-русскаго политическаго сближенія — большое значеніе. Президентъ (говорившій первымъ) впервые произнесъ слова: nations amies et *alliées*; это же выраженіе было употреблено и въ отвѣтной рѣчи Государя (...Je suis heureux de voir que Votre séjour parmi nous crée un nouveau lien entre nos deux nations amies et alliées...).

Впечатлѣніе, произведенное этими словами въ Европѣ было весьма сильнымъ. Въ Парижѣ, Ліонѣ, Марселѣ была зажжена иллюминація, когда узнали о тостахъ на „Pothuau“. Французское правительство постановило украсить флагами Парижъ въ день возвращенія Феликса Фора. Изъ Берлина телеграфировали, что тамъ газеты *удивлены* этими тостами (см. агентскую телеграмму Русскаго Телеграфнаго Агентства отъ 15/28-го августа 1897 г.). На самомъ дѣлѣ, нѣкоторые органы германской правой и націоналъ-либеральной прессы выражали раздраженіе, а не только „удивленіе“. Впрочемъ, офиціальная замѣтка, помѣщенная 16-го августа въ „Kölnische Zeitung“ и разосланная циркулярною телеграммою „Агентствомъ Вольфа“ указы-

вала, что эти тосты не дали, *по существу,* ничего новаго, чтó было бы доселѣ неизвѣстно, и что, насколько можно предвидѣть, французскій союзъ и впредь не нарушитъ европейскаго мира.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ послѣ этой поѣздки державы союза воздерживались отъ новыхъ торжественныхъ манифестацій.

Смерть Феликса Фора, волненія, связанныя съ дѣломъ Дрейфуса, первыя, трудныя обстоятельства президентства Эмиля Лубэ, — все это значительно отвращало вниманіе Франціи отъ вопросовъ внѣшней политики въ послѣдніе три года девятнадцатаго столѣтія. Въ эти годы нѣкоторыя безтактныя статьи, появившіеся въ части русской печати и сопровождавшіяся часто комментаріями французскихъ газетъ, враждебныхъ президенту республики и новому курсу французской внутренней политики, подавали иногда поводъ къ нареканіямъ на якобы происходящее вмѣшательство Россіи во внутреннія французскія дѣла. Но всѣ эти эпизоды горячей газетной полемики не могли имѣть сколько-нибудь существеннаго вліянія на отношенія обоихъ правительствъ,—и это тѣмъ болѣе, что въ

Медаль, выбитая въ честь посѣщенія ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ и ГОСУДАРЫНЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕЙ Франціи въ 1896 г.

1898 году произошло жесточайшее дипломатическое столкновеніе Франціи съ Англіей. Требованіе министерства Сольсбери объ очищеніи французами занятаго ими мѣстечка Фашоды на Нилѣ—страшно задѣло французское національное самолюбіе; въ нѣкоторыхъ органахъ французской національнуй печати даже стали появляться статьи, указывавшія, что истинный, *вѣчный* врагъ Франціи будто бы именно Англія, а не Германія, съ которой, де, только временный споръ изъ-за Эльзаса и Лотарингіи. Ясно, что при враждебныхъ отношеніяхъ, тогда существовавшихъ между Англіей и Россіей, фашодскій инцидентъ долженъ былъ особенно сильно скрѣпить франко-русскія связи. Но указанныя внутреннія осложненія во Франціи, начало ликвидаціи которыхъ стало замѣтно лишь въ 1901 году,—мѣшали до той поры новымъ демонстративнымъ выступленіямъ союза. Лишь въ 1901 году произошла новая демонстрація, имѣвшая военно-политическій характеръ: посѣщеніе Государемъ французскихъ осеннихъ маневровъ.

18-го сентября 1901 года Государь и Государыня прибыли въ Дюнкирхенъ, гдѣ были встрѣчены президентомъ республики Эмилемъ Лубэ. Рѣчи, произнесенныя въ день встрѣчи обратили на себя вниманіе подчеркиваніемъ (въ рѣчи президента) „непрестанной заботы" правительства объ арміи и флотѣ и восхваленіемъ французскаго флота (въ отвѣтной рѣчи Государя). Изъ Дюнкирхена Императорская Чета отправилась въ Компьенъ, а оттуда на маневры, въ Реймсъ. Новые тосты, которыми 19-го сентября обмѣнялись Главы обѣихъ державъ въ Реймсѣ, еще гораздо болѣе подчеркнули *военный* характеръ франко-русскаго союза. Въ рѣчи Государя на этотъ разъ французская армія была названа „могущественною опорою принциповъ справедливости" (un puissant appui des principes d'equité), а президентъ снова

съ удареніемъ указалъ на то, что Франція „старается снабдить армію всѣмъ, что можетъ довести ея силу до наивысшей точки". Въ прощальныхъ тостахъ (21-го сентября) говорилось о значеніи франко-русскаго союза, какъ могущественнаго средства „равновѣсія" европейскихъ силъ (рѣчь президента), а также о томъ, что обѣ державы, *умѣя* заставить уважать свои права,—*tout en sachant faire respecter leurs droits,*—одушевлены самыми мирными намѣреніями (рѣчь Государя).

Это путешествіе обратило на себя большое и довольно враждебное вниманіе въ странахъ Тройственнаго союза; но англійская печать отнеслась къ нему гораздо спокойнѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, принимая во вниманіе недавнее обостреніе англо-французскихъ

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ на борту „Потюо". Налѣво отъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ; направо Президентъ Феликсъ Форъ, напротивъ Графъ Муравьевъ и г. Ганото.

отношеній изъ-за Фашоды и продолжавшійся и, даже, усилившійся англо-русскій антагонизмъ. Поворотъ въ англо-французскихъ отношеніяхъ, уже начавшій обозначаться въ первые мѣсяцы царствованія Эдуарда VII, дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ умѣряющимъ образомъ на тонъ англійской прессы.

Въ 1901 году произошло событіе, сыгравшее роль въ исторіи европейской дипломатіи; на англійскій престолъ взошелъ король Эдуардъ VII, давнѣйшій противникъ дальнѣйшаго усиленія Германской имперіи. Насколько отъ отдѣльной личности зависитъ ускорять сдѣлавшіяся неизбѣжными историческія событія, настолько Эдуардъ VII ускорилъ примиреніе и сближеніе Англіи съ Франціей, на почвѣ общаго дипломатическаго сопротивленія планамъ германской экспансіи. Въ полномъ согласіи съ министерствомъ и парламентомъ, король

рядомъ искусныхъ и осторожныхъ дѣйствій постарался ликвидировать непріязнь, порожденную фашодскимъ инцидентомъ, и наладилъ соглашеніе между Франціей и Англіей по всѣмъ спорнымъ вопросамъ, которое было окончательно выработано и подписано лишь 8-го апрѣля 1904 года, но которое уже съ первыхъ работъ согласительной комиссіи производило благотворное дѣйствіе на англо-французскія отношенія.

При этихъ условіяхъ новое демонстративное выступленіе франко-русскаго союза уже совершенно не имѣло того, отчасти, анти-англійскаго характера, который иногда старалась придать предшествовавшимъ выступленіямъ часть печати обѣихъ союзныхъ державъ. (Это нужно отмѣтить тѣмъ болѣе, что русско-англійскія отношенія какъ разъ въ 1902—1903 гг., въ тѣсной связи съ дальневосточнымъ вопросомъ, ухудшались чуть ли не съ мѣсяца на мѣсяцъ).

ЛУБЭ.

7/20-го мая 1902 года, отвѣчая на приглашеніе Государя Императора, президентъ республики Эмиль Лубэ прибылъ въ Кронштадтъ. На другой день послѣ смотра въ Красномъ Селѣ, Государь произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ о „настоящемъ братствѣ по оружію“, существующемъ между русскою и французскою арміями,— и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, что „эта внушительная сила не предназначена къ поддержкѣ агрессивныхъ видовъ“ (cette force imposante n'est point destinée à appuyer des visées aggressives). Въ словахъ президента та же мысль была повторена почти въ тѣхъ же выраженіяхъ (cette force improsante n'est une menace pour personne). Послѣ ряда торжествъ, данныхъ въ честь президента, онъ уѣхалъ 10/23-го мая, при чемъ въ день отъѣзда снова обмѣнялся съ Государемъ Императоромъ рѣчами, гдѣ подчеркивалась „неизмѣнность“ франко-русскаго союза.

Слѣдуетъ сказать, что путешествіе Лубэ не произвело въ Европѣ такого впечатлѣнія, какъ предшествовавшія манифестаціи франко-русскаго союза. Это объясняется многими обстоятельствами. Во-первыхъ, во Франціи все еще шла политическая ликвидація дрейфусовскаго дѣла, ставилась на очередь дня широкая борьба съ клерикализмомъ, очищеніе арміи отъ клерикальныхъ, анти-республиканскихъ элементовъ и т. д. Во-вторыхъ, внутри Россіи далеко не все было спокойно, явственно назрѣвалъ рядъ болѣзненныхъ осложненій. Въ-третьихъ, русская дипломатія все рѣшительнѣе переносила центръ тяжести своей дѣятельности на Дальній Востокъ, враждебно поворачиваясь противъ Японіи и Англіи. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ въ Германіи не могли ждать никакихъ сколько-нибудь рѣшительныхъ дѣйствій франко-русскаго союза въ Европѣ.

Въ эти годы (послѣдніе XIX вѣка и первые XX) вообще франко-русскій союзъ пред-

ставлялся часто явленіемъ, будто бы имѣющимъ реально больше всего экономическое, а не политическое значеніе. Лица, такъ на союзъ смотрѣвшія, имѣли въ виду, точно выражаясь, чисто финансовыя послѣдствія союза, значеніе его для русскаго кредита, но вовсе не товарный обмѣнъ между обѣими державами.

Цѣнность французскаго годового ввоза въ Россію въ девятидесятыхъ годахъ XIX столѣтія была равна въ среднемъ 67.360.000 фр.; Германія же ввезла въ Россію въ 1893 году на 269.060.000 фр., а чрезъ пять лѣтъ, въ 1898 году, на 466.660.000 фр. Русскій ввозъ во Францію оказывался тоже значительно (вдвое) меньше, чѣмъ русскій ввозъ въ Германію въ эти годы (въ 1893 году Россія вывезла своихъ товаровъ во Францію на 165.948.200 фр., а въ Германію — на 348.933.200 фр.). Послѣ русско-германскаго торговаго договора 1894 года, несмотря на то, что выигравшею стороною была Германія,—русскій ввозъ въ Германію еще усилился, и въ ближайшіе годы дошелъ, въ среднемъ, до 480.000.000 фр. въ годъ. А ввозъ русскихъ товаровъ во Францію не увеличился нисколько [1]). Въ дальнѣйшемъ русско-германскія торговыя отношенія продолжали быстро развиваться и увеличиваться, — а франко-русскія оставались почти стаціонарными. Нечего и говорить, что русско-германскій торговый договоръ 1904 года окончательно закрѣпилъ за Германіею это преимущественное положеніе.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ на маневрахъ въ Бетени (въ сентябрѣ 1901 г.).

Но зато огромные и частые займы, которые успѣшно устраивало русское правительство при дѣятельнѣйшей поддержкѣ со стороны французскаго министерства финансовъ и парижской биржи, сыграли, въ самомъ дѣлѣ, очень крупную историческую роль. Съ одной стороны, они способствовали ускоренію промышленнаго развитія Россіи; съ другой стороны, они придавали устойчивость позиціи русскихъ правящихъ сферъ, какъ до потрясеній 1905—6 гг., такъ и въ эту эпоху. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, довольно горячую полемику въ нѣкоторой части французской печати вызвалъ особенно заемъ 1906 года.

Исчислялось, что *до* 1-го января 1905 года русскіе займы были размѣщены во Франціи на сумму около $12^1/_2$ милліардовъ франковъ [2]). Большой заемъ (843 милліона рублей), заключенный весною 1906 года, наканунѣ открытія первой Государственной Думы, также въ весьмъ значительной степени былъ размѣщенъ во Франціи; дѣятельно участвовала Франція и въ кредитныхъ операціяхъ Россіи послѣ 1906 года.

Эти займы, дававшіе помѣщеніе огромнымъ французскимъ капиталамъ, конечно, не были

[1]) Ср. Halperin-Kaminsky. France et Russie, alliance économique (Paris, s. d.), 8 и сл.

[2]) Или 10.000.000.000 марокъ. Ср. Knoop, Die verzinsliche russische Staatsschuld (Berlin, 1907), стр. 176.

и „безразсуднымъ“ благодѣяніемъ, оказываемымъ Россіи, или великою, тяжкою жертвою на алтарь союза, — какъ иногда о нихъ писалось въ нѣкоторыхъ (очень немногихъ) органахъ французской прессы, такъ какъ вѣрный и большой процентъ, платимый по русскимъ обязательствамъ, очень цѣнился (и цѣнится) французскимъ держателемъ кредитныхъ бумагъ. Съ *этой* стороны, полемика противъ займовъ — впечатлѣнія во Франціи не производила, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ сферахъ, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ этихъ финансовыхъ операцій.

Даже кризисъ, чрезъ который прошли русскіе финансы, начиная съ эпохи японской войны и продолжая періодомъ революціонныхъ событій 1905 1906 гг., не поколебалъ сколько-нибудь существенно русскаго кредита на парижской биржѣ: займы продолжались, хотя и на болѣе тяжелыхъ для должника условіяхъ.

Японская война была встрѣчена, тѣмъ не менѣе, французскими финансовыми сферами

Кардиналъ Ланженье принимаетъ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА и Президента Французской республики на папертu Реймскаго Собора.

съ большимъ безпокойствомъ. Въ этомъ отношеніи финансовыя сферы вполнѣ сходились съ французскимъ правительствомъ.

Положеніе французской дипломатіи уже съ лѣта 1903 года, когда сталъ выясняться все болѣе и болѣе рѣшительный антагонизмъ между Японіей и Россіей, начало дѣлаться затруднительнымъ. Съ одной стороны, увлеченіе русскихъ правящихъ круговъ дальневосточными дѣлами, активность въ Маньчжуріи, активность въ Кореѣ, — все это явнымъ образомъ отвлекало Россію отъ европейскихъ интересовъ и окончательно дѣлало для Россіи необходимымъ поддержаніе самыхъ дружескихъ отношеній съ германскимъ императоромъ, потому что только при полномъ отсутствіи безпокойствъ съ Запада возможно было все вниманіе направить на Востокъ. Съ другой стороны, хотя Франція и не собиралась по своему почину выступить во внѣ-европейской войнѣ, которую вела бы ея союзница, но опасность быть такъ или иначе вовлеченной въ конфликтъ все же оставалась, — и французскія владѣнія въ Индо-Китаѣ могли оказаться,

въ такомъ случаѣ, въ серьезной опасности. Когда вспыхнула война въ 1904 году, Франція осталась нейтральною; опасность для нея быть вовлеченной въ войну была, впрочемъ, очень скоро ликвидирована состоявшимся 8-го апрѣля 1904 года англо-французскимъ соглашеніемъ.

Насъ тутъ это самое соглашеніе интересуетъ, конечно, исключительно съ точки зрѣнія вліянія, которое оно оказало на дальнѣйшее развитіе и укрѣпленіе франко-русскаго союза. Въ этомъ отношеніи роль упомянутаго соглашенія могла выясниться лишь послѣ Портсмутскаго мира. Нужно замѣтить, что хотя Англія держала себя съ совершенно опредѣленною враждебностью относительно Россіи во время войны, но соглашеніе Англіи съ Франціей все же гарантировало Россію отъ вступленія Англіи въ войну.

Весною и въ началѣ лѣта 1905 года разыгрался первый фазисъ марокккскаго дѣла. Удостовѣрившись, по ходу русско-японской войны, въ полной невозможности для Россіи въ близкомъ будущемъ помочь Франціи, Вильгельмъ II своимъ путешествіемъ въ Танжеръ и демонстративнымъ признаніемъ самостоятельности марокккскаго султана поставилъ Францію и Англію въ чрезвычайно трудное положеніе. Послѣ колебаній, продолжавшихся нѣсколько недѣль, кабинетъ Рувье принужденъ былъ пойти на уступки. Министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассе, счи-

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА производятъ смотръ французскимъ войскамъ на маневрахъ въ Бетени близъ Реймса.

тавшійся главнымъ противникомъ Германіи, подалъ въ отставку,—и между Франціей и Германіей начались весьма трудные и длительные переговоры относительно Марокко. Въ теченіе всего этого кризиса, особенно, съ осени 1905 года, германская пресса подъ прямымъ вліяніемъ канцлера Бюлова, не переставала разъяснять, иногда прямо, иногда намеками, что дѣло идетъ вовсе не только о Марокко, но о требуемой Германіею ликвидаціи „*политики окруженія*". „Политикою окруженія" германскія правящія сферы называли планъ, который они приписывали королю Эдуарду VII и который заключался въ присоединеніи Англіи къ франко-русскому союзу: это „окруженіе" Германіи тремя враждебными государствами представлялось имперіалистическою германскою прессою какъ смертельная опасность, которую Германская имперія обязана предупредить во что бы то ни стало. Конечно, крутой переломъ въ русско-англійскихъ отношеніяхъ, происшедшій во второй половинѣ 1905 года, полное прекращеніе враждебной полемики противъ Россіи въ англійскихъ газетахъ послѣ Портсмутскаго мира — все это показывало, что франко-русскій союзъ, уже съ 1904 года односторонне подкрѣпленный англо-французскимъ соглашеніемъ, можетъ усилиться еще больше соглашеніемъ англо-русскимъ, которое превратило бы его изъ двойственной комбинаціи—въ тройственную. Но въ Германіи упускали изъ вида, что если это превращеніе стало на очередь дня, то именно послѣ угрожающаго поведенія самой Германіи въ эпоху кризиса изъ-за Марокко. Цѣлый рядъ выдающихся государственныхъ людей дипломатовъ Англіи, Франціи, Россіи работали надъ подготовкою и осуществленіемъ этой комбинаціи: въ Англіи—король Эдуардъ VII, во Франціи—Делькассе, Камбонъ (посолъ республики въ Лондонѣ), въ Россіи—сначала Извольскій (министръ иностранныхъ дѣлъ, а нынѣ —

посолъ въ Парижѣ), Сазоновъ. Уже въ 1907 и 1908 годахъ стали возможными пріѣздъ въ Ревель короля Эдуарда VII и подписаніе русско-англійскаго соглашенія, уладившаго и прекратившаго долголѣтнія тренія и недоразумѣнія между двумя великими имперіями. Франко-русскій союзъ сыгралъ, такимъ образомъ, роль основного ядра для того политическаго новаго образованія, которое получило съ 1907 года названіе тройственнаго согласія; дѣятельнѣйшая роль французской дипломатіи въ созданіи тройственнаго согласія не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Визиты французскихъ и англійскихъ парламентаріевъ въ Россію и отвѣтная поѣздка чле-

ФАЛЬЕРЪ.

новъ Государственной Думы въ Парижъ и Лондонъ подали поводъ къ обмѣну рѣчами о возможномъ значеніи политическаго единенія Россіи съ двумя наиболѣе свободными державами Запада для укрѣпленія конституціонныхъ началъ въ самой Россіи. Эти рѣчи и намеки (особенно при пріемѣ французской делегаціи въ Россіи въ 1910 году) подверглись со стороны части русской прессы упреку въ слишкомъ большомъ оптимизмѣ, но они отразили то мнѣніе, которое, такъ или иначе, нужно признать довольно распространеннымъ въ русскомъ обществѣ. Несомнѣнно, что многое во время этихъ визитовъ парламентаріевъ было навѣяно воспоминаніями о той закулисной и всегда неизмѣнно враждебной русскому политическому прогрессу роли,

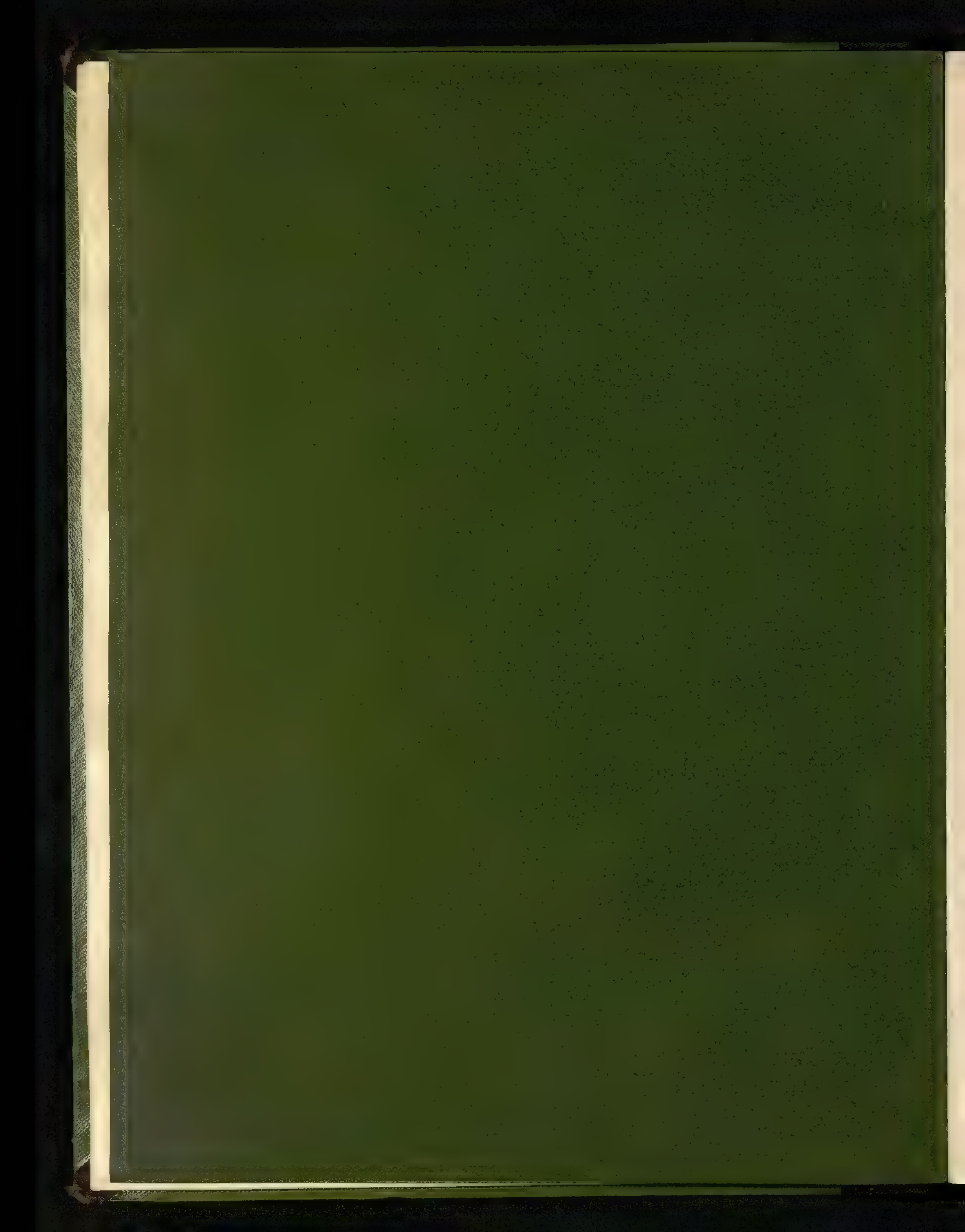
Генералъ По

Генералъ Жоффръ

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО
„Россія и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацію“

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА, Москва.

которую игралъ германскій Дворъ еще при Вильгельмѣ I и которую онъ продолжалъ играть при Вильгельмѣ II. Нужно отмѣтить, что сближеніе съ Англіей, какъ раньше сближеніе съ Франціей было встрѣчено въ Россіи въ крайнемъ правомъ лагерѣ самыми рѣзкими нападками, и при этомъ нисколько не скрывалось, что имѣется въ виду возможное вредоносное вліяніе этого сближенія на крѣпость старинныхъ началъ русскаго государственнаго строя. Но событія развивались слишкомъ быстро; тревога и горечь униженія, пережитыя Россіей въ годину аннексіи Босніи и Герцеговины, лишній разъ показали совершенно ясно, что дѣло идетъ о гнетущей необходимости занять предъ лицомъ двухъ сильныхъ германскихъ державъ крѣпкую оборонительную позицію, и что возвращаться къ политикѣ Николая Павловича, политикѣ выбора друзей и союзниковъ по симпатіи къ исповѣдуемымъ ими „принципамъ“ было бы въ данныхъ условіямъ преступною нелѣпостью.

Между тѣмъ событія учили не только Россію, но и Францію и Англію, что необходимо быть готовыми къ самымъ роковымъ неожиданностямъ и что единеніе трехъ державъ является для нихъ дѣломъ насущнѣйшей необходимости. 1-го іюля 1911 года германская канонерская лодка „Пантера“ пришла въ марокккскую гавань Агадиръ. Этимъ былъ брошенъ вызовъ какъ Франціи, такъ и Англіи. Германія какъ бы признавала, что пока происшедшія соглашенія касательно Марокко, соглашенія, подписанныя въ Алжезирасѣ, уже ея не удовлетворяютъ, и что она желаетъ сдѣлать территоріальное пріобрѣтеніе въ южномъ Марокко. Явно угрожающая Германіи рѣчь Ллойдъ-Джорджа, произнесенная спустя три недѣли на банкетѣ въ Меншіонъ-Гоузѣ, показала, что въ случаѣ войны Германіи съ Франціей Англія рѣшительно станетъ на сторону Франціи. По причинамъ, которыя пока невыяснены, Вильгельмъ II на этотъ разъ еще оказался противъ открытія военныхъ дѣйствій, — и пошелъ на уступки. Но послѣ агадирской тревоги тучи съ европейскаго горизонта уже не разсѣивались вплоть до взрыва великой войны въ іюлѣ 1914 года. Эти три года были временемъ послѣднихъ приготовленій, которыя въ Германіи шли неслыханно быстрымъ темпомъ, въ странахъ тройственнаго согласія — несравненно медленѣе, безпорядочнѣе, безъ яснаго представленія объ истинныхъ размѣрахъ силы противника.

Балканскія войны 1912—1913 г. г. усилили общую напряженность положенія. Какъ отразились онѣ на французско-русскомъ сотрудничествѣ? Франція нѣсколько разъ заявляла, что на Балканахъ у нея нѣтъ политики, отдѣльной отъ политики Россіи и, въ общемъ, выступленія обѣихъ державъ были вполнѣ тождественны и одновременны во всѣ острые моменты кризиса. Но во французской политикѣ наблюдалась особая благосклонность къ Греціи, интересы которой всячески поддерживались французскими дипломатами. Это объяснилось въ значительной мѣрѣ серьезными финансовыми связями, существующими между греческимъ государствомъ и парижскимъ фондовымъ рынкомъ. Впрочемъ, эта тенденція французской дипломатіи ни къ малѣйшимъ конфликтамъ съ Россіей не вела и не могла повести; визитъ—же въ Берлинъ, который первымъ долгомъ поспѣшилъ сдѣлать послѣ войны король Константинъ чрезвычайно способствовалъ охлажденію отношеній между Франціей и Греціей, особенно, когда сдѣлались извѣстными слова благодарности короля по адресу Вильгельма II.

Избраніе въ январѣ 1913 года на постъ президента французской республики Раймонда Пуанкарэ, убѣжденнѣйшмго и давнишняго сторонника политики тройственнаго соглашенія, было встрѣчено въ Германіи съ подозрительностью. Уже путешествіе Пуанкарэ въ Петроградъ, въ качествѣ перваго министра, въ 1912 году, подало поводъ германской печати говорить объ этомъ политическомъ дѣятелѣ, лотарингцѣ по происхожденію, какъ о главномъ или одномъ изъ главныхъ приверженцевъ идеи реванша, какъ о человѣкѣ, который постарается использовать франко-русскій союзъ не только для дипломатическаго сотрудничества. Избраніе Пуанкарэ въ президенты поставило на очередь дня вопросъ о возвращеніи къ трехлѣтнему сроку службы во Франціи, въ особенности, послѣ колоссальнаго увеличенія германской арміи, воти-

рованнаго рейхтагомъ въ 1913 году. Въ 1913—1914 гг., когда сначала былъ поставленъ, а потомъ и рѣшенъ положительный вопросъ о возвращеніи Франціи къ трехлѣтнему сроку службы, германская печать не перестала настаивать, будто въ этомъ сыграли существенную роль настоянія съ русской стороны, будто Пуанкарэ услышалъ въ Петроградѣ соотвѣтствующія настойчивыя просьбы и т. п. По этому поводу германскіе публицисты (особенно, консервативные, въ родѣ Шимана,—и націоналъ-либеральные) обильно использовали давнишній излюбленный мотивъ о „рабствѣ", въ которое завелъ Францію союзъ съ Россіей, о потерѣ Франціею всякой самостоятельности и т. п. Слѣдуетъ замѣтить, что эти статьи произвели во Франціи совсѣмъ не тотъ эффектъ, на какой разсчитывали ихъ авторы: полемика германской прессы противъ французскаго законопроекта о возвращеніи къ трехлѣтнему сроку службы была истолкована, какъ прямое доказательство въ пользу необходимости этого закона для Франціи. Временное назначеніе самого Делькассе на постъ посла въ Петроградѣ было во всей Европѣ понято, какъ стремленіе обѣихъ союзныхъ странъ къ установленію осо-

Прибытіе президента Пуанкарэ въ Кронштадтъ.

бенно тѣснаго контакта, въ виду общаго неспокойнаго положенія дѣлъ. Делькассе всегда совѣтовалъ и французскому, и русскому, и англійскому правительству не убаюкивать себя предположеніями о прочности мира. Подобно покойному Эдуарду VII, имѣвшему на него въ свое время огромное вліяніе, Делькассе въ высшей степени пессимистично судилъ о предположеніяхъ и возможныхъ замыслахъ Германіи,—и былъ этимъ широко извѣстенъ. Вторичное путешествіе Пуанкарэ въ Петроградъ, уже въ качествѣ президента французской республики, состоялось въ іюлѣ 1914 года,—и едва онъ отплылъ изъ Кронштадта, какъ Австрія предъявила Сербіи свой ультиматумъ.

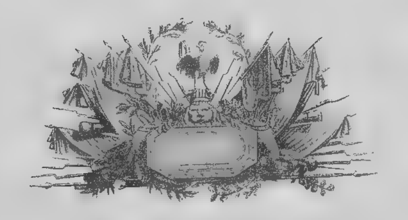
О чемъ именно шли весьма продолжительныя совѣщанія во время этого послѣдняго посѣщенія,—мы пока не знаемъ. Разговаривая съ Жаномъ Крюппи въ августѣ 1915 года, Государь Императоръ упомянулъ о твердыхъ увѣреніяхъ, данныхъ президентомъ республики, во время визита 1914 года. Ясно, что рѣчь тогда шла о возможности близкой войны и о новой необходимости общаго выступленія въ этомъ случаѣ (что и предусматривалось союзными обязательствами). При пріемѣ дипломатическаго корпуса президентомъ республики въ Петроградѣ

всеобщее вниманіе было привлечено особенною любезностью, оказанною сербскому посланнику Спалайковичу...

Повидимому, у германскаго правительства не было никакой надежды на то, что Франція останется въ сторонѣ, въ случаѣ нападенія на Россію. Но, тѣмъ не менѣе, съ германской стороны былъ начатъ разговоръ о такой гипотезѣ (при переговорахъ съ Англіей). Нечего и говорить, что ни къ малѣйшимъ результатамъ предложеніе такой комбинаціи повести не могло. Измѣнить союзу—логически означало бы желаніе быть разбитымъ въ одиночку. Впрочемъ, германское правительство разрѣшило вопросъ очень быстро,—непосредственнымъ объявленіемъ Франціи войны и вторженіемъ въ предѣлы французской территоріи.

Отъ первыхъ дней своего существованія франко-русскій союзъ былъ взаимнымъ страхованіемъ обѣихъ державъ отъ германской опасности. Эта основная элементарная его черта и сдѣлала эту дипломатическую комбинацію такой прочной и жизнеспособной, несмотря на всѣ препятствія и противоборствующія теченія, обнаружившіяся и въ обѣихъ странахъ, и въ наиболѣе заинтересованныхъ постороннихъ державахъ. Война 1914—1915 г.г. доказала, до какой степени союзъ былъ необходимъ. Въ предѣлахъ историческаго предвидѣнія трудно усмотрѣть обстоятельства, которыя сдѣлали бы его ненужнымъ, чѣмъ бы ни кончилась нынѣшняя великая борьба.

Проф. Е. В. Тарле.

Король Георгъ V.

АНГЛО-РУССКОЕ СБЛИЖЕНІЕ ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБРАЗОВАНІЕМЪ ТРОЙСТВЕННАГО СОГЛАСІЯ.

Статья проф. А. Н. САВИНА.

Сношенія Россіи съ Англіей начались давно, триста шестьдесятъ два года тому назадъ, но англо-русская близость очень молода: ей нѣтъ еще и десяти лѣтъ. Нужно сейчасъ же прибавить, что очень молода и англо-французская дружба нашихъ дней, всего на какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ старше англо-русскаго сближенія. Въ теченіе многихъ вѣковъ англичане были для французовъ наслѣдственными врагами (ennemis héréditaires). Должны были произойти огромныя, коренныя перестановки въ международномъ положеніи для того, чтобы рухнули вѣковыя дипломатическія традиціи, быстро поднялись и зазеленѣли побѣги новыхъ народныхъ и международныхъ интересовъ и сочувствій, чтобы въ дни величайшей изъ міровыхъ трагедій англичане, французы и русскіе оказались въ одномъ станѣ, бились плечомъ къ плечу противъ одного общаго врага, противъ тѣхъ самыхъ нѣмцевъ, которые такъ недавно и русскимъ, и англичанамъ казались, если не дружественными, то во всякомъ случаѣ не опасными сосѣдями.

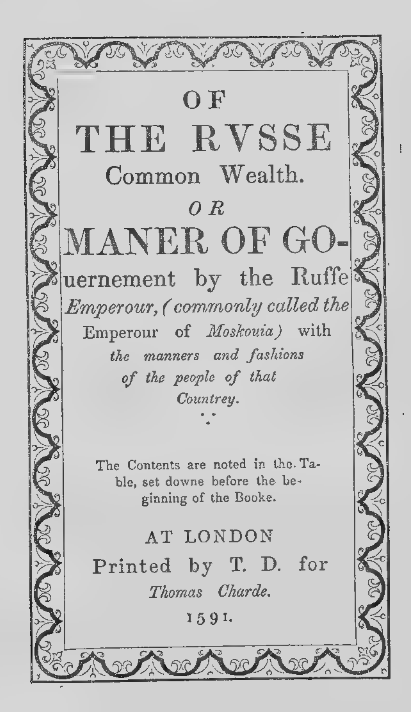
Въ исторіи англо-русскихъ отношеній можно различить три періода. Въ первомъ періодѣ который тянется приблизительно до Петра Великаго, сношенія Россіи съ Англіей суть почти исключительно сношенія торговыя, притомъ съ русской стороны довольно пассивныя: англичане пріѣзжаютъ торговать въ Московское государство, но московскіе купцы въ Англію не ѣздятъ. Со времени Петра возведенная въ рангъ европейской державы русская имперія завязываетъ и политическія связи съ разными государствами Западной Европы, въ томъ числѣ и съ Англіей. Но очень скоро завоевательная политика Россіи начинаетъ возбуждать недовѣріе и непріязнь въ еще болѣе завоевательномъ правительствѣ Англіи, а къ концу царствованія Екатерины II Россія въ глазахъ большинства англійскихъ политическихъ дѣятелей превращается въ опасную соперницу Англіи, пока еще, впрочемъ, менѣе опасную, чѣмъ Франція.

Послѣ наполеоновскихъ войнъ Россія въ глазахъ большинства англичанъ надолго становится наиболѣе опаснымъ врагомъ; англо-русскія политическія отношенія девятнадцатаго вѣка окрашены въ опредѣленно, временами рѣзко враждебный цвѣтъ. Третій періодъ, періодъ англо-русскаго сближенія, приходится вести только отъ русско-японской войны и русской революціи. Война выявила военно-политическую слабость Россіи стараго порядка и остановила завоевательное движеніе русскихъ въ Азіи; революція ослабила вѣру въ то, что русская исторія идетъ путями, совершенно отличными отъ западно-европейскихъ. Но главною причиною англо-русскаго и не только англо-русскаго, но и англо-французскаго сближенія былъ непомѣрный, устрашающій ростъ нѣмецкой военно-политической и хозяйственной мощи, въ двадцатомъ вѣкѣ сдѣлавшійся яснымъ даже для очень близорукихъ глазъ. На сушѣ и на морѣ Германія, на поводу у которой шли правительства Австро-Венгріи и Турціи, становилась такъ сильна и такъ притязательна, что англо-русская и англо-французская распри поблекли передъ нѣмецкой опасностью: враги почувствовали единство самыхъ важныхъ своихъ интересовъ и вступили въ противонѣмецкое соглашеніе, которое въ началѣ настоящей войны превратилось въ союзъ.

I.

Шестнадцатый вѣкъ былъ для людей европейскаго Запада вѣкомъ исканія новыхъ путей и новыхъ земель. Новый Свѣтъ опутывалъ чарами неизвѣданности. Старый, но все еще таинственный Дальній Востокъ продолжалъ манить къ себѣ и загадочностью, и богатствами. Англичане, вовсе не бывшіе тогда передовымъ въ хозяйственномъ отношеніи народомъ, позже южанъ ступили на стезю странствій и конкисты, грубыхъ захватовъ и мирнаго торга, но быстро заняли въ международной борьбѣ за колоніи и рынки очень почетное мѣсто. Открытіе морского пути въ Московію стоитъ въ тѣсной связи съ этою тягою къ Индіи и къ Китаю.

Въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, при Эдуардѣ VI, образовалось въ Англіи то общество, изъ котораго вышла Московская или Русская компанія. Оно взяло себѣ имя у старой и самой знаменитой изъ англійскихъ купеческихъ компаній, но прибавило къ нему указаніе на свои новыя цѣли; оно называлось „купцами-авантюристами для открытія невѣдомыхъ земель, острововъ и державъ“. Въ 1553 г. оно снарядило свою первую экспедицію искать сѣверо-восточный морской путь въ страну Катай, какъ тогда звали Китай. Инструкцію эскадрѣ составилъ знаменитый путешественникъ и мореходъ Себастіанъ Каботъ; онъ же былъ и первымъ губернаторомъ компаніи. Для океанскаго плаванія эскадра была до смѣшного мала съ нашей точки зрѣнія: на трехъ корабляхъ было 116 человѣкъ экипажа, самый большой корабль былъ въ 160 тоннъ. У теперешней русско-норвежской границы крошечная эскадра попала въ бурю, изъ которой благополучно выбрался только самый большой корабль, 24 августа приплывшій къ устью С. Двины. Корабль зимовалъ въ Бѣломъ морѣ, а капитана Чанселора (Chancellor) съ гостями „аглинскія земли“ повезли по санному пути въ Москву. Чанселоръ, при отъѣздѣ изъ Англіи не имѣвшій ни малѣйшаго желанія заѣзжать въ Москву и, можетъ быть, плохо представлявшій себѣ ея географическое положеніе, храбро выдалъ себя за Эдуардова посла къ московскому царю и былъ очень ласково принятъ Грознымъ, искавшимъ путей на Западъ. Когда Чанселоръ въ 1554 г. привезъ въ Англію вѣсти о Москвѣ, то пославшіе его купцы-авантюристы выхлопотали себѣ у Филиппа и Маріи грамоту, утверждавшую ихъ уставъ, и стали вести правильную торговлю съ Россіей. Уже въ 1555 г. Чанселоръ снова ѣдетъ моремъ въ Московское государство, а на обратномъ пути въ Англію его сопровождаетъ въ 1556 г. Осипъ Григорьевичъ Непея, первый русскій посолъ при англійскомъ дворѣ, которому, по англійскимъ отзывамъ, было не по себѣ въ диковинной обстановкѣ. Эти первыя англо-русскія дипломатическія сношенія были вообще не очень удачливы: Чанселоръ и Непея у англійскихъ береговъ потерпѣли крушеніе, Непея выплылъ, но Чанселоръ потонулъ.

OF THE RVSSE Common Wealth. OR MANER OF GOuernement by the Ruſſe Emperour, (commonly called the Emperour of Moskouia) with the manners and fashions of the people of that Countrey.
The Contents are noted in the Table, set downe before the beginning of the Booke.
AT LONDON Printed by T. D. for Thomas Charde. 1591.

ьшинство ихъ,
лей около двух-
цесятыхъ годахъ
ысячъ фунтовъ.
pers, контрабан-
ѣ, заводятъ ка-
сковскіе канаты
предоставляетъ
безпошлиннаго

ота.
аонимнаго портрета.

шестидесятыхъ
преступно помо-
оляки одолѣвали
съ политикой".
овиты получили
у Грознаго, по-
лѣе высокой по-
доступъ къ Бал-
жену на случай
казалъ царю, что
стинъ (Hastings),
лялъ объ англій-
жется, ни одной
можно объяснить

¹) Изъ московскаго сватовства ничего не вышло. Елизавета, конечно, не отпустила Мэри, отговариваясь тѣмъ, что племянница „не красна и лежала воспицею, лицо eѣ красно и ямовато".

Послѣ наполеоновскихъ войнъ Россія въ глазахъ боль
наиболѣе опаснымъ врагом
шены въ опредѣленно, вре
русскаго сближенія, приход
Война выявила военно-поли
тельное движеніе русскихъ
путями, совершенно отличн
скаго и не только англо-рус
шающій ростъ нѣмецкой во
лавшійся яснымъ даже для
у которой шли правительст
тязательна, что англо-русск
сностью: враги почувствова
тивонѣмецкое соглашеніе, ко

Шестнадцатый вѣкъ бы
и новыхъ земель. Новый С
таинственный Дальній Восто
Англичане, вовсе не бывшіе
южанъ ступили на стезю стра
быстро заняли въ международ
тіе морского пути въ Москові

Въ половинѣ шестнадцат
изъ котораго вышла Московс
мой знаменитой изъ англійск
новыя цѣли; оно называлось „
вовъ и державъ". Въ 1553 г.
морской путь въ страну Катай
менитый путешественникъ и м
торомъ компаніи. Для океанс
зрѣнія: на трехъ корабляхъ б
въ 160 тоннъ. У теперешней р
изъ которой благополучно выб
къ устью С. Двины. Корабль
съ гостями „аглинскія земли"
изъ Англіи не имѣвшій ни мал
представлявшій себѣ ея географ
московскому царю и былъ оч
Когда Чанселоръ въ 1554 г. пр
авантюристы выхлопотали себ
и стали вести правильную торг
ремъ въ Московское государст
1556 г. Осипъ Григорьевичъ Н
по англійскимъ отзывамъ, был
русскія дипломатическія сношен не очень удачливы: Чанселоръ и Непея у
англійскихъ береговъ потерпѣли крушеніе, Непея выплылъ, но Чанселоръ потонулъ.

Въ грамотѣ 1555 г. названы члены-учредители Московской компаніи. Большинство ихъ, конечно—купцы, но среди нихъ есть и пэры, и сановники, и юристы. Учредителей около двухсотъ, а въ шестидесятыхъ годахъ число ихъ дошло до четырехсотъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ компанія вкладываетъ въ русскія экспедиціи и предпріятія до восьмидесяти тысячъ фунтовъ. А торгуютъ съ Россіей не только компанейцы, но и ненавистные имъ interlopers, контрабандисты. Англичане не только торгуютъ: они ищутъ желѣзную руду на Вычегдѣ, заводятъ канатные дворы въ Холмогорахъ и Вологдѣ,—конечно, для *англійскаго* флота; московскіе канаты быстро вошли въ большую славу въ англійскомъ адмиралтействѣ. Грозный предоставляетъ компаніи очень широкія привилегіи, особенно по грамотѣ 1569 г., право безпошлиннаго торга по всему государству, монополію сѣвернаго пути. Торговля съ Москвою выгодна, но еще выгоднѣе торговля среднеазіатская. Волгою и Каспіемъ Дженкинсонъ 1558 г. добрался до Бухары, 1562 г. до Персіи. Но эти выгодныя поѣздки опасны: 1568 г. англійская барка на Волгѣ отбивалась отъ ногаевъ успѣшно, а на обратномъ пути изъ Персіи была ограблена казаками; въ 1573 англичане жестоко бились съ казаками въ низовьяхъ Волги.

Королева Елизавета.
Со стариннаго анонимнаго портрета.

Московское правительство мечтало и о политическихъ выгодахъ при этомъ первомъ сближеніи съ Англіей, но перепутывало здоровыя стремленія съ ребячливыми, а у Грознаго и больными бреднями. Англичане могли доставить мастеровъ разныхъ профессій, военнослужилыхъ людей, боевое снаряженіе и тѣмъ поднять московскую военную мощь. Очень рано учли эту возможность встревоженные поляки. Въ 1558 г. служащій Московской компаніи Олькокъ поѣхалъ въ Англію сухимъ путемъ. Его задержали въ Польшѣ и обвиняли въ томъ, что онъ привозилъ московитамъ оружіе; Олькокъ заявлялъ въ свое оправданіе, что это было никуда негодное оружіе. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Сигизмундъ II Августъ нѣсколько разъ разъяснялъ Елизаветѣ, какъ преступно помогать наслѣдственному врагу всѣхъ свободныхъ народовъ, котораго доселѣ поляки одолѣвали лишь потому, что онъ былъ „невѣжественenъ въ искусствахъ и не знакомъ съ политикой". Въ 1561 въ Антверпенѣ потерю Ливоніи нѣмцами объясняли тѣмъ, что московиты получили очень много военныхъ снарядовъ изъ Англіи. Но при сближеніи съ Англіей у Грознаго, помимо весьма трезвыхъ военныхъ расчетовъ, были соображенія изъ области болѣе высокой политики. Грозный мечталъ обрѣсти въ Англіи вѣрнаго союзника для борьбы за доступъ къ Балтійскому морю, надежный пріютъ на случай политическаго изгнанія и даже жену на случай политическаго благополучія. Присланный Елизаветою докторъ Романъ разсказалъ царю, что есть въ аглинской землѣ дѣвка, тинтунскаго удѣльнаго князя дочь, Марія Астинъ (Hastings), Елизаветина родственница, и женолюбивый царь, повидимому, серьезно помышлялъ объ англійскомъ бракѣ [1]). Въ шестнадцатомъ вѣкѣ между Россіей и Англіей не было, кажется, ни одной точки политическаго соприкосновенія, и только политическимъ простодушіемъ можно объяснить старомосковскіе планы англо-русскаго союза.

[1]) Изъ московскаго сватовства ничего не вышло. Елизавета, конечно, не отпустила Мэри, отговариваясь тѣмъ, что племянница „не красна и лежала воспицею, лицо еѣ красно и ямовато".

Мысль объ англо-русскомъ союзѣ, о „вѣчномъ докончанье“ продолжаетъ занимать московскихъ политикановъ и послѣ Грознаго, даже послѣ Смуты. Въ 1623 г. Яковъ I даже согласился заключить союзъ съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и послалъ въ Москву гонца Кокса съ соотвѣтствующимъ документомъ. Но гонецъ „своровалъ“, утаилъ союзную грамоту и предложилъ въ Москвѣ отправить новое посольство въ Англію для окончательныхъ переговоровъ. Тѣмъ и кончились эти безпочвенныя попытки. И другой англійскій дипломатическій агентъ XVII вѣка, Дигзъ, проявилъ очень большую самостоятельность. Въ первые годы царствованія Михаилъ Ѳедоровичъ усиленно хлопочетъ о внѣшнемъ займѣ, хотя бы и небольшомъ, „по самой нуждѣ на пятьдесятъ тысячъ“. Яковъ, конечно, не могъ помочь; онъ самъ былъ не прочь занять гдѣ угодно, хотя бы и въ Москвѣ. Но Московская компанія, привилегіи которой были сильно урѣзаны послѣ Грознаго, сдѣлала усилія и въ 1618 г. собрала немалую по тогдашнему времени сумму въ сто тысячъ рублей, чтобы дать ее взаймы московскому правительству, если послѣднее согласится расширить компанейскія привилегіи. Деньги повезъ Дигзъ; но въ Холмогорахъ онъ почему-то повернулъ назадъ и вмѣстѣ съ деньгами возвратился въ Англію.

И все-таки при Михаилѣ Ѳедоровичѣ англійскіе гости и дипломаты пользуются въ Москвѣ извѣстнымъ вліяніемъ, между прочимъ потому, что изъ торговыхъ интересовъ въ годы Смуты они относились враждебно къ шведской и польской кандидатурѣ на московскій престолъ [1]). И среди англо-русскихъ дѣятелей были англичане, прекрасно освоившіеся съ московской обстановкой. Самымъ виднымъ изъ нихъ былъ Джонъ Меррикъ. Его отецъ былъ агентомъ Московской компаніи и жилъ на Варваркѣ въ англійскомъ подворьѣ. Въ 1617 г. Джонъ говорилъ про себя въ Москвѣ: „У себя я въ англійской землѣ родился, а на Руси взросъ. Столько хлѣба не ѣдалъ на своей землѣ, сколько въ Московскомъ государствѣ. И мнѣ какъ царскому величеству не служить“! И онъ дѣйствительно оказываетъ услуги Москвѣ. Въ 1615 г. Михаилъ Ѳедоровичъ проситъ Якова I быть посредникомъ между Россіей и Швеціей. Въ 1616 и 1617 гг. Джонъ Меррикъ и выступаетъ съ большою важностью въ качествѣ англійскаго посредника во время переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію Столбовскаго мира. Въ Москвѣ были очень довольны Меррикомъ и почему-то величали худороднаго англичанина княземъ Иваномъ Ульянычемъ. Княземъ звали въ Москвѣ и другого англичанина, Астона, поступившаго на московскую службу, человѣка болѣе породистаго, чѣмъ Меррикъ, но отнюдь не титулованнаго. Въ отличіе отъ XIX и XX вѣка англичане и шотландцы не были рѣдкостью на московской военной службѣ. Шотландцы служили уже царю Борису. Съ первыхъ же лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича въ приходо-расходныхъ книгахъ Разряда появляются записи объ уплатѣ жалованья наемникамъ, пріѣхавшимъ—нерѣдко съ женами—изъ Англіи, Ирландіи и Шотландіи, эрлянскимъ и шкотцкимъ нѣмцамъ, имена которыхъ безбожно коверкаются московскими подьячими. Въ полученіи денегъ иноземцы расписываются по-англійски, но въ подписяхъ скоро проскальзываютъ признаки обрусѣнія, напримѣръ слово tovarises (товарищи), которое на первыхъ порахъ ставитъ архивнаго посѣтителя втупикъ. Правительству разоренной страны не подъ силу содержать большіе отряды дорогихъ выходцевъ, и долгое время на службѣ у Михаила Ѳедоровича всего роты двѣ британскихъ авантюристовъ. Но въ 1630 г. въ Москву пріѣхало сразу много англійскихъ и шотландскихъ офицеровъ. Среди нихъ быстро выдвинулся полковникъ Лесли, которому въ 1631 г. московское правительство поручило нанять за границею, между прочимъ, и въ Англіи, большой отрядъ служилыхъ людей.

Но англійская революція нанесла рѣшительный уронъ привилегированному положенію англичанъ въ Россіи, ибо легитимизмъ Алексѣя Михайловича не уступалъ въ своей искренности русскому легитимизму временъ Священнаго Союза. Когда ѣздившій въ 1646 г. посломъ въ Англію Дохтуровъ привезъ оттуда извѣстіе, что англичане воюютъ со своимъ королемъ и

[1]) Въ Москвѣ не знали, что при дворѣ Якова I зимою 1612/3 г. шли фантастическіе разговоры о томъ, какъ хорошо было бы подчинить Московію англійскому суверенитету или протекторату.

взяли его въ плѣнъ, у англійскихъ купцовъ отняли право безпошлинной торговли. Въ 1649 г. всѣхъ англійскихъ купцовъ выгнали изъ Россіи за то, что они государя своего, Карлуса короля, убили до смерти; и впредь торговать имъ разрѣшили только у Архангельскаго города. Въ 1654 г. пріѣзжалъ въ Москву посолъ отъ Кромвеля хлопотать о возвращеніи англичанамъ торговыхъ привилегій, но былъ принятъ нелюбезно. Наоборотъ, посолъ Карла II встрѣченъ въ 1650 г. привѣтливо и даже получилъ ссуду соболями и деньгами. Въ 1662 г. изъ Москвы снарядили въ Англію посольство поздравить Карла съ восшествіемъ на прародительскій престолъ и заодно попросить ссуду въ 10.000 ефимковъ. Но и послѣ реставраціи англичанамъ не возвращаютъ прежнихъ торговыхъ привилегій. Англійская торговля не скоро оправилась отъ

Залъ засѣданія Палаты Общинъ.

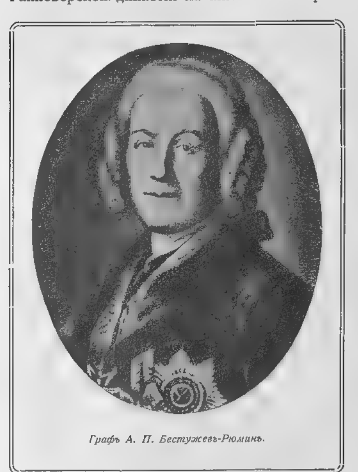
удара. Кильбургеръ подробно описываетъ русскую внѣшнюю торговлю семидесятыхъ годовъ семнадцатаго вѣка; онъ ничего не говоритъ объ англичанахъ, ихъ мѣсто занято голландцами и нѣмцами. У голландцевъ была тогда въ Архангельскѣ публичная реформатская церковь, а англійское подворье превратили въ тюрьму. Но въ восемнадцатомъ вѣкѣ англо-русскія торговыя сношенія снова достигаютъ большой оживленности.

II.

Со времени Петра англо-русскія отношенія дѣлаются гораздо болѣе тѣсными и, къ сожалѣнію, гораздо менѣе дружественными.

Торговый интересъ англичанъ къ Россіи осложняется политическимъ. Россія становится сильною балтійскою державою, за политикою которой начинаютъ слѣдить другія балтійскія и не-балтійскія государства. Въ самомъ началѣ вѣка у Россіи появляются постоянные дипломатическіе представители въ Лондонѣ, у Англіи — сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петроградѣ.

Захудавшая при Стюартахъ, англійская внѣшняя политика становится очень притязательною и честолюбивою послѣ славной революціи 1688 г. Въ самомъ началѣ восемнадцатаго вѣка Вильгельмъ III заявляетъ парламенту, что Англія обязана поддерживать европейское равновѣсіе (to hold the balance of Europe). Съ тѣхъ поръ ссылка на европейское равновѣсіе не сходитъ съ устъ англійскихъ дипломатовъ до нашихъ дней. Даже въ ежегодно утверждаемый билль объ арміи (the Mutiny bill) вошли слова о томъ, что армія нужна для поддержанія европейскаго равновѣсія. Уже въ 1713 г. англійскій дипломатъ Страффордъ говоритъ русскому послу Куракину о намѣреніи Англіи поддерживать равновѣсіе въ Балтійскомъ морѣ, будто бы нарушенное съ захватомъ Лифляндіи Россіей; у англійскихъ купцовъ возникаетъ опасеніе, какъ бы русскіе не вздумали возить свои товары на собственныхъ корабляхъ. Съ появленіемъ новой, Ганноверской династіи на англійскомъ престолѣ непріязнь и недовѣріе къ Петру усиливаются. Георгъ I, въ качествѣ ганноверскаго курфюрста, очень недоволенъ вмѣшательствомъ Петра въ жизнь сѣверно-нѣмецкихъ государствъ и, въ качествѣ англійскаго короля, очень встревоженъ слухами о мнимыхъ переговорахъ Петра съ сыномъ Якова II, со Старымъ Претендентомъ. Не могли нравиться ему и попытки нѣкоторыхъ англиканскихъ клириковъ сблизиться съ русскою православною церковью, потому что эти клирики были врагами Ганноверской династіи, неприсяжниками (non-jurors), сторонниками Стюартовъ.

Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ.

У Петра не было непріязни къ Англіи. Наоборотъ, въ молодости его тянуло къ Англіи, къ ея верфямъ и кораблямъ. Въ свое первое заграничное путешествіе начатую въ Голландіи морскую выучку, онъ доканчивалъ въ Англіи, въ Детфордѣ. Въ 1714—1716 гг. Петръ неоднократно предлагалъ Англіи заключить союзъ съ Россіей, но не встрѣтилъ никакого сочувствія. Въ 1719 г. англо-русскія отношенія настолько обострились, что англійская эскадра появилась въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1720 г. Петръ прервалъ дипломатическія сношенія съ Англіей, и они возобновились только при Аннѣ Ивановнѣ въ 1731 г.; въ то же царствованіе, въ 1734 г., былъ заключенъ англо-русскій торговый договоръ. Но и при Петрѣ торговый обмѣнъ между Россіей и Англіей достигаетъ значительныхъ размѣровъ, а въ кругу птенцовъ гнѣзда Петрова встрѣчаются англо-шотландскія имена. Среди сподвижниковъ Петра видное мѣсто принадлежитъ двумъ Брюсамъ, особенно знаменитому чернокнижнику Якову Вилимовичу, командовавшему артиллеріей подъ Полтавой и вмѣстѣ съ Ягужинскимъ заключавшему Нюстадскій миръ.

Съ ослабленіемъ Россіи при преемникахъ Петра Англія перестаетъ бояться русскихъ въ сѣверныхъ водахъ. А на югѣ Англія не боится Россіи и при Петрѣ. Русскіе медленно продвигались къ Черному морю, и мысль о томъ, что они могутъ грозить англійскимъ владѣніямъ въ Индіи, никому не приходила въ голову. Да и англійское господство въ Индіи только въ шестидесятыхъ годахъ стало прочнымъ. Даже въ сороковыхъ годахъ французское вліяніе въ Индіи было едва ли не сильнѣе англійскаго. Въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка, даже въ началѣ царствованія Екатерины II Франція является грозной соперницей англичанъ въ Индіи и на Ближнемъ Востокѣ, въ Константинополѣ. Въ 1762 г. Питтъ старшій призналъ

основнымъ мотивомъ англійской политики—страхъ передъ превращеніемъ Франціи въ морскую торговую и колоніальную державу. Англичане съ большимъ неудовольствіемъ смотрятъ на франко-турецкую дружбу [1]) и готовы дѣйствовать заодно съ русскими въ своихъ сношеніяхъ съ Высокой Портой. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ французскій публицистъ Фавье жаловался, что англійскій посолъ въ Константинополѣ является одновременно дипломатическимъ представителемъ Россіи. И въ русской внѣшней политикѣ одно время сказывались англійскія симпатіи. Елизаветинскій канцлеръ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, врагъ пруссаковъ, былъ сторонникомъ сближенія съ Англіей, въ 1755 г. заключилъ съ ней союзный договоръ въ чаяніи атаковать общими силами короля прусскаго и потерпѣлъ жестокое дипломатическое пораженіе,

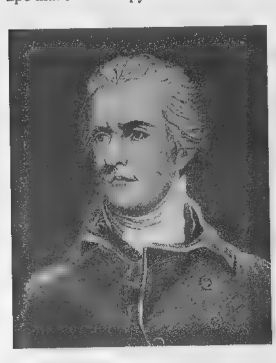
Залъ засѣданій Палаты Лордовъ.

когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого Англія вступила въ тѣсный союзъ съ Пруссіей и въ Семилѣтнюю войну оказалась врагомъ Россіи. Къ несчастію для Россіи, антипрусское направленіе Семилѣтней войны оказалось мимолетнымъ эпизодомъ русской внѣшней политики и смѣнилось полуторавѣковою и роковою прусскою дружбою. И по мысли руководителя екатерининской дипломатіи, Н. И. Панина, поклонника Сѣверной системы, сближеніе съ Пруссіей должно было привести къ сближенію съ Англіей для совмѣстнаго противодѣйствія замысламъ трехъ южныхъ и католическихъ державъ—Франціи, Австріи, Испаніи. Англія уклоняется отъ союза, но даже въ первую Турецкую войну проявляетъ по отношенію къ Россіи извѣстное доброжелательство. Въ 1770 г. англійскіе моряки, правда, смѣются надъ неповоротливой, устарѣлой эскадрой Алексѣя Орлова, остановившейся въ англійскихъ портахъ по пути въ Средиземное море; но англій-

[1]) Въ первую Турецкую войну, въ 1770 г., Вольтеръ признался Екатеринѣ II, что французы заражены туркофильствомъ, un peu moustapha.

ское правительство не препятствуетъ русскимъ морякамъ закупать въ Англіи все нужное для флотскаго снаряженія.

Однако большіе военные успѣхи русскихъ въ первую турецкую войну, закрѣпленные Кучукъ-Кайнарджійскимъ договоромъ 1774 года, возбудили въ англичанахъ недовольство, тревогу и явились водораздѣломъ въ исторіи англо-русскихъ отношеній, началомъ долгаго и прочнаго англо-русскаго антагонизма. Съ тѣхъ поръ, какъ Англія прочно утвердилась въ Индіи, она стала дорожить цѣлостью Турціи, прикрывавшей Индію отъ нападеній съ европейской стороны. Питтъ младшій заявилъ прямо, что цѣлость Турецкой имперіи есть для Англіи вопросъ жизни и смерти. Къ французской опасности присоединилась русская. И нужно признаться, что русская дипломатія семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ даетъ много поводовъ для англійскихъ опасеній. При сближеніи Екатерины съ Іосифомъ II раздѣлъ Турецкой имперіи былъ скрѣпою союза. Фантастическій Греческій, или Восточный, проектъ не остался въ стѣнахъ петербургскихъ будуаровъ и кабинетовъ. Въ 1782 г. русское правительство дѣлаетъ вѣнскому опредѣленное предложеніе о раздѣлѣ Турціи и о возстановленіи Восточной имперіи для великаго князя Константина Павловича, а въ Вѣнѣ въ принципѣ соглашаются на русскія условія, при чемъ, конечно, выговариваютъ себѣ соотвѣтствующее территоріальное вознагражденіе. Слухи о восточныхъ мечтаніяхъ русскихъ присяжныхъ и неприсяжныхъ дипломатовъ доходятъ до англійскаго посла въ Петербургѣ еще въ 1779 г. и возбуждаютъ въ Лондонѣ рѣзкое озлобленіе. А къ страхамъ за Турцію скоро присоединяются страхи еще болѣе острые и прямые страхи за Индію. Одинъ англійскій памфлетъ 1791 года рѣзко указываетъ на вѣроломство Россіи и безусловную непримиримость англо-русскихъ интересовъ: Россія стремится завладѣть Чернымъ моремъ и Константинополемъ, а вскорѣ протянетъ руки къ Египту и Индіи. Въ 1791 г. и петербургскій и вѣнскій послы извѣщаютъ англійское правительство о проектѣ русскаго похода на Индію, представленномъ Екатеринѣ II. Правда, этотъ проектъ былъ сочиненъ досужимъ французскимъ эмигрантомъ и носилъ явно сумасбродный характеръ. Но англійскіе руссофобы конца восемнадцатаго вѣка могли ссылаться и на подлинныя дипломатическія выступленія русскаго правительства, явно враждебныя англійскимъ интересамъ, и прежде всего на знаменитую екатерининскую декларацію о вооруженномъ нейтралитетѣ (3 марта 1780 г.). Господствовавшій на морѣ англійскій флотъ во время американской войны обыскивалъ корабли нейтральныхъ державъ и забиралъ себѣ всѣ грузы, которые считалъ собственностью непріятеля. Слабая на морѣ Франція еще въ 1778 г. заявила, что захвату на нейтральныхъ корабляхъ можетъ подлежать не всякій, а только военно-контрабандный грузъ непріятеля. Екатерина усвоила себѣ французскую точку зрѣнія, присоединила къ ней невыгодное для англичанъ толкованіе понятія о дѣйствительной блокадѣ и заявила, что будетъ охранять свой нейтралитетъ силою оружія. Слабые флотомъ враги Англіи — Франція, Испанія, Американскіе штаты — радостно присоединились къ русской деклараціи; но присоединились къ ней и нейтральныя государства — Швеція, Данія, Пруссія, Австрія. Англія отказалась присоединиться къ деклараціи, но, очутившись въ опасномъ одиночествѣ, была вынуждена сильно сократить свои захваты на морѣ.

Питтъ.

Вражда къ Россіи находитъ себѣ немедленное выраженіе въ англійской политикѣ. Англія тѣсно сближается съ Пруссіей въ 1788 г., чтобы совмѣстно дѣйствовать противъ Россіи, и возбуждаетъ противъ Россіи Швецію и Турцію. Съ своей стороны, пруссаки возстанавли-

вали противъ Россіи турокъ и поляковъ. Съ тѣми и другими пруссаки заключили въ 1790 г. союзный договоръ. Въ обоихъ договорахъ было много прусскаго обмана, но особенно много было его въ договорѣ съ поляками; по справедливому замѣчанію Сореля, договоръ является исключительнымъ по своему вѣроломству даже въ восемнадцатомъ вѣкѣ: изъ польско-прусскаго союза, направленнаго противъ Россіи, вышелъ раздѣлъ Польши между Россіей и Пруссіей. Англія и Пруссія достигли многаго: Россіи пришлось одновременно воевать и съ Турціей и Швеціей, а сверхъ того, готовиться къ войнѣ съ Англіей. Англійскій флотъ въ 1791 г. приводится въ боевой порядокъ, Питтъ проситъ у парламента субсидій и шлетъ въ Петербургъ ультиматумъ по поводу турецкихъ дѣлъ.

Но многіе виги еще хранили вѣру въ солидарность англійскихъ и русскихъ интересовъ, и Питтъ наткнулся въ парламентѣ на серьезную оппозицію. Фоксъ заявляетъ, что война съ Россіей будетъ гибельна для англійской торговли и что появленіе русскаго флота въ Средиземномъ морѣ будетъ выгодно англичанамъ, ибо Россія явится противовѣсомъ Испаніи и Франціи. Беркъ, предвосхищая знаменитую агитацію Гладстона въ защиту болгаръ и Россіи, зоветъ религіознымъ преступленіемъ (anti-crusade) поддержку турецкихъ варваровъ противъ христіанской державы. Питтъ отказывается отъ войны съ Россіей не только подъ вліяніемъ вигской оппозиціи, но и подъ давленіемъ явнаго недовольства дѣловыхъ круговъ въ Сити. Екатерина восторгается краснорѣчіемъ Фокса и проситъ русскаго посла въ Лондонѣ достать бюстъ Фокса, чтобы поставить его во дворцѣ между бюстами Демосѳена и Цицерона. А въ очень непродолжительномъ времени Екатерина даже начинаетъ искать политическаго союза съ Англіей. Недавнихъ враговъ сближаетъ общая ненависть, ненависть къ французской революціи. Въ 1793 г. подписано англо-русское соглашеніе о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи; въ 1795 г. соглашеніе замѣнено болѣе тѣснымъ оборонительнымъ союзомъ, къ которому присоединилась и Австрія. Въ жертву своей ненависти Екатерина приноситъ даже свою гордую побѣду надъ Англіей, лишь бы только задавить революціонную гидру. Къ великой радости англичанъ, русское правительство заявляетъ, что по отношенію къ Франціи оно отказывается отъ вооруженнаго нейтралитета: французскіе грузы можно захватывать на морѣ вездѣ и при всякихъ условіяхъ.

Фоксъ.
Съ портрета Гиккеля.

У Императора Павла было немного теплыхъ чувствъ къ материнской памяти, немного желанія продолжать Екатерининскую политику. Но онъ сходился съ матерью въ ненависти къ революціи. Впрочемъ, и на отношеніяхъ къ Англіи и Франціи лежитъ печать общей душевной неустойчивости и причудливости Павла: напримѣръ, его политика въ немалой мѣрѣ опредѣлялась судьбами крошечной Мальты и госпитальеровъ, которыхъ онъ былъ послѣднимъ великимъ мастеромъ [1]).—Въ 1798 г. онъ возобновляетъ союзъ съ Англіей и Австріей противъ Франціи. —Въ 1799 г. онъ возмущенъ австрійскимъ и англійскимъ обращеніемъ съ

[1]) Госпитальерскую Мальту сначала захватили французы, потомъ англичане. Боровшіеся съ революціей англичане однако не вернули Мальты ея легитимному собственнику, ордену, а преспокойно оставили островъ за собою. Разрывъ Павла съ англичанами въ значительной мѣрѣ объясняется его негодованіемъ на ограбленіе ордена.

русскими экспедиціонными арміями, выходитъ изъ противо-французской коалиціи и помышляетъ о сближеніи съ Бонапартомъ.— Въ 1800 г. онъ вступаетъ въ рѣзкій разрывъ съ Англіей. Англо-русская дипломатическая переписка 1800 года поражаетъ полнымъ забвеніемъ дипломатической корректности. Павелъ приказываетъ русскому послу въ Лондонѣ, чопорному англоману Воронцову, настаивать на отозваніи англійскаго посла въ Петербургѣ, Витверса: онъ, Павелъ, не желаетъ, чтобы при его Дворѣ послами были лгуны. А Витверсъ жалуется въ офиціальной депешѣ, что Павелъ буквально не въ своемъ умѣ. Павелъ возвращается къ политикѣ вооруженнаго нейтралитета и успѣваетъ объединить Россію, Пруссію, Швецію и Данію въ протестѣ

Графъ А. Р. Воронцовъ.
Съ портр., наход. въ имѣніи гр. Воронцовыхъ

противъ англійскихъ захватовъ на морѣ. — Въ 1801 г. Павелъ энергично готовится къ войнѣ съ Англіей, морской и сухопутной, и предлагаетъ Бонапарту наступательный союзъ. Онъ затѣваетъ нелѣпый походъ на Индію, велитъ донскимъ казакамъ выступать къ Оренбургу, а оттуда черезъ Хиву и Бухару итти къ Инду. Англо-русская война была предотвращена только ночнымъ дѣйствомъ Палена и Беннигсена съ товарищами.

И среди всѣхъ этихъ неприглядныхъ изворотовъ международной борьбы, — изворотовъ своекорыстныхъ, безжалостныхъ, коварныхъ даже въ наши дни, но въ наши дни обычно все-же находящихъ себѣ оправданіе или объясненіе въ несомнѣнномъ національномъ интересѣ или повелительномъ инстинктѣ національнаго самосохраненія, а въ восемнадцатомъ вѣкѣ нерѣдко объяснявшихся только интересомъ сословнымъ или чисто династическимъ или просто личными особенностями вѣнценосной души, — среди всѣхъ этихъ дипломатическихъ и военныхъ трагедій и комедій крѣпнутъ первыя, робкія завязи англо-русскаго культурнаго сближенія. При Екатеринѣ II нарождается русская англоманія. Подобно первымъ торговымъ сношеніямъ,

первыя культурныя встрѣчи носили съ русской стороны пассивный характеръ: русскіе испытывали на себѣ воздѣйствіе болѣе высокой англійской культуры, но сами на англичанъ не вліяли. Открывается побѣдное шествіе англійской литературы. Русскія дворянскія дѣвицы начинаютъ влюбляться въ обманы Ричардсона, и русскіе сатирическіе журналы усердно подражаютъ своимъ англійскимъ первообразамъ. Даже англійская политическая мысль находитъ себѣ доступъ въ Россію, и даже подъ Августѣйшимъ покровительствомъ: одинъ изъ политическихъ авторитетовъ Екатерины былъ Блакстонъ, не говоря уже объ англизированномъ Монтескье. До Россіи доходитъ англійская филантропія: Джонъ Гауардъ мечтаетъ очеловѣчить и русскія тюрьмы и кончаетъ свою святую жизнь въ предѣлахъ Россіи. Нѣкоторые,

Графъ С. Р. Воронцовъ

Съ портрета Ромнея

правда — немногіе, русскіе получаютъ возможность непосредственно познакомиться съ англійскимъ бытомъ и легко становятся англоманами, даже англоманами разныхъ типовъ и достоинствъ. Англоманами стали оба брата Воронцовы, бывшіе послами въ Англіи, Александръ и Семенъ. Семенъ Романовичъ прожилъ въ Англіи почти безвыѣздно 47 лѣтъ до самой смерти (1832 г.) и совершенно обангличанился: онъ причудливо соединилъ старомосковское боярское чванство съ преклоненіемъ предъ аристократическими или даже олигархическими чертами тогдашней англійской жизни и можетъ объяснить намъ дворянскія настроенія и тяготѣнія къ комфорту, создавшія у насъ „аглицкій клобъ". Семенъ Романовичъ, повидимому, подъ конецъ жизни даже перешелъ въ англиканство: по крайней мѣрѣ, его похоронили по англиканскому обряду въ лондонской церкви St. Mary Marylebone. Болѣе привлекательными англоманами выходили дворяне, пріѣзжавшіе въ Англію юнцами на выучку. Николай Семеновичъ Мордвиновъ явился въ Англію въ 1774 г. двадцати лѣтъ отроду

учиться морскому дѣлу и пробылъ въ Англіи три года. Его тяготѣніе къ Англіи тоже было очень велико, но оно носило болѣе глубокій и просвѣщенный характеръ, чѣмъ у Воронцовыхъ: любовь къ очень аристократическому строю сплелась у него съ жаждою свободы и законности, съ преклоненіемъ передъ англійскою философскою и научною мыслью. Н. И. Тургеневъ много позже, въ своей книгѣ Russie, такъ противополагалъ мордвиновское соціально-политическое міровоззрѣніе своимъ собственнымъ взглядамъ, умѣренно оппозиціоннымъ взглядамъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка: „Онъ хотѣлъ политической свободы съ высшей палатой, онъ возставалъ съ благородною и горячею самоотверженностью противъ всякаго произвола. Я же сочувствовалъ неограниченной власти, защищая необходимость ея для освобожденія страны отъ чудовищной эксплоатаціи человѣка человѣкомъ". Поражаетъ въ англоманіи Мордвинова широта литературныхъ симпатій. Въ 1806 г. онъ пишетъ брату Іереміи Бентама (Bentham), Самуилу Бентаму, одно время управлявшему потемкинскими имѣніями въ Бѣлоруссіи: „Хочу поселиться въ Англіи и познакомиться съ вашимъ братомъ, однимъ изъ четырехъ геніевъ" (остальные три генія — Бэконъ, Ньютонъ, А. Смитъ). Но еще больше Мордвиновъ удивляется англійскому патріотизму и богатству. Въ 1811 г. онъ рѣзко критикуетъ конфискацію англійскихъ торговыхъ судовъ въ угоду Наполеону и доказываетъ что континентальная система разоряетъ не Англію, а Россію: „Невозможно привести въ зависимость такого народа, который преисполненъ любовью къ отечеству, обладаетъ обширными капиталами, имѣетъ глубокое свѣдѣніе о разныхъ хозяйственныхъ и художественныхъ предметахъ и довелъ земледѣліе до совершенства".

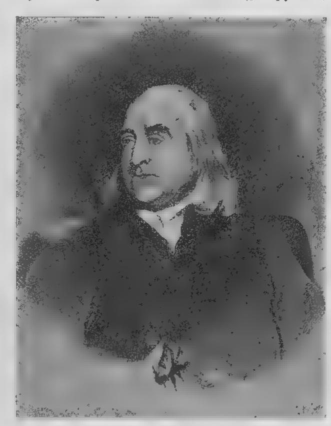

Адмиралъ Н. С. Мордвиновъ.
Съ портрета Доу.

Мордвиновъ не былъ одинокъ въ своей оцѣнкѣ англійскихъ геніевъ. Въ дней Александровыхъ прекрасное начало Бентамъ и А. Смитъ становятся въ Россіи вліятельными, до нѣкоторой степени модными писателями. Съ 1804 г. сочиненія Бентама переводятся на русскій языкъ — и въ переводѣ участвуетъ Сперанскій; нѣкоторыя сочиненія Бентама изданы въ русскомъ переводѣ по Высочайшему повелѣнію. Другъ Бентама, Дюмонъ, даже завѣрялъ въ Англіи, будто сочиненій Бентама продано въ Петербургѣ не меньше, чѣмъ въ Лондонѣ. Это, конечно, преувеличеніе, но вѣдь мы хорошо помнимъ, что „иная дама читаетъ Сея и Бентама", И наивный геній мечтаетъ, что въ Россіи охотнѣе отзовутся на его реформаторскіе призывы, чѣмъ въ Англіи. Бентамъ съ живымъ интересомъ слѣдитъ за дѣятельностью близкихъ къ Александру I молодыхъ политиковъ въ первые годы царствованія. Здѣсь меньше нелѣпаго, чѣмъ кажется съ перваго взгляда: вѣдь двое изъ тогдашнихъ тріумвировъ, Новосильцовъ и Кочубей, учились въ Англіи. Когда Александръ въ 1814 г. посѣтилъ Англію, то бесѣдовалъ съ Бентамомъ, и послѣ этого Бентамъ шлетъ Императору длинныя и врядъ ли прочитанныя письма о кодексѣ. — О популярности А. Смита можно судить уже по тому, что попавшій въ кругъ серьезнаго дамскаго чтенія Сей былъ вѣдь популяризаторомъ Смита; но и самъ Смитъ былъ переведенъ на русскій языкъ въ первые годы девятнадцатаго вѣка. — Докатывается до Россіи и волна англійскаго религіознаго движенія и задѣваетъ созвучныя струны въ сложной, томной и смутной душѣ послѣнаполеоновскаго Александра. Учрежденное въ концѣ

1812 года Русское Библейское Общество находится въ тѣсной связи съ Британскимъ (British and Foreign Bible Society), и среди директоровъ Русскаго Общества вмѣстѣ съ двумя русскими митрополитами числился англійскій священникъ Питтъ. Въ свою бытность въ Англіи Александръ милостиво разговаривалъ съ двумя видными квекерами, Алленомъ и Гриллеромъ, которые на слѣдующій годъ пріѣхали въ Россію. Даже англійскія педагогическія новшества, въ родѣ „ланкарточныхъ взаимныхъ обученій“, доходили до сердца Россіи и пугали старухъ грибоѣдовской Москвы. — Но больше всего утвержденію англійскихъ вліяній способствуетъ яркая поэтическая звѣзда, звѣзда Байрона, на время полонившая даже столь несродную себѣ душу Пушкина.

Нить англійскаго культурнаго вліянія тянется теперь непрерывно. Но англо-русскія дипломатическія отношенія и при Александрѣ отмѣчены рѣзкими колебаніями. Немедленно по восшествіи на престолъ Александръ возстанавливаетъ прерванныя Павломъ дружественныя сношенія, а вскорѣ, въ 1805 г. борьба съ Наполеономъ заставляетъ его возобновить и англо-русскій союзъ. Но за двумя русскими, очень неудачными, кампаніями противъ Наполеона послѣдовала въ 1807 г. феерія Тильзита, внезапное и волшебное превращеніе враговъ въ союзниковъ и союзниковъ во враговъ. Наполеонъ предложилъ Александру подѣлить господство надъ континентальной Европой и общими силами сокрушить Англію посредствомъ континентальной системы, запрета какихъ бы то ни было торговыхъ сношеній съ Англіей, запрета, распространявшагося и на торговлю нейтральныхъ державъ съ Англіей; въ случаѣ отказа Португаліи, Швеціи, Даніи Наполеонъ думалъ заставить ихъ силою присоединиться къ блокадѣ. Александръ принялъ предложеніе Наполеона. Но континентальная блокада, бывшая главною цѣлью и скрѣпою франко-русскаго союза, оказалась одною изъ главныхъ причинъ его быстраго паденія. Конечно, были и другія причины. Наполеонъ воображалъ, будто онъ очаровалъ Александра, но Александръ больше притворялся очарованнымъ. Едва успѣлъ пройти медовый мѣсяцъ дружбы, какъ Александръ пишетъ любимой сестрѣ, Екатеринѣ Павловнѣ: „Бонапартъ думаетъ, что я дуракъ; но всѣхъ веселѣе смѣяться будетъ тотъ, кто будетъ смѣяться послѣднимъ“. Уже въ 1808 г. злополучные Фридрихъ-Вильгельмъ и Луиза являются въ Петербургъ въ качествѣ желанныхъ гостей, а австрійскіе дипломаты ведутъ съ Александромъ тайные переговоры о возможномъ совмѣстномъ выступленіи противъ Франціи. Отношенія между дворами окончательно испортились послѣ захвата Наполеономъ Ольденбургскихъ владѣній и послѣ мало церемоннаго сватовства къ великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ. Но едва ли не сильнѣе дѣйствовали хозяйственныя послѣдствія блокады.

Іеремія Бентамъ.

Блокада раскрыла съ непререкаемою ясностью морскую мощь Англіи и важное значеніе англійской торговли въ русской хозяйственной жизни. Въ 1802 г. изъ Петербургскаго порта было вывезено товаровъ приблизительно на 30 милліоновъ рублей, изъ которыхъ на долю англичанъ приходилось больше половины; $17^1/_2$ милліоновъ, въ сравненіи съ которыми полумилліонный французскій вывозъ былъ ничтоженъ. Англійская доля ввоза была не такъ велика, но все же очень значительна. И непроданнаго англичанамъ товара нельзя было вывезти водою никому другому: англичане господствовали на морѣ и захватывали всѣ русскіе грузы. И

пока русскіе строго соблюдали блокаду, въ 1807 и частью въ 1808 гг., русскіе порты бездѣйствуютъ, русскій вывозъ рѣзко сокращается и русскіе сельскіе хозяева терпятъ большіе убытки. Франко-русскій союзъ, съ самаго начала очень непопулярный, возбуждаетъ очень рѣзкія осужденія въ русскихъ дворянскихъ кругахъ, особенно въ Москвѣ. Правда, вліяніе блокады скоро начинаетъ смягчаться контрабандой. Наполеонъ жалуется на нее еще въ 1808 г., но всѣ жалобы остаются тщетными передъ давленіемъ хозяйственной необходимости. И, напримѣръ, англійскіе комиссіонеры не только продолжаютъ ввозить нужный русскимъ фабрикамъ хлопокъ, но сильно расширяютъ свой ввозъ, потому что контрабандный хлопокъ идетъ теперь черезъ Россію на Западъ. А на французскія жалобы русское правительство имѣло возможность отвѣчать, что оно только слѣдуетъ французскому примѣру: Наполеонъ дѣйствительно самъ былъ вынужденъ нарушать строгую блокаду и, напримѣръ, многихъ своихъ солдатъ одѣвалъ въ англійское сукно. И все-таки Наполеонъ придавалъ блокадѣ такое большое значеніе, что въ 1811 г. грозилъ русскому правительству войною при первой попыткѣ примиренія съ Англіей. И недовольство англо-русской контрабандой во многомъ объясняетъ ту легкость, съ которой Наполеонъ пошелъ на разрывъ съ Россіей.

Отечественная война съ ея западноевропейскимъ завершеніемъ приводитъ къ новому англо-русскому союзу. Въ мартѣ 1814 г. по Шомонскому договору Англія присоединяется къ Россіи, Пруссіи и Австріи: союзники обязуются бороться противъ всѣхъ попытокъ захвата со стороны Франціи и устраивать частые конгрессы для охраны мира и порядка. Но отъ присоединенія къ Священному Союзу Англія уклонилась. Она вообще старается сохранить за собою свободу дѣйствій, не посылаетъ представителей на конгрессъ въ Троппау и Лайбахѣ, а на конгрессахъ въ Ахенѣ и Веронѣ участвуетъ главнымъ образомъ для того, чтобы мѣшать чрезмѣрному вмѣшательству трехъ абсолютныхъ монархій Восточной Европы въ жизнь второстепенныхъ государствъ. Даже Касльри, который, впрочемъ, не заслужилъ своей славы тупого реакціонера, противится вмѣшательству въ испанскія и южно-американскія революціонныя движенія. Уже тогда Англія не боится „блестящаго одиночества". Уже тогда Англія, особенно со времени Каннинга, наклонна видѣть въ Россіи главную представительницу политической и культурной отсталости и свою главную международную соперницу. По ироніи судьбы полнота англо-русскаго успѣха въ борьбѣ съ Наполеономъ привела къ рѣзкому расхожденію союзниковъ. Франція была сломлена, унижена, обезсилена. Англійскій страхъ передъ французами потускнѣлъ. Но именно вслѣдствіе этого Россія стала теперь самымъ опаснымъ врагомъ Англіи: со второго мѣста въ ряду враговъ она передвинулась на первое.

Не исчезаетъ, конечно, и враждебность къ Франціи. Правда, послѣнаполеоновская Англія не разъ ищетъ сближенія съ Франціей: у сердечнаго соглашенія нашихъ дней есть прецеденты въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Но основнымъ настроеніемъ по отношенію къ французамъ еще долго продолжаетъ быть недовѣріе и непріязнь. Временами англичанъ даже охватываетъ малопонятный намъ теперь страхъ передъ французскимъ вторженіемъ, немногимъ уступающій по своей силѣ теперешнимъ страхамъ передъ нѣмецкимъ дессантомъ. И все же главною англійскою тревогою становится тревога передъ русскими. Вплоть до Крымской кампаніи Россія была или вѣрнѣе казалась самою большою военною силою европейскаго міра. Англичане боятся за цѣлость Турціи, въ распаденіи которой видятъ начало конца своей колоніальной имперіи. Опасенія за колоніи осложняются и оправдываются опасеніями за цивилизацію европейскаго Запада. Военное торжество Россіи отождествляется многими англичанами съ побѣдою восточнаго варварства, при чемъ конечно страхъ за Индію былъ искреннѣе и сильнѣе страха за цивилизацію.

Какъ бы то ни было, царствованіе Николая I было временемъ наибольшаго расхожденія Россіи и Англіи, наиболѣе напряженнаго англо-русскаго антагонизма.

Съ портрета раб. худ. Сѣрова.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

въ формѣ Великобританскаго Шотландскаго № 2 Драгунскаго полка (Royal Scots—Greys).

III.

Весною 1835 г. въ Англіи появился памфлетъ „Англія, Ирландія и Америка", авторъ котораго скромно укрылся за подписью „манчестерскій фабрикантъ". Заглавіе было неполное: памфлетъ начинается разсужденіемъ объ англо-русскихъ отношеніяхъ. Едва успѣла исчезнуть шестивѣковая, нелѣпая и пагубная англо-французская ненависть, какъ народилась англо-русская вражда и англо-турецкая дружба. Авторъ вооружается противъ такого настроенія. Русскіе государственные порядки плохи, но много лучше турецкихъ, а торговыя сношенія съ Россіей для Англіи много важнѣе англо-турецкой торговли.

Въ 1836 г. тотъ же „манчестерскій фабрикантъ" напечаталъ новый памфлетъ, спеціально посвященный Россіи и англо-русскимъ отношеніямъ. Авторъ смѣло заявляетъ, что завоеваніе Турціи Россіей было бы выгодно для Англіи, ибо Россія по своимъ законамъ и учрежденіямъ безконечно выше Турціи съ ея военнымъ деспотизмомъ, грубой и фанатической религіей, презрѣніемъ къ торговлѣ. Россія захватила много земли у сосѣдей, но не англичанамъ, завоевавшимъ втрое больше чужихъ земель, упрекать ее въ нарушеніи восьмой заповѣди. Фабрикантъ разъясняетъ своимъ соотечественникамъ, что ограбленіе Польши Россіей было главнымъ образомъ возвращеніемъ ряда русскихъ областей, которыя нѣкогда были захвачены Польшей и въ которыхъ польская шляхта насадила самый плохой видъ администраціи съ жестокимъ угнетеніемъ закрѣпощенныхъ крестьянъ и съ религіозными преслѣдованіями. Сверхъ того, не слѣдуетъ такъ бояться Россіи, какъ ея боятся въ Англіи: Россія гораздо менѣе страшна, чѣмъ то кажется съ перваго взгляда. Въ ней нѣтъ того, что объединяетъ націю, нѣтъ единства въ языкѣ, нравахъ, вѣрѣ. Она слабо заселена и бѣдна, въ ней мало городовъ и очень мало большихъ городовъ. Необъятность пространства только усугубляетъ военную слабость русскихъ, которая была разоблачена и наполеоновской кампаніей и польскимъ возстаніемъ 1831 года.

Кобденъ.

Если бы русскіе понимали свою пользу, они должны были бы устремить всѣ свои усилія на устроеніе наличной территоріи, а не на завоеваніе новой. Россія далеко отстала отъ всѣхъ другихъ христіанскихъ государствъ на пути свободы и цивилизаціи, но все-таки она движется по этому пути, на который Турція и не вступала.

Манчестерскій фабрикантъ былъ Р. Кобденъ, впослѣдствіи глава манчестерской школы и политико-экономическій воспитатель многихъ поколѣній англійскаго образованнаго общества. Въ 1835 и 1836 гг. онъ зналъ Россію только по книгамъ. Въ 1846 г. уже знаменитымъ человѣкомъ, только что одержавшимъ величайшую побѣду своей жизни, добившимся отмѣны хлѣбныхъ законовъ, онъ познакомился съ нею ближе, во время своего путешествія побывалъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ. Нельзя сказать, чтобы его мнѣніе о Россіи повысилось. Русскіе кажутся ему народомъ очень примитивнымъ, чрезвычайно далекимъ отъ англійской культурности. Москвичи и Москва очень живописны, но живописны на азіатскій манеръ. Москвичи суевѣрны. Русскій рабочій лѣнивъ и, несмотря на низкую заработную плату, обходится дороже англичанъ. Ссылаемые въ Сибирь поражаютъ совершенно восточною покорностью судьбѣ. Въ Бого-

родскѣ изъ прядильной подмосковной фабрики Кобденъ идетъ на подмосковныя поля и поражается варварскою первобытностью русскаго сельскаго хозяйства. „Я спрашивалъ себя, вслѣдствіе какой извращенности сужденія земледѣльческій народъ заимствуетъ у Англіи ея новѣйшія прядильныя машины и пренебрегаетъ англійскими уроками въ томъ промыслѣ, на которомъ покоится благосостояніе русской имперіи“. Въ Петербургѣ онъ слышитъ разсказы о безудержномъ казнокрадствѣ. Но одновременно знакомится съ русскимъ экономистомъ-фритредеромъ, Бутовскимъ, и ведетъ съ русскими сановниками разговоры о благахъ свободной торговли. А главное, онъ убѣждается на мѣстѣ въ важности англо-русскихъ хозяйственныхъ отношеній. Въ Петербургѣ соотечественники устроили въ его честь обѣдъ, и собралось большое англійское общество, человѣкъ двѣсти, все дѣловыхъ людей, негоціантовъ и фабрикантовъ. И вдругъ на петербургскихъ островахъ, въ глухую пору глухого Николаевскаго порядка, въ отвѣтъ на свою радикальную рѣчь Кобденъ слышитъ критику слѣва, которая живо напомнила ему выступленія чартистовъ. Это говорилъ директоръ какой-то прядильной мануфактуры. Правда, такого многолюднаго общественнаго обѣда еще никогда не бывало въ Петербургѣ; правда, чартистская рѣчь не встрѣтила сочувствія; правда, она была сказана по-англійски. И все-таки нельзя не присоединиться къ удивленію Кобдена: „я былъ пораженъ свободою рѣчи, столь отличною отъ той робости, съ которой я нерѣдко встрѣчался въ Италіи и Австріи“.

Кобденъ и его почти столь же знаменитый другъ Брайтъ продолжаютъ въ средѣ англійскихъ радикаловъ ту традицію руссофильства, которую мы подмѣтили во дни Фокса и Шеридана. Но такое руссофильство было въ Англіи Николаевской поры еще менѣе популярнымъ, чѣмъ во дни Екатерины II. Въ этомъ признается самъ Кобденъ въ 1836 г. Спросите перваго встрѣчнаго о томъ, что онъ думаетъ о Россіи, и въ девяти случаяхъ изъ десяти вы услышите негодующія жалобы на коварство русскихъ дипломатовъ, завоевательный характеръ русской политики, жестокость царя, варварство русскаго народа. Особенно ретивымъ руссофобомъ выступалъ въ печати 30-хъ годовъ забытый теперь второстепенный англо-шотландскій дипломатъ, David Urquhart. Въ 1835 г. онъ напечаталъ памфлетъ „Англія, Франція, Россія, Турція“, гдѣ печаловался о страданіяхъ поляковъ, пророчилъ скорое поглощеніе Турціи Россіей и горячо увѣщевалъ англичанъ положить предѣлъ захватамъ „сарматскаго мамонта“.

Въ англійскомъ парламентѣ 30-хъ годовъ нерѣдко говорятъ о Россіи, но всѣ эти рѣчи враждебны русскимъ и различаются только степенью враждебности. Непріязнь къ Россіи тѣсно связана со страхомъ предъ варварской страной. Участь Польши послѣ возстанія 1831 г. возбуждаетъ сочувствіе у коммонеровъ всѣхъ партій. 9 іюля 1833 г. въ палатѣ общинъ долго и страстно говорятъ о страданіяхъ Польши. Очень видный англо-шотландскій юристъ Fergusson предлагаетъ обратиться къ королю съ адресомъ о непризнаніи введенныхъ Органическимъ Статутомъ 1832 года порядковъ, въ виду того, что они противорѣчатъ постановленіямъ Вѣнскаго Конгресса о польской конституціи. Fergusson оправдываетъ возстаніе 1831 года, которое было вызвано невыносимой тираніей в. кн. Константина и вовсе не дало русскому императору права нарушать международныя соглашенія. Но русское правительство не соблюдаетъ даже Органическаго Статута и подвергаетъ несчастныхъ поляковъ жестокимъ, безчеловѣчнымъ гоненіямъ. А порабощеніе Польши есть ступень къ порабощенію всей Европы. Ораторъ преисполненъ страха предъ мощью и хитростью варварской Россіи. За послѣдніе полвѣка русская внѣшняя политика велась съ несравненнымъ постоянствомъ, искусствомъ, успѣхомъ. Подозрительному шотландцу всюду мерещатся длинныя и безстрашныя русскія руки. Въ Босфорѣ Россія охраняетъ султана и готовится въ удобный для себя моментъ поглотить его владѣнія, какъ она поглотила Польшу. Въ Германіи Россія оказываетъ высокомѣрную поддержку австрійцамъ и пруссакамъ въ ихъ попыткахъ сокрушить нѣмецкую свободу. Она поощряетъ голландскаго короля въ его противодѣйствіи разрѣшенію бельгійскаго вопроса. Она вмѣшивается даже въ испанскія и португальскія дѣла, помогаетъ всѣмъ реакціонерамъ и борется со всѣми свободолю-

бивыми теченіями. А если захватнымъ стремленіямъ Россіи не поставить твердой преграды, то англичанамъ скоро придется воевать съ ней на равнинахъ Индостана.

Если такъ говорилъ человѣкъ умѣренный, вскорѣ вошедшій въ составъ министерства, то можно представить себѣ языкъ радикаловъ. Извѣстный основатель и предсѣдатель „Бермингамскаго политическаго союза“ (Birmingham Political Union) Томасъ Атвудъ считаетъ главнымъ политическимъ орудіемъ русскихъ варваровъ кнутъ, обвиняетъ самого русскаго императора въ крайней жестокости и призываетъ къ немедленной войнѣ съ Россіей. Знаменитый ирландецъ О'Коннель восклицаетъ, что нѣтъ чудовищнаго поступка, котораго не былъ бы способенъ совершить русскій императоръ; О'Коннель позволяетъ себѣ даже еще болѣе рѣзкіе отзывы. Члены правительства, разумѣется, выбираютъ гораздо болѣе осторожныя, дипломатическія выраженія. Но есть два очень важныхъ утвержденія, въ которыхъ сходятся всѣ ораторы: Россія сильна и коварна, Россія—естественный врагъ Англіи. И тѣ немногочисленные коммонеры, которые, какъ sir Harry Verney, несогласны видѣть въ Россіи страну варварскую и указываютъ на ея быстрые культурные успѣхи, тѣмъ сильнѣе подчеркиваютъ русскую опасность.

Лордъ Памерстонъ.

Въ 1833 г. на устахъ у руссофобовъ была Польша, въ 1836 г.—Турція. Послѣ того, какъ имп. Николай Павловичъ помогъ султану противъ египетскаго паши Мегмета-Али, въ Стамбулѣ усилилось русское вліяніе и было закрѣплено ункіаръ-искелесскимъ договоромъ 1833 года. Слѣдившимъ за восточными дѣлами англичанамъ стало казаться, что русскіе близки къ осуществленію своей завѣтной мечты, къ захвату Дарданеллъ. Въ февралѣ 1836 лордъ Дедли Стюартъ бьетъ тревогу въ Нижней Палатѣ. Если Россія утвердится на проливахъ, она постарается превратиться въ великую морскую державу, она протянетъ руку къ Персіи и войдетъ въ соприкосновеніе съ туземнымъ населеніемъ Индіи. Англійское владычество въ Индіи держится на „мнѣніи“ (an empire of opinion); если русскіе сумѣютъ поколебать англійскій престижъ, то англо-индійская держава растаетъ, и русскій походъ въ Индію, особенно послѣ поглощенія Персіи, перестанетъ быть невозможностью; въ русскомъ генеральномъ штабѣ разработано нѣсколько плановъ индійской кампаніи.—Уже эти разсужденія о походѣ на Индію кажутся намъ странными. Но гораздо болѣе странными, почти дикими и болѣзненными представляются теперь тогдашнія англійскія тревоги за Европу. Стюартъ пугаетъ палату тѣмъ, что русскіе захватятъ Европейскую Турцію и Грецію, подымутъ смуту въ Италіи и захватятъ Италію. Даже таможенное объединеніе Германіи въ пугливо раскрытыхъ глазахъ оратора является плодомъ русской интриги: это Россія подговорила Пруссію устроить Zollverein, чтобы окончательно подчинить ее себѣ. И когда таможенный союзъ укрѣпится, то станетъ сильнѣе Пруссія, которая будетъ вынуждена еще болѣе прежняго опираться на Россію. Эта страшная Россія одновременно можетъ объединить всѣхъ славянъ и всѣхъ православныхъ и продвинуться къ сѣверной Атлантикѣ, такъ чтобы шведскіе и норвежскіе моряки оказались на русской службѣ. Россія явно стремится къ господству надо всѣмъ міромъ, и ея честолюбіе не уступаетъ наполеоновскому. Но въ то время, какъ Наполеонъ приносилъ побѣжденнымъ внутреннія реформы и улучшенную администрацію, русское завоеваніе влечетъ за собою безстыдную продажность, коварное шпіонство, конфискаціи, пытки, нравственное паденіе и рабство.—Атвудъ сильно поддерживаетъ враждебное русскимъ предложеніе и завѣряетъ, что война съ Россіей будетъ очень популярна въ Англіи, особенно среди моряковъ торговаго флота.

Въ 1836 г. пугливыя преувеличенія русской мощи уже наталкиваются на критику. Баурингъ думаетъ, что безчисленныя русскія арміи существуютъ лишь на бумагѣ, а на дѣлѣ Россія никогда не выставляла въ поле больше 300.000; сверхъ того, русское правительство скоро встрѣтится съ политической оппозиціей дворянъ. Какъ это хорошо показала континентальная блокада, русскіе находятся въ такой тѣсной хозяйственной зависимости отъ Англіи, что не могутъ долго воевать съ англичанами. А островное положеніе и военно-морская мощь Англіи дѣлаютъ ее совершенно неуязвимою для Россіи.— И представители правительства успокаиваютъ палату насчетъ русской опасности, разъясняютъ напримѣръ, что Россія не принимала никакого участія въ организаціи нѣмецкаго таможеннаго союза и нисколько не заинтересована въ его процвѣтаніи. Статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, Памерстонъ, конечно возстаетъ противъ грубыхъ отзывовъ о русскомъ императорѣ, подчеркиваетъ его личное великодушіе и старается переложить на русскихъ бюрократовъ отвѣтственность за чинимыя въ Польшѣ насилія и преступленія. Памерстонъ конечно не можетъ не соблюдать международныхъ приличій. Но это не мѣшаетъ его рѣчамъ дышать недовѣріемъ и непріязнью къ Россіи. Въ 1833 г. Памерстонъ заявляетъ безъ оговорокъ, что польская конституція обезпечена вѣнскимъ трактатомъ, что польское возстаніе не уничтожило международной санкціи, и что, если англійское правительство не вмѣшалось болѣе энергичнымъ образомъ въ русско-польскія дѣла, то по соображеніямъ цѣлесообразности, а не правомѣрности.

Королева Викторія.
Съ литографіи Демезона.

Нельзя сказать, чтобы при Николаѣ русско-англійскія оффиціальныя отношенія были все время враждебны. Нѣсколько разъ правительства обѣихъ странъ оказываются въ одномъ дипломатическомъ станѣ. Въ 1826—1828 гг. Англія, Россія и Франція совмѣстно требуютъ, чтобы султанъ предоставилъ грекамъ автономію. Бывшій представителемъ Англіи на коронаціи Николая I Веллингтонъ сумѣлъ въ 1826 г. заключить англо-русское соглашеніе по греческому вопросу, а Каннингъ еще въ томъ же году убѣдилъ французское правительство присоединиться къ соглашенію. Впервые мы встрѣчаемся съ предвареніемъ теперешней Triple Entente. Правда, тройственное соглашеніе 1826 года распространялось только на греческія дѣла; и все же оно представляетъ большой интересъ, тѣмъ болѣе, что оно вскорѣ привело къ совмѣстному военному выступленію. Въ началѣ 1827 г. тройственное соглашеніе потребовало, чтобы Порта пріостановила военныя дѣйствія противъ Греціи. Порта отвѣтила отказомъ. Тогда въ іюлѣ 1827 г. Англія, Россія и Франція подписали лондонскій трактатъ, по которому флоты всѣхъ трехъ договорившихся странъ должны выступить противъ Турціи въ случаѣ вторичнаго отказа Турціи заключить перемиріе. Вторичный турецкій отказъ отъ перемирія не заставилъ себя ждать, и 20 октября 1827 г. турецко-египетскій флотъ былъ уничтоженъ въ Наваринской бухтѣ франко-русско-англійскимъ флотомъ подъ командою англійскаго адмирала Кодрингтона.—Когда въ 1840 г. обнаружилось, что французское правительство, съ Тьеромъ во главѣ, готово поддержать египетскаго повстанца Мегмета-Али, а великобританское правительство склонно защищать неприкосновенность султанскихъ владѣній, Николай I ухватился за случай унизить полуреволюціонную іюльскую монархію во Франціи и поддержать принципъ легитимизма и поспѣшилъ присоединиться къ англо-австрійскому соглашенію объ оказаніи помощи султану противъ Мегмета-

Али, при чемъ ради этого даже отказался отъ выгодныхъ России условій, установленныхъ ункіяръ-искелесскимъ договоромъ 1833 года (главное изъ этихъ условій—въ случаѣ войны Порта оставляетъ проливы открытыми для русскаго военнаго флота, но закрываетъ ихъ для всѣхъ другихъ военныхъ кораблей).

Но должно признаться, что у петербургскаго кабинета было больше тяготѣнія къ Англіи, чѣмъ у лондонскаго къ Россіи. Правда, Николай I тяготѣетъ не столько къ Англіи вообще, сколько къ двору и къ тори; онъ не любитъ виговъ, особенно Памерстона, и за руссофобію и за либерализмъ. А послѣ реформы 1832 г. тори рѣдко становятся у власти (Пиль 1841—6, Дарби февр.—дек. 1852 г.). Но въ эти короткіе промежутки Николай I и Нессельроде довольно настойчиво ищутъ сближенія съ Англіей. Въ іюнѣ 1844 Николай Павловичъ даже самъ пріѣзжалъ въ Англію, повидимому съ цѣлью отвлечь Англію отъ Франціи, велъ политическія бесѣды съ Пилемъ, съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Абердиномъ, съ мужемъ королевы Викторіи, принцемъ Альбертомъ, завѣрялъ, что не хочетъ ни пяди турецкой земли, но и другимъ не позволитъ никакихъ захватовъ. Николай Павловичъ былъ очень любезенъ, примѣнялся къ обстановкѣ, даже надѣвалъ фракъ, хотя чувствовалъ себя очень неловко въ штатскомъ, и очень понравился придворному обществу, особенно дамамъ. Викторія записала въ свой дневникъ очень интересную характеристику императора, въ которой чувствуется вліяніе мужа. И, подчиняясь давленію своего господина, русскій канцлеръ Нессельроде въ своихъ докладахъ и нотахъ 1844 и 1845 годовъ выражаетъ удовольствіе добрыми отношеніями Россіи къ Англіи англо-французской размолвкой. Крымская война близка, Николай Павловичъ знаетъ, что многіе ненавидятъ его въ Европѣ, какъ главу европейской реакціи (объ этомъ откровенно пишетъ государю Погодинъ въ запискѣ 7 дек. 1853 и государь одобрительно помѣчаетъ на поляхъ: *Такъ*), и все-таки думаетъ въ 1852 г., что сумѣлъ установить самыя дружественныя отношенія съ торійскимъ кабинетомъ Дарби. Даже въ 1853 императоръ воображаетъ, будто сумѣлъ сговориться съ англичанами о раздѣлѣ Турціи и ведетъ на эту тему съ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ Гамильтономъ Симуромъ неосторожныя бесѣды, содержаніе которыхъ было напечатано англійскимъ правительствомъ въ мартѣ 1854 года въ разсчетѣ, въ полной мѣрѣ оправдавшемся, усилить и безъ того острую непріязнь англичанъ къ Россіи. Монарху, столь увѣренному въ себѣ и быстрому въ своихъ сужденіяхъ, какъ Николай Павловичъ, трудно проникать въ чужую душу. Въ свой англійскій визитъ 1844 года Николай Павловичъ оказывалъ особое вниманіе принцу Альберту и былъ увѣренъ, что пріобрѣлъ въ немъ надежнаго и почтительнаго друга. Онъ грубо ошибся въ Альбертѣ. Впрочемъ, ошибка была въ высокой мѣрѣ простительна: даже многіе англичане до Крымской войны видѣли въ принцѣ орудіе русскаго честолюбія. На дѣлѣ Кобургская династія, къ которой принадлежалъ Альбертъ, была не руссофильской, а руссофобской, что обнаружилось съ полною ясностью въ годы Крымской войны. Сейчасъ же послѣ обнародованія въ ноябрѣ 1853 г. русскаго манифеста о войнѣ съ Турціей Альбертъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждаетъ русскую политику и самымъ непочтительнымъ образомъ отзывается о русскомъ императорѣ (Prince Consort to Stockmar 27.12.1853 the Emperor of Russia is manifestly quite mad Martin II 535).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.
Въ Лондонѣ въ 1844 г.

Обвиненіе въ уступчивости русскимъ требованіямъ считалось тяжкимъ обвиненіемъ для англійскаго политическаго дѣятеля наканунѣ Крымской кампаніи. Въ маѣ 1853 русскій посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, въ очень интересной депешѣ изображаетъ своему начальнику

Нессельроде лондонскія политическія настроенія. Онъ пишетъ про новаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ, Кларендона. „Кларендонъ, не чувствующій къ намъ ни малѣйшей враждебности, превращается въ нашего врага единственно изъ страха упасть въ общественномъ мнѣніи въ случаѣ уступчивости по отношенію къ Россіи". У Россіи нѣтъ друзей въ кабинетѣ. „Абердинъ въ сущности нашъ единственный другъ, но и онъ начинаетъ слабѣть". У Россіи нѣтъ друзей ни въ парламентѣ ни въ печати. „Обѣ палаты проникнуты враждебнымъ намъ настроеніемъ. Всѣ газеты высказались противъ насъ. Крикъ—русское требованіе—замыкаетъ уста самымъ трезвымъ людямъ".

Русскій нѣмецъ преувеличиваетъ. Еще остались смѣлые люди, которымъ не могъ замкнуть устъ никакой деспотизмъ нетерпимаго общественнаго мнѣнія. И по причудливой ироніи судьбы вѣрными друзьями отсталой и самодержавной Россіи были передовые радикалы манчестерской школы—и прежде всего Кобденъ и Брайтъ [1]). Но Кобденъ и Брайтъ были одиноки. Памерстонъ съ торжествомъ писалъ въ крымскіе дни: „Въ вопросѣ о войнѣ съ Россіей весь англійскій народъ единодушенъ; я говорю единодушенъ, ибо не могу же я придавать какое бы то ни было значеніе Кобдену, Брайту и К$^{\circ}$". Кобдена и Брайта въ глаза зовутъ измѣнниками; на митингахъ жгутъ ихъ изображенія. Это не пугаетъ ихъ. Въ январѣ 1854 г. на митингѣ въ Манчестерѣ Кобденъ совѣтуетъ не бояться утвержденія русскихъ въ Константинополѣ: русскіе перестанутъ тамъ быть варварами раньше, чѣмъ станутъ страшными. И Брайтъ склоненъ видѣть въ Россіи, въ отличіе отъ Турціи, націю прогрессирующую. Россія не вѣчно останется при своемъ деспотизмѣ; и у насъ нѣкогда былъ деспотизмъ, и намъ было не легко отъ него избавиться. Брайтъ винитъ въ войнѣ Англію больше чѣмъ Россію (Crimea—a crime). Кобденъ насмѣшливо опровергаетъ надежды хвастливыхъ патріотовъ на быстрое сокрушеніе Россіи. Во время переговоровъ о мирѣ Брайтъ рѣшительно осуждаетъ всякую попытку запретить русскимъ держать военный флотъ на Черномъ морѣ: великая держава не можетъ помириться съ такимъ ограниченіемъ своего суверенитета и при первомъ удобномъ случаѣ нарушитъ соотвѣтствующую статью трактата. Даже Памерстонъ не отрицалъ основательности доводовъ Брайта, но не хотѣлъ послѣдовать совѣтамъ Брайта, потому что считалъ полезнымъ ослабить, унизить Россію хотя бы на нѣсколько лѣтъ. 11 и 13 статьями Парижскаго трактата Россіи и Турціи воспрещено имѣть на Черномъ Морѣ военный флотъ и возводить военно-морскіе арсеналы. Но Брайтъ оказался правъ. Воспользовавшись смутнымъ международнымъ положеніемъ въ дни франко-прусской войны, Горчаковъ 31 октября 1870 разослалъ циркуляръ съ извѣщеніемъ, что Россія больше не считаетъ себя связанною Парижскимъ трактатомъ въ тѣхъ его статьяхъ, которыя говорятъ о русскомъ суверенитетѣ на Черномъ морѣ. И Англія должна примириться съ шагомъ русскаго правительства. Единственная уступка, которой добился кабинетъ Гладстона, состояла въ томъ, что самочинная отмѣна 11 и 13 статей Парижскаго трактата была утверждена въ мартѣ 1871 г. собравшейся въ Лондонѣ международной конференціей.

IV.

Годы Крымской кампаніи были временемъ наиболѣе острой вражды между Англіей и Россіей. Правда, у трезвыхъ государственныхъ дѣятелей Англіи (Aberdeen, George C. Lewis, James Graham) еще до заключенія мира начинаетъ пробуждаться сознаніе, что вся война была политическою ошибкою, что англичане поставили свои деньги не на ту лошадь, какъ позже выразился Сольсбери. Но въ широкіе общественные круги такое сознаніе проникало очень медленно. Рядовой англичанинъ сталъ меньше прежняго бояться русскихъ, но продолжалъ видѣть въ нихъ своихъ

[1]) Такъ рѣзко бросалось въ глаза одинокое руссофильство манчестерскихъ радикаловъ, что вдова императора Николая I, императрица Александра Θеодоровна, встрѣтившись въ 1856 на континентѣ съ Брайтомъ, горячо благодарила его за добрыя чувства къ Россіи.

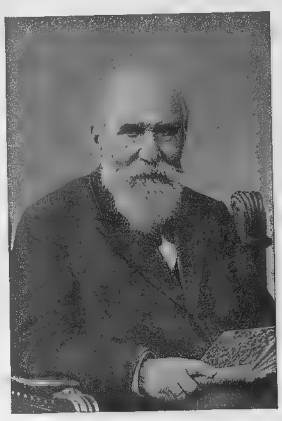
наслѣдственныхъ враговъ. На общихъ выборахъ 1857 года Кобденъ и Брайтъ потерпѣли крушеніе въ значительной мѣрѣ изъ-за своего руссофильства.—Естественно, что и въ русскихъ правительственныхъ кругахъ не скоро улеглась непріязнь къ англичанамъ, и ее испыталъ на себѣ представитель Англіи на коронаціи Александра II, лордъ Гранвиль. На высочайшемъ пріемѣ дипломатическаго корпуса послѣ коронаціи императоръ обошелся съ Гранвилемъ немногимъ дружелюбнѣе, чѣмъ съ австрійскимъ представителемъ Esterhazy; Гранвиль обидѣлся, и Горчакову пришлось улаживать непріятное осложненіе. Вѣроятно тяжелыми личными впечатлѣніями въ немалой мѣрѣ объясняется неблагопріятность отдѣльныхъ характеристикъ и общихъ оцѣнокъ русскаго положенія въ письмахъ Гранвиля. Въ концѣ 1856 года Гранвиль совершенно не предчувствуетъ близости великихъ реформъ, русскаго возрожденія. Не увидѣлъ онъ и той тяги къ Англіи, которая уже тогда была замѣтна въ русскомъ обществѣ и вскорѣ должна была обнаружиться съ еще большею силою.

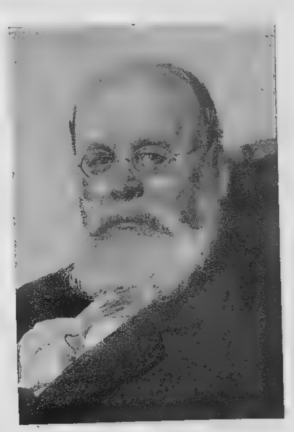
Брайтъ.

Никогда въ русской исторіи вліяніе англійской культуры не давало себя чувствовать съ такою силою, какъ въ шестидесятые и семидесятые годы XIX вѣка, когда оно оттѣснило на второй планъ преобладавшія дотолѣ французскія и нѣмецкія воздѣйствія. Вслѣдъ за англійскою поэзіею англійская художественная проза, романы Диккенса и Теккерея, позже Дж. Эліота, завоевываетъ себѣ обширный кругъ читателей, дѣлаетъ близкими русскому обществу многіе англійскіе типы первой половины XIX вѣка и своимъ реализмомъ, своею чувствительностью, нравоучительностью, у Диккенса и Эліота своимъ демократизмомъ, задѣваетъ созвучныя струны въ русской душѣ, обнаруживаетъ легкость взаимнаго пониманія. Англійскій либерализмъ находитъ себѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ поклонниковъ. Симпатіи къ англійскимъ государственнымъ учрежденіямъ, въ екатерининскіе и наполеоновскіе дни замыкавшіяся въ тѣсномъ кругу высшаго дворянства, какъ бы демократизируются, впрочемъ въ тѣсной связи съ демократизаціей самихъ англійскихъ учрежденій. Интересъ къ Англіи не падаетъ и въ дворянской средѣ; но онъ переходитъ и въ круги рядового дворянства. Озадаченные и удивленные крестьянской эманципаціей, провинціальные дворяне почуяли врага въ демократизирующей, нивеллирующей бюрократіи; имъ начинаетъ нравиться англійская свобода въ ея сочетаніи съ соціально-политическимъ преобладаніемъ помѣстнаго дворянства, деревенскихъ джентльменовъ. Они далеко не всегда могутъ и хотятъ знакомиться съ англійскою жизнью изъ первыхъ рукъ, но они легко могутъ проникнуться уваженіемъ къ англійскому строю черезъ посредство „Токевиля", популярность котораго въ дворянской средѣ шестидесятыхъ годовъ засвидѣтельствована злою сатирою Щедрина. Въ университетскихъ кругахъ, казалось, была возможность познакомиться съ англійскою жизнью у источника. И нужно указать, что Маколей, въ оригиналѣ и въ русскомъ переводѣ, становится однимъ изъ усердно читаемыхъ историковъ. Но на первыхъ порахъ и до университетскаго преподаванія англійская государственность обычно доходитъ лишь отраженная, отраженная сквозь призму французовъ Монталамбера и Леона Роше въ Чичеринскихъ „Очеркахъ Франціи и Англіи", и особенно сквозь призму Гнейста, такъ сильно и такъ

односторонне подчеркивающаго связь англійской свободы съ соціальнымъ аристократизмомъ, въ своемъ сочувственномъ истолкованіи англійскихъ учрежденій застывшаго на порядкахъ 18 вѣка [1]). Весьма вліятельнымъ проводникомъ близкой къ Гнейсту англоманіи былъ Русскій Вѣстникъ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ—отводившій много мѣста восхваленію англійскаго самоуправленія, опирающагося на земельное дворянство, англійской религіозной свободы, сочетающейся съ огромнымъ вліяніемъ религіозныхъ началъ и государственной англиканской церкви, англійской школы съ ея твердой дисциплиной и преобладаніемъ классицизма. Но и литературные вожди молодого русскаго радикализма находили родственныя себѣ теченія въ англійской жизни и старались познакомить съ ними русскаго читателя. Добролюбовъ очень тепло отзывается о Роб. Оуенѣ и его попыткахъ соціальной реформы. Чернышевскій переводитъ политическую экономію Д. С. Милля. И другія работы привлекательнаго утилитаріанца находятъ

Профессоръ Н. И. Стороженко.

Академикъ И. И. Янжулъ.

дятъ себѣ широкое распространеніе въ русскомъ переводѣ и оказываютъ большое вліяніе на философскія настроенія русскихъ образованныхъ людей прогрессивнаго настроенія.

Англійское вліяніе уберегло русскихъ радикаловъ отъ грубаго матеріализма, сохранило въ нихъ извѣстную философскую серьезность и тягу къ научному знанію, несмотря на ихъ народническую горячность и соціально-экономическій утопизмъ. Въ настоящее время нелегко представить себѣ ту популярность, которой пользовались въ русской „передовой интеллигенціи" шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ вожди англійскаго позитивизма и эмпиризма. Авторитетъ Д. С. Милля, Спенсера, Дарвина, даже меньшихъ боговъ англійскаго литературнаго Олимпа, какъ Бекля (Buckle), стоялъ въ Россіи едва-ли не выше какъ въ Англіи. Читатели Щедрина хорошо знаютъ, что отъ облика русской курситски-семидесятницы почти неотдѣлима

---

[1]) Въ семидесятыхъ годахъ въ Московскомъ университетѣ положеніе улучшилось: нѣкоторые молодые преподаватели (Н. И. Стороженко, И. И. Янжулъ, М. М. Ковалевскій) стали обращаться къ англійскому прошлому и настоящему въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, стали ѣздить въ Англію. Тяготѣнье къ англійскимъ темамъ живетъ въ Московскомъ университетѣ и до настоящаго времени. Историческія работы П. Г. Виноградова являются наиболѣе виднымъ выраженіемъ московскаго ученаго англофильства.

книга Бокль. Первые робкіе шаги самостоятельной русской соціологической мысли— въ статьяхъ Н. Михайловскаго—были только поправками къ соціологическимъ построеніямъ Герб. Спенсера. Даже въ университетское преподаваніе философіи проникаетъ струя англійскаго эмпиризма, хотя никогда не получаетъ большого распространенія среди профессоровъ философіи въ русской высшей школѣ.

Въ царствованіе Александра II еще не приходится говорить о духовномъ воздѣйствіи Россіи на Англію. Взаимодѣйствіе двухъ культуръ все еще остается съ русской стороны только пассивнымъ, съ англійской—только активнымъ. Но вина падаетъ здѣсь на англичанъ, не на русскихъ. Какъ разъ въ это знаменательное двадцатипятилѣтіе были созданы въ Россіи великія художественныя цѣнности, которыя будутъ обезпечивать русской культурѣ почетное положеніе до тѣхъ поръ, пока будетъ жива европейская цивилизація или память о ней. Правда, расцвѣтъ русскаго искусства начался еще въ предыдущее царствованіе. Тризвѣздіе Пушкина, Лермонтова и Гоголя есть одно изъ самыхъ яркихъ созвѣздій міроваго литературнаго небосклона; творчество Глинки по своей чудесной зрѣлости, по своей безотносительной красотѣ есть одно изъ самыхъ удивительныхъ явленій въ исторіи европейской музыки. Но съ недоумѣніемъ нужно сознаться, что музыка Глинки все еще не нашла себѣ широкаго пути къ западному слушателю, что творенія трехъ геніевъ николаевской поры, даже классическіе, прозрачные, кристальные стихи величайшаго изъ трехъ, все еще остаются чужды англичанамъ и вообще людямъ Запада, все еще не вошли въ ихъ литературное воспитаніе. Великіе русскіе художники эпохи великихъ реформъ оказались счастливѣе. Русскому роману шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ—особенно роману Толстого и Достоевскаго—суждено было совершить побѣдное шествіе по всему міру, и въ очень большой мѣрѣ по всему англо-саксонскому міру. Громко зазвучала по всей Европѣ—и въ Англіи во всякомъ случаѣ съ неменьшею силою, чѣмъ на континентѣ—трогательно скорбная лирическая музыка Чайковскаго, эпически мощная и спокойная музыка Бородина, загадочная въ своей разорванной, трагической геніальности музыка Мусоргскаго. Но великія побѣды русскаго искусства въ Англіи относятся къ болѣе позднему времени, отчасти только къ нашимъ днямъ. Правда, уже въ эпоху Александра II англичане впервые проявляютъ живой интересъ къ русскому быту и къ русской душѣ. Но ихъ занимаетъ главнымъ образомъ, великій соціально-политическій сдвигъ русской жизни, реформы освободительнаго царствованія. Памятникомъ молодого интереса англичанъ къ Россіи осталась книга Дональда Макензи Уоллеса, который жилъ въ Россіи въ 1870—1875 гг., и книга котораго вышла въ 1877 г. Очень, можетъ быть слишкомъ умѣренная, трезвая, осторожная, скромная, свободная отъ стремленія къ литературному блеску, къ лирическому паѳосу, къ оригинальности или глу-

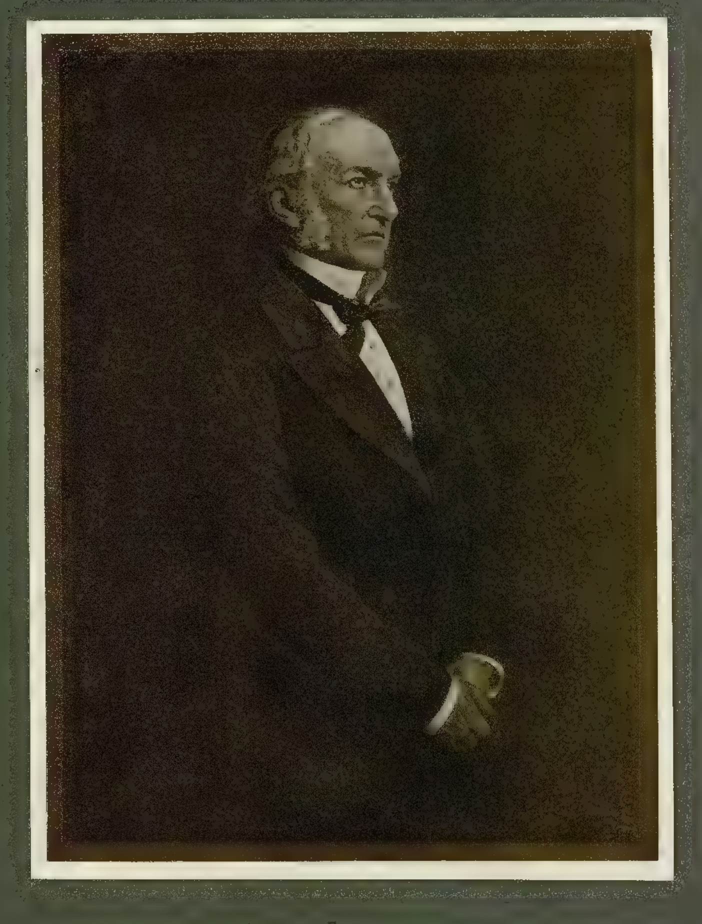

Академикъ М. М Ковалевскій.

бинѣ выводовъ, она все-таки принадлежитъ къ числу лучшихъ книгъ, написанныхъ иностранцами о Россіи. Честно и дѣловито она неторопясь изображаетъ деревню, городъ, юго-восточную окраину, церковь, расколъ, учрежденія мѣстнаго управленія, среднихъ рядовыхъ людей разнаго состоянія. Упрощая и недооцѣнивая Россію съ таящимися въ ней великими возможностями, она все же даетъ представленіе о сложности и важности загадокъ русской жизни, о трудности дѣлать опредѣленныя предсказанія и гармонично совмѣщаетъ глубокій, гордый англійскій патріотизмъ съ искреннимъ, слегка снисходительнымъ дружелюбіемъ по отношенію къ Россіи. Книга Уоллеса имѣла въ Англіи большой успѣхъ и немало способствовала установленію правильныхъ представленій о пореформенной Россіи.

Въ царствованіе Александра II несомнѣнно создается почва для культурнаго сближенія Россіи съ Англіей. Но международныя отношенія опредѣляются національно-политическими интересами или вѣрнѣе представленіями объ этихъ интересахъ гораздо болѣе, нежели сочувствіемъ къ чужой культурѣ. А почти всѣ русскіе и англичане, удѣлявшіе свое вниманіе внѣшней политикѣ и дѣлавшіе внѣшнюю политику, продолжаютъ считать другъ друга врагами. И послѣ Крымской кампаніи Англія продолжала вести враждебную Россіи политику въ восточной Европѣ. Правда, прежній страхъ передъ Россіей ослабѣлъ и въ тѣсной связи съ этимъ ослабѣла острота непріязни къ Россіи; но Россію все еще считаютъ серьезнымъ врагомъ на Балканахъ. Англія продолжаетъ итти объ руку съ Австріей въ восточныхъ дѣлахъ. Польское возстаніе 1863 года пользуется живыми симпатіями въ англійскомъ обществѣ, которое одобряетъ ярко враждебный Россіи образъ дѣйствій тогдашняго англійскаго кабинета. Въ 1863 г. министръ иностранныхъ дѣлъ Рессель пытается стать въ польскомъ вопросѣ на ту же точку зрѣнія, на которой въ тридцатыхъ годахъ стоялъ Памерстонъ. Въ апрѣлѣ 1863 года Рессель шлетъ русскому правительству ноту съ заявленіемъ, что судьба Польши опредѣляется „Вѣнскимъ трактатомъ“ и что Россія не имѣла права отмѣнять польской конституціи безъ согласія другихъ державъ. Горчаковъ отвергаетъ эту точку зрѣнія. И все-таки Рессель въ іюнѣ 1863 года шлетъ новую ноту въ Петербургъ съ требованіемъ реформъ для Польши въ духѣ „Вѣнскаго трактата“; оба раза одновременно приходятъ ноты отъ французскаго и австрійскаго правительства, но менѣе рѣзкія. Въ іюлѣ 1863 года Горчаковъ рѣшительно протестуетъ противъ вмѣшательства во внутреннія дѣла русской имперіи. Политика англійскаго правительства не принесла никакой помощи повстанцамъ и даже ухудшила ихъ положеніе. Но она обострила и безъ того натянутыя отношенія между Россіей и Англіей. А поступательное движеніе русскихъ въ Средней Азіи, сдѣлавшее такіе большіе успѣхи при Александрѣ II и приблизившее насъ къ индійской границѣ, поддерживало и обостряло у англичанъ тревогу за свою азіатскую имперію. И когда въ серединѣ семидесятыхъ годовъ русское правительство и русское общество вмѣшались въ балканскія дѣла и попытались помочь балканскимъ славянамъ въ ихъ борьбѣ съ Турціей, недовѣрчивая непріязнь къ Россіи взяла въ Англіи верхъ надъ сочувствіемъ къ христіанству и бросила англичанъ въ ряды открытыхъ враговъ Россіи, открытыхъ друзей мусульманства.

Нельзя сказать, чтобы у Россіи и балканскихъ христіанъ совсѣмъ не было друзей въ Англіи семидесятыхъ годовъ. Даже во дни русско-турецкой войны вражда къ Россіи никогда не достигала такой всеобщности и напряженности, какъ въ николаевскую пору. Среди шотландскихъ кальвинистовъ, среди нонконформистовъ сѣверной Англіи многіе негодуютъ на турецкія звѣрства и проникнуты желаніемъ помочь болгарамъ освободиться отъ мусульманскаго ига, ради этого готовы поддержать освободительную политику Россіи на Балканахъ. Вліятельный оксфордскій историкъ Фриманъ и до балканскихъ событій былъ горячимъ и неизмѣннымъ руссофиломъ. За выступленіе Англіи въ защиту балканскихъ христіанъ противъ турокъ высказываются такіе крупные вожди англійской литературы и англійскаго искусства, какъ Карлайль, Фрудъ, Рескинъ, Бернъ-Джонсъ. И что особенно важно, пылкимъ защитни-

Гладстонъ.

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО
„Россія и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацію".

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА, Москва.

комъ балканскихъ славянъ и непримиримымъ обличителемъ турецкихъ злодѣяній выступилъ самъ „великій старикъ“. По собственному признанію Гладстона, восточный вопросъ на нѣсколько лѣтъ сталъ для него главнымъ дѣломъ жизни. Въ сентябрѣ 1876 г. Гладстонъ обнародовалъ свой знаменитый памфлетъ „Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ“, въ которомъ со всею силою и горячностью своего краснорѣчія обрушился на турокъ и требовалъ ихъ полнаго и немедленнаго изгнанія изъ Болгаріи. Въ 1876 и 1877 гг. Гластонъ говоритъ на рядѣ митинговъ, въ огромныхъ залахъ и подъ открытымъ небомъ, передъ огромными толпами взволнованныхъ слушателей, и гнѣвно обличаетъ злое туркофильство восточнаго человѣка Биконсфильда. Временами Гладстону кажется, что онъ стоитъ въ серединѣ мощнаго христіанскаго освободительнаго движенія. Временами туманъ разсѣивается передъ глазами мечтателя и Гладстонъ признается О. А. Новиковой, переживающей тогда свои лучшіе лондонскіе дни, что „верхнія десять тысячъ“ и почти всѣ столичныя газеты упорно стоятъ за турокъ. Умѣренные либералы отстраняются отъ Гладстона. Даже преклоняющійся предъ Гладстономъ Гранвиль чувствуетъ сильное недовѣріе къ Россіи въ 1876 г. и боится, какъ бы русскіе не захватили Константинополя. Оффиціальный вождь либераловъ Гартингтонъ еще сильнѣе осуждаетъ Гладстона. Консервативный кабинетъ ведетъ яркую антирусскую линію. Въ ноябрѣ 1876 года Биконсфильдъ грозитъ на банкетѣ у лордъ-мэра: Англія хочетъ мира, но готова къ войнѣ, къ двумъ, даже къ тремъ кампаніямъ. По мѣрѣ того какъ множатся и закрѣпляются русскіе военные успѣхи, тонъ враждебныхъ русскимъ заявленій повышается. Въ ноябрѣ 1877 г. Биконсфильдъ предупреждаетъ, что скоро онъ будетъ вынужденъ уступить порыву національнаго чувства и высадить въ Турціи англійскую армію въ 300.000 человѣкъ. Когда въ началѣ 1878 г. русскіе приближаются къ стѣнамъ Стамбула, Биконсфильдъ требуетъ отъ нижней палаты большого военнаго кредита и встрѣчаетъ рѣшительную поддержку со стороны Гартингтона. Англійскій флотъ проходитъ черезъ Дарданеллы въ Мраморное море. Англійское правительство рѣзко воспротивилось осуществленію Санъ-Стефанскаго договора, и Россія была должна уступить. 30 мая 1878 года Сольсбери и Шуваловъ заключаютъ въ Лондонѣ тайное соглашеніе, сильно урѣзавшее территорію, отведенную Болгаріи Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Берлинскій конгрессъ только закрѣпилъ основы этого соглашенія. Бисмаркъ былъ въ значительной мѣрѣ правъ, когда скромно заявлялъ, что онъ былъ на конгрессѣ простымъ маклеромъ. Нужно сейчасъ же прибавить, что этотъ маклеръ исполнялъ не русскія, а британскія порученія, къ немалой выгодѣ для себя и Германіи. Биконсфильдъ не удовольствовался берлинскимъ торжествомъ: въ іюлѣ 1878 года обнародовано англо-турецкое соглашеніе, по которому Англія обязывается силою оружія защищать азіатскія владѣнія Турціи отъ возможныхъ захватовъ Россіи и въ награду получаетъ отъ Порты Кипръ.

Биконсфильдъ.

Русско-турецкая война надолго закрѣпила и углубила англо-русскую рознь. Она создала и новые поводы для столкновеній. Остановленная въ своемъ движеніи на Балканы, русская завоевательная политика устремляетъ свои взоры на Среднюю Азію и на Дальній Востокъ [1]).

---

[1]) Еще до войны англичанъ безпокоятъ русскіе успѣхи въ Средней Азіи. Въ 1873 г. Шуваловъ пріѣзжаетъ въ Лондонъ завѣрить англійское правительство, что русскіе идутъ походомъ на Хиву только для того, чтобы покорить хивинскихъ разбойниковъ. Неотвратимый ходъ событій вскорѣ заставилъ подчинить Хиву русскому правительству; но врядъ ли послѣ этого въ Англіи усилилось довѣріе къ Россіи. Любопытно, что Дизраели, непримиримый противникъ русскихъ завоеваній на Ближнемъ Востокѣ, меньше другихъ боялся утвержденія русскихъ въ Средней Азіи. Онъ заявлялъ въ 1876 г.: „Азія достаточно велика, чтобы вмѣстить и Англію и Россію. Я не вижу, почему бы русскимъ не завоевать Татаріи, какъ англичане завоевали Индію. Ключи отъ Индія находятся въ Лондонѣ“.

Сейчасъ же послѣ войны Скобелевъ вплетаетъ славные среднеазіатскіе лавры въ свой воинскій вѣнокъ и, продвигая русскую границу къ самимъ воротамъ Индостана, надолго отодвигаетъ возможность англо-русскаго сближенія.

V.

Англо-русскія отношенія продолжаютъ оставаться враждебными еще цѣлую четверть вѣка; вражда протягивается дальше русской революціи и русско-японской войны. Но почва уходитъ изъ-подъ англо-русской розни. Слагаются новыя общія ненависти, и вѣковые враги по зову новаго общаго друга неожиданно для себя чувствуютъ себя готовыми къ дружественному и даже союзному сближенію. Въ царствованіе Александра III круто поворачивается ось русской внѣшней политики. Консервативное, даже реакціонное въ своей внутренней политикѣ, правительство самодержавнаго русскаго царя рѣзко порываетъ давнишнія связи съ консервативными монархіями центральной Европы и сближается съ республиканской Франціей, которая въ царствованіе императора Николая II содѣйствуетъ сближенію Россіи съ парламентарно-монархической Англіей.

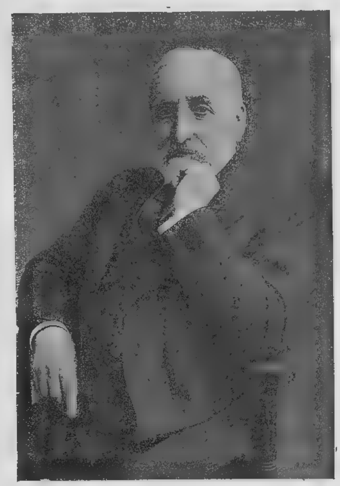
Конечно, только очень глубокія причины, очень сильныя побужденія могли привести къ такому дипломатическому перевороту. Главною причиною былъ непомѣрный, угрожающій ростъ политической и хозяйственной мощи нѣмцевъ. Во всемірной исторіи трудно указать болѣе яркій примѣръ смѣшной и грустной, почти слѣпой и преступной близорукости, чѣмъ поведеніе нейтральныхъ державъ, и прежде всего Англіи и Россіи, во время австро-прусской и франко-прусской войны. Политики и публицисты проявили удивительную неспособность предвидѣнія. Въ теченіе длиннаго ряда поколѣній сосѣди такъ свыклись съ нѣмецкою рознью и нѣмецкимъ безсиліемъ, что органически разучились бояться нѣмцевъ. Сосѣди позволили пруссакамъ ограбить мелкія нѣмецкія государства, принизить Австрію и выгнать ее изъ Германскаго союза, объединить остальныхъ нѣмцевъ подъ тяжелою и грубою прусскою рукою, обезсилить и искалѣчить Францію, позволили безъ малѣйшей помѣхи [1]). И первое время казалось, что новая Германія дѣйствительно не мѣшаетъ жить другимъ европейцамъ. Объединенные Бисмаркомъ нѣмцы долго были сыты, долго переваривали свои побѣды и свои захваты— улаживали отношенія между династіями, вѣрами, племенами и государствами, создавали общеимперское право и хозяйство, претворялись въ единый великій народъ [2]). Но едва было закрѣплено молодое единство Германіи, какъ обнаружилась тревожная для остальныхъ европейцевъ имперіалистическая мощь и притязательность нѣмцевъ. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ Бисмаркъ порываетъ съ либералами и превращается въ горячаго протекціониста. Преграждая иностранцамъ свой внутренній рынокъ, нѣмцы почти сказочно развиваютъ свою торговлю и свою промышленность и начинаютъ наводнять своими товарами чужіе рынки. Въ восьмидесятыхъ годахъ Бисмаркъ кладетъ первые, пока еще некрупные камни будущей колоніальной храмины. Послѣ отставки Бисмарка, съ переходомъ государственнаго кормила въ руки Вильгельма II Германія гораздо смѣлѣе и рѣзче становится на имперіалистическій путь, на которомъ быстро расцвѣтаютъ пышнымъ цвѣтомъ мечты о міровой гегемоніи. Захватъ внутренняго англійскаго рынка нѣмецкими промышленниками даетъ себя чувствовать еще до наступленія XX вѣка; уже въ 1897 г. знаменитая книга безвѣстнаго Вильямса, „Made in Germany“, бьетъ набатъ по поводу нѣмецкаго засилья. Вслѣдствіе неблагодарнаго эгоизма балканскихъ народовъ, вслѣдствіе грубыхъ ошибокъ русской дипломатіи, Россія въ 80-хъ годахъ утрачиваетъ всякое вліяніе на Балканахъ; главенствующей державой на Балканахъ становится Австрія,

---

[1]) Въ августѣ 1870 г., даже въ янв. 1871 г. англійскія газеты надѣются, что сильная, объединенная Германія будетъ выгоднымъ для Англіи противовѣсомъ могуществу Франціи и Россіи.

[2]) Въ семидесятыхъ годахъ Бисмаркъ заявлялъ, что Балканы не стоятъ костей одного нѣмецкаго гренадера, не чувствовалъ никакой зависти къ колоніальному могуществу Англіи и въ своей экономической политикѣ дѣлалъ уступки сторонникамъ свободной торговли.

которая съ образованіемъ двойственнаго союза (1879 г.) быстро превращается на Ближнемъ Востокѣ въ передовую армію воинствующаго германизма. Въ Петербургѣ и Гатчинѣ больно почувствовали горечь нѣмецкой обиды. Чувство обиды превращается у русскаго правительства въ страхъ одиночества послѣ того, какъ Вильгельмъ II въ 1890 г. намѣренно порываетъ добрыя отношенія съ Россіей и не возобновляетъ заключеннаго въ 1887 г. Бисмаркомъ трехлѣтняго „перестраховочнаго" договора съ Россіей о взаимномъ благожелательномъ нейтралитетѣ въ случаѣ войны. Въ Петербургѣ начинаютъ много охотнѣе прежняго слушать французскія рѣчи о взаимномъ сближеніи [1]). Въ іюлѣ 1891 года состоялось „кронштадтское свиданіе", прибытіе французской эскадры въ русскія балтійскія воды; оно положило начало оффиціальной франко-русской дружбѣ, которая черезъ мѣсяцъ превратилась въ негласный первое время франко-русскій союзъ и явилась самымъ раннимъ и очень важнымъ звеномъ въ цѣпи теперешняго тройственнаго согласія; а черезъ годъ начальникъ французскаго генеральнаго штаба Буадефръ пріѣзжаетъ въ Петербургъ для успѣшныхъ переговоровъ о франко-русской военной конвенціи. Оффиціально франко-русскій союзъ признанъ лишь въ 1897 г. въ тостахъ, которыми обмѣнялись въ Россіи императоръ Николай II и президентъ Форъ.

Мэкензи Уоллэсъ.

Вторымъ звеномъ было закрѣпленное только въ 1904 году англо-французское соглашеніе. Разгромъ наполеоновской имперіи ослабилъ страхъ англичанъ передъ французами, но не привелъ къ англо-французской дружбѣ. Послѣ іюльской революціи наступаетъ несомнѣнно дипломатическое сближеніе Англіи и Франціи, но даже во дни Луи-Филиппа оно перемежается рѣзкими вспышками наслѣдственнаго недовѣрія. Въ 1845 году бьетъ тревогу Памерстонъ. Въ его глазахъ Англія утратила свою неприступность: французскій флотъ въ настоящее время не слабѣе англійскаго, а съ появленіемъ пароходовъ Ламаншъ сталъ простой рѣчкой, которую легко переплыветъ французскій десантъ. Въ эпоху второй имперіи, мечтавшей возродить наполеоновскую традицію, англійское недовѣріе къ Франціи должно было усилиться. Чуть не наканунѣ Крымской кампаніи можно было опасаться англо-французской войны: покрайней мѣрѣ англичанами овладѣваетъ совершенно непонятный теперь страхъ передъ французскимъ вторженіемъ. И даже товарищество по оружію въ совмѣстной борьбѣ противъ русскихъ только на очень короткое время ослабило натянутость англо-французскихъ отношеній. Уже въ 1857 и 1859 гг. англійское адмиралтейство, требуя большихъ ассигнованій, пугаетъ нижнюю палату указаніями на необычайный ростъ французскаго флота, а богатые англичане боятся осенью 1859 года заживаться подолгу въ Парижѣ, гдѣ ихъ могутъ задержать заложниками въ случаѣ войны.

---

[1]) Въ русскомъ прогрессивномъ обществѣ мысль о сближеніи съ Франціей издавна была популярною. Послѣ Берлинскаго конгресса франкофильство проникаетъ и въ консервативные круги: въ восьмидесятыхъ годахъ Катковъ сталъ горячимъ сторонникомъ франко-русскаго сближенія. Выраженіемъ франкофильскихъ и германофобскихъ настроеній военной среды была поѣздка Скобелева въ Парижъ въ 1882 году.

Послѣ Седана и Меца казалось бы страхъ передъ французами долженъ былъ навсегда исчезнуть у англичанъ. Но едва французы стали оправляться отъ пораженія, едва они принялись за укрѣпленіе и расширеніе своихъ колоній, какъ наталкиваются на англійское противодѣйствіе. Особенно сильно расходились англійскіе и французскіе интересы въ Египтѣ. Египетъ пріобрѣлъ чрезвычайную важность для Британской имперіи съ прорытіемъ суезскаго канала (1869 г.), и въ 1874 году кабинетъ Дизраели приложилъ большія усилія для того, чтобы скупить у хедива его суезскія акціи. Но весьма значительная часть египетскаго государственнаго долга была размѣщена во Франціи, и съ 1876 года въ Египтѣ устанавливается совмѣстный контроль Англіи и Франціи надъ государственнымъ хозяйствомъ, въ 1878 году въ египетское министерство вступаетъ одинъ англичанинъ и одинъ французъ. Возстаніе Араби-паши въ 1881—2 гг. полагаетъ конецъ англо-французскому равноправію въ Египтѣ. Французы уклоняются отъ борьбы съ повстанцами, англичане дѣйствуютъ рѣшительно и не останавливаются передъ военной оккупаціей страны. Французы съ глубокимъ раздраженіемъ смотрятъ на постепенное умаленіе своихъ правъ, съ горечью слушаютъ, какъ англичане придумываютъ предлоги не исполнять обѣщанія очистить Египетъ. Особенно натянутыми отношенія стали въ тѣ годы, когда министромъ иностранныхъ дѣлъ во Франціи былъ Hanotaux (1894—1898 гг.), въ колоніальной политикѣ склонный итти рука объ руку не только съ Россіей, но подчасъ и съ Германіей. Французы пытаются утвердиться на Верхнемъ Нилѣ. Лѣтомъ 1896 года въ экваторіальныя принильскія области снаряжена французская экспедиція Маршана, которая въ іюлѣ 1898 года достигла Фашоды. Между тѣмъ мѣсяцемъ позже разгромившій махдистовъ Киченеръ вошелъ въ Хартумъ, а еще черезъ мѣсяцъ англійскій отрядъ прошелъ къ югу до Фашоды и потребовалъ, чтобы французы удалились. Маршанъ отказался уйти. Права англичанъ на Фашоду были болѣе чѣмъ сомнительны. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль положеніе оставалось очень напряженнымъ, тѣмъ болѣе что не задолго передъ тѣмъ Германія предлагала Франціи совмѣстно выступить противъ Англіи въ случаѣ нарушенія англичанами португальскаго нейтралитета въ юго-восточной Африкѣ: въ то время уже чувствовалась близость англо-бурскаго столкновенія. Война между Англіей и Франціей представлялась не только возможной, но и вѣроятной. Однако, какъ разъ столкновеніе изъ-за Фашоды оказалось поворотнымъ моментомъ въ исторіи англо-французскихъ отношеній. Лѣтомъ 1898 года министромъ иностранныхъ дѣлъ во Франціи сталъ Делькассе, горячій приверженецъ англо-французскаго соглашенія; онъ былъ министромъ семь лѣтъ, до 1905 года. Делькассе пошелъ наперекоръ сильному общественному раздраженію противъ англичанъ и приказалъ Маршану покинуть Фашоду; англо-французскій договоръ 3 марта 1899 года отбросилъ далеко на западъ восточную границу французскихъ владѣній въ центральной Африкѣ. Установить основы примиренія было нелегко: англійскіе и французскіе интересы сталкивались во многихъ мѣстахъ колоніальнаго міра, и обѣимъ сторонамъ приходилось поступаться существенными правами и притязаніями. Но почва для соглашенія была найдена. Сдѣлавши англичанамъ важныя уступки въ Египтѣ, Ньюфаундландѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, французы расширили свои владѣнія въ Западной Африкѣ, а главное, получили свободу дѣйствій въ Марокко, борьба за который наполняетъ дипломатическую исторію XX вѣка. Сближеніе облегчалось отсутствіемъ рѣзкаго хозяйственнаго соперничества между Англіей и Франціей; англо-французская торговля велика по своимъ размѣрамъ, но англійскіе и французскіе товары гораздо больше дополняютъ другъ друга, чѣмъ соперничаютъ другъ съ другомъ. А главное, съ каждымъ годомъ становилось все яснѣе, что сближеніе есть повелительная политическая необходимость: такимъ быстрымъ и угрожающимъ былъ ростъ Германіи.

Тревога передъ Германіей чувствуется въ Англіи еще сильнѣе, чѣмъ во Франціи. Правда, по внѣшности какъ будто ничего не перемѣнилось въ англо-нѣмецкихъ отношеніяхъ къ концу XIX вѣка. Въ девяностыхъ годахъ Англія заключаетъ съ Германіей рядъ частныхъ догово-

ровъ по колоніальнымъ дѣламъ. Въ октябрѣ 1899 года самый вліятельный изъ англійскихъ министровъ, Чемберленъ, высказываетъ въ Лестерѣ пожеланіе, чтобы возможно скорѣе создался всетевтонскій тройственный союзъ—Англія, Соединенные Штаты Америки, Германія. Вильгельмъ II всячески старается поддержать видимость самыхъ дружественныхъ чувствъ къ Англіи.—На самомъ дѣлѣ, англо-нѣмецкая дружба доживала послѣдніе дни, и нѣмцы превратились въ наиболѣе опасныхъ враговъ Британской Имперіи, для борьбы съ которыми Англія должна была отказаться отъ своего долгаго блестящаго одиночества, искать новыхъ друзей. Первыя рѣзкія обнаруженія англійской непріязни къ Германіи и тяги къ Франціи совпадаютъ съ воцареніемъ Эдуарда VII, который несомнѣнно тяготѣлъ къ французамъ больше, чѣмъ къ нѣмцамъ, и сильно содѣйствовалъ англо-французскому и англо-русскому сближенію. Но, конечно, политика Эдуарда VII, лорда Лансдауна и сера Эдуарда Грея имѣла такой большой успѣхъ только потому, что находилась въ соотвѣтствіи съ новыми настроеніями англій-

Коронація Эдуарда VII.

скаго общества и глубокими сдвигами въ международномъ положеніи. Потребность въ новомъ франкофильскомъ дипломатическомъ пути высказывается во вліятельныхъ органахъ англійской печати раньше, чѣмъ въ правительственныхъ заявленіяхъ. Въ 1901 и 1902 гг. въ Spectator, Fortnightly Review, National Review, Times появляется рядъ статей съ требованіемъ новаго дипломатическаго курса, съ тревожными указаніями на германскіе замыслы: только сближеніе съ Франціей можетъ обуздать нѣмецкія вожделѣнія. Впрочемъ, и въ поведеніи англійскаго кабинета уже въ 1901 году сказывается необычная благожелательность къ Франціи. Лѣтомъ 1901 года является въ Лондонъ марокканская депутація просить защиты отъ французовъ; Лансдаунъ отказывается отъ политическихъ переговоровъ и направляетъ депутацію въ Парижъ, къ Делькассе. Въ октябрѣ 1903 года Англія и Франція обязуются передавать на разсмотрѣніе Гагскаго трибунала споры, вытекающіе изъ разнорѣчиваго толкованія международныхъ договоровъ. А 8 апрѣля 1904 года было подписано англо-французское соглашеніе несравненно большаго значенія, общее соглашеніе по колоніальнымъ дѣламъ. Распадающійся на три части документъ говоритъ о Ньюфаундландѣ и Сенегамбіи, Египтѣ и Марокко, Сіамѣ и Мадагаскарѣ, даже о Новыхъ Гебридахъ. Самыя существенныя заявленія относятся къ Египту и Марокко: французы обязуются не мѣшать англичанамъ въ Египтѣ, англичане обѣщаютъ помогать французамъ осуществлять ихъ привилегированное положеніе въ Марокко.

Но какъ ни важно соглашенiе 1904 года для колонiальнаго мiра, его европейское значенiе еще больше. Вѣдь оно полагаетъ конецъ англо-французской враждѣ и англо-нѣмецкой дружбѣ, измѣняетъ до неузнаваемости международный ликъ Европы. Оно расчищаетъ путь англо-русскому примиренiю, создаетъ прочную основу для тройственнаго согласiя нашихъ дней. Съ самаго начала для проницательныхъ англiйскихъ публицистовъ было ясно, что путь къ соглашенiю съ Россiей идетъ черезъ Францiю и что одолѣть, даже просто остановить Германiю можетъ только соглашенiе *тройственное* (Triple Entente). Уже лѣтомъ 1902 года влiятельный политическiй еженедѣльникъ Spectator заявляетъ: „Если мы сумѣемъ установить добрыя отношенiя съ Францiей, Германiя не сможетъ ни напасть на насъ открыто ни разжигать традицiонную вражду между нами и Россiей". Осенью 1902 года Spectator выражается еще яснѣе: „Нѣмецкiй императоръ будетъ усыплять насъ своими ласками до тѣхъ поръ, пока не осуществитъ своей военно-морской программы. Тогда онъ круто измѣнитъ свое поведенiе. Если мы позволимъ Россiи еще пять-шесть лѣтъ сохранить увѣренность въ томъ, что мы являемся ея естественнымъ врагомъ, и Францiи увѣренность въ томъ, что въ случаѣ войны между Францiей и Германiей мы будемъ на сторонѣ нѣмцевъ, то легко можетъ случиться, что мы неожиданно встрѣтимся съ тайной и соблазнительной коалицiей, во главѣ которой будетъ Германiя... Послѣднею цѣлью нашей политики должно стать соглашенiе съ Россiей. Если мы сумѣемъ убѣдить русскихъ въ томъ, что мы не относимся враждебно къ ихъ утвержденiю на Босфорѣ и на Средиземномъ морѣ, мы легко замкнемъ оборонительную черту вокругъ Германiи, мы сможемъ остановить побѣдное шествiе пангерманизма".

Какими нелѣпыми, дикими показались бы эти слова, если бы они были произнесены на двадцать лѣтъ раньше! Послѣ Берлинскаго конгресса дипломатическая пропасть, лежавшая между Англiей и Россiей, стала еще глубже. Въ одномъ письмѣ 1880 года Гранвиль приводитъ насмѣшливыя слова Лобанова-Ростовскаго, тогдашняго русскаго посла въ Лондонѣ: „Въ разговорахъ со мной Сольсбери невѣжливъ и необычайно скрытенъ, Дизраели—сама вѣжливость, но столь же скрытенъ". Вплоть до 1905 года англо-русская вражда рѣзко даетъ себя чувствовать въ Афганистанѣ, Персiи, Тибетѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, на Дальнемъ Востокѣ.

Въ 1884 году русскiе заняли Мервъ. Англичане встревожились. Въ 1884 году договорились насчетъ учрежденiя англо-русской комиссiи для установленiя русско-афганской границы. Англiйскiе комиссары поспѣшно являются на мѣсто, русскiе не торопятся. Англичане обвиняютъ Россiю въ томъ, что она умышленно оттягиваетъ разграничительныя работы, чтобы до приступа къ нимъ захватить спорную территорiю. Въ февралѣ 1885 года русскiе заняли землю, которую англичане считали безспорною афганскою территорiей. Неподалеку стояли афганскiе отряды, и надвигается опасность столкновенiя русскихъ войскъ съ афганцами. Королева Викторiя шлетъ императору Александру III тревожную телеграмму. 30 марта 1885 года дѣйствительно произошло вооруженное столкновенiе (въ Penjdeh), въ которомъ русскiе побѣдили. Англiйскому дальневосточному флоту отданъ приказъ занять Портъ Гамильтонъ и быть готовымъ къ бою. 27 апрѣля миролюбивый руссофилъ Гладстонъ произноситъ воинственную рѣчь и въ качествѣ перваго министра требуетъ кредитовъ на случай вооруженной борьбы съ Россiей. Правда, вскорѣ послѣ этого либеральный кабинетъ согласился отдать споръ на разсмотрѣнiе посредниковъ. Но торiйская оппозицiя обвиняла министровъ въ приниженiи нацiональнаго достоинства, и 11 мая 1885 года при голосованiи предложенiя выразить кабинету порицанiе, правительственное большинство опустилось до тридцати.

Англiя и Россiя сталкиваются на Балканахъ и въ Малой Азiи. Русская дипломатiя восьмидесятыхъ годовъ терпитъ на Балканахъ одну неудачу за другою, утрачиваетъ всякое влiянiе на освобожденныхъ ею единовѣрцевъ и соплеменниковъ. Раздраженный императоръ Александръ становится на точку зрѣнiя охраны турецкихъ владѣнiй противъ славянскихъ захва-

товъ, когда въ 1885 году приходитъ вѣсть о революціонномъ возсоединеніи Румеліи съ Болгаріей. Тогда Англія, на зло Россіи, беретъ на себя прежнюю русскую роль освободительницы балканскихъ христіанъ и, заодно съ Австріей, помогаетъ болгарамъ добиться отъ Порты признанія совершившихся событій.—И въ армянскомъ вопросѣ русское правительство становится на точку зрѣнія охранительную, англійское на точку зрѣнія освободительную. Послѣ армянской рѣзни 1895 года консерваторъ Сольсбери не разъ говоритъ о необходимости рѣшительнаго европейскаго вмѣшательства въ армянскія дѣла, даже о близости конца Турціи, но наталкивается на тайное и явное противодѣйствіе Германіи, Франціи и Россіи, которыя проникаются глубокимъ уваженіемъ къ верховнымъ правамъ султана.

При императорѣ Николаѣ II на первый планъ выдвигаются дѣла дальневосточныя. Къ попыткамъ Россіи добиться первенствующаго положенія на берегахъ Тихаго океана Англія относится почти съ такою же враждебностью, какъ Японія. Во дни бурской войны ослабленная Англія должна была на время помириться съ быстрыми успѣхами Россіи: англо-русскій договоръ 28 апрѣля 1899 года подѣлилъ между Россіей и Англіей области экономическаго вліянія въ Китаѣ, при чемъ Манчжурія была признана областью русскаго вліянія. Но едва ослабѣло напряженіе бурской войны, какъ начинается рѣзкое противодѣйствіе англичанъ дальневосточнымъ захватамъ Россіи. Англія тѣсно сближается съ Японіей. 15 января 1902 года англичане совмѣстно съ японцами требуютъ, чтобы Китай не соглашался на тѣ широкія уступки русскимъ въ Манчжуріи, о которыхъ ходили упорные слухи. И дѣйствительно Россія должна была сильно умѣрить свои требованія. По русско-китайской конвенціи 14 апрѣля 1902 года Манчжурія была объявлена неотъемлемою частью Китая, которую Россія обязывалась очистить въ теченіе полутора лѣтъ. 30 января 1902 года, на страхъ Россіи, былъ подписанъ текстъ англо-японскаго союза. Японія признаетъ за Англіей преимущественные интересы въ Китаѣ, Англія за Японіей—въ Кореѣ. Если одна изъ договаривающихся сторонъ будетъ вовлечена въ войну съ какой-нибудь одной державой, то другая сторона обязуется держаться строгаго нейтралитета; но если еще одна держава вмѣшается въ войну и начнетъ враждебныя дѣйствія противъ одной изъ договаривающихся сторонъ, то другая сторона обязуется немедленно помочь союзницѣ и не заключать мира безъ соглашенія съ союзницей.

Англіи не пришлось вмѣшиваться въ русско-японскую войну: никакая третья держава не приняла участія въ военныхъ дѣйствіяхъ на сторонѣ Россіи. И все-таки не одинъ разъ въ 1904 году отношенія между Англіей и Россіей обострялись настолько, что можно было опасаться дипломатическаго разрыва и даже войны. Съ началомъ военныхъ дѣйствій нѣкоторые пароходы Добровольнаго флота превратились въ вспомогательные русскіе крейсера и досматривали англійскія торговыя суда. Когда Россія выпросила у Порты разрѣшенія нѣсколькимъ пароходамъ Добровольнаго флота пройти изъ Чернаго моря въ Архипелагъ, англійское адмиралтейство рѣшило, что и эти пароходы превратятся въ крейсера и послало англійскую эскадру стеречь ихъ у выхода изъ Дарданеллъ; но русскіе пароходы не превратились въ военныя суда, и затрудненіе было улажено.—Тревожнѣе былъ знаменитый Гелльскій (Hull) или Доггеръ-Банкскій инцидентъ. Слѣдуя на Дальній Востокъ, эскадра адмирала Рождественскаго въ октябрѣ 1904 года почему-то подошла довольно близко къ восточному англійскому побережью и ночью съ 20 на 21 октября очутилась среди англійской рыбачьей флотиліи. Напуганные розсказнями о японскихъ миноносцахъ, которые будто бы приплыли въ европейскія воды навстрѣчу русской эскадрѣ, русскіе моряки приняли рыбачьи тролеры (trawlers) за японскіе миноносцы, открыли по нимъ огонь и, не оказавъ никакой помощи жертвамъ, даже никого не извѣстивъ о случившемся, поспѣшно прослѣдовали въ Ламаншъ. Можно было бояться, что Англія воспользуется случаемъ объявить войну Россіи. Но французская дипломатія приложила всѣ усилія, чтобы уладить тягостный инцидентъ, который, согласно съ Гаагской конвенціей, былъ отданъ на разсмотрѣніе особой слѣдственной комиссіи подъ предсѣдательствомъ фран-

цузскаго адмирала Фурнье. Огромное значеніе англо-французскаго соглашенія 1904 года для англо-русскаго примиренія сказалось здѣсь съ полною ясностью.

Англія воспользовалась русско-японскою войною, чтобы упрочить свое положеніе въ Тибетѣ и вытѣснить оттуда русское вліяніе. Въ 1904 году снаряжена въ Тибетъ англійская военная экспедиція полковника Янгхесбанда, которая укрѣпила пошатнувшійся было въ Тибетѣ англійскій престижъ, въ 1906 году заключенъ благопріятный для Англіи и невыгодный для Россіи договоръ о Тибетѣ.—За проявленіе англо-русской вражды легко было принять и англо-японскій союзъ 13 августа 1905 года, заключенный всего за недѣлю до русско-японскаго мирнаго договора. Англо-японскій союзъ сталъ тѣснѣе: договаривающіяся стороны обязуются оказывать другъ другу военную помощь даже если на одну изъ договаривающихся сторонъ нападетъ всего одна держава. Но сейчасъ же послѣ заключенія второго союза съ Японіей англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Лансдаунъ поспѣшилъ предупредить своего русскаго товарища, что союзъ не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго Россіи. День англо-русскаго соглашенія былъ близокъ.

Въ культурныхъ взаимоотношеніяхъ Англіи и Россіи происходитъ большая перемѣна за два послѣднихъ десятилѣтія XIX вѣка. Англійское вліяніе въ жизни образованнаго русскаго общества быстро и рѣзко идетъ на ущербъ. Французское вліяніе слабѣетъ въ гораздо меньшей мѣрѣ. И все же конецъ XIX вѣка есть пора великаго нѣмецкаго засилья въ исторіи русской культуры. Реакціонные и консервативные русскіе круги примирились съ французскимъ союзомъ лишь какъ съ неизбѣжнымъ зломъ и въ тайникахъ сердца продолжаютъ тяготѣть къ Германіи, особенно къ Пруссіи, какъ къ твердынѣ охранительныхъ началъ. Радикальную интеллигенцію приковывалъ къ Германіи мощный ростъ соціалъ-демократіи. Развѣрившись въ разгромленномъ народовольчествѣ и опровергнутомъ жизнью народничествѣ русскіе радикалы и демократы почувствовали сильную тягу къ марксизму, который привлекалъ умы и сердца сочетаніемъ подвижнической утопической сердцевины съ оболочкою трезвой научности. А быстрый ростъ русской промышленности окрылялъ надежду на то, что и русская жизнь пойдетъ блаженною нѣмецкою дорогою. Англія притягивала къ себѣ русскихъ политическихъ изгнанниковъ эпохи Александра II—Герцена и Огарева, Крапоткина и Степняка. Политическіе изгнанники послѣдующей поры осѣдали на континентѣ и старались укрѣпить связи съ нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ. Даже либеральное „Освобожденіе“ издается въ Штутгартѣ, соціалъ-демократическою фирмою Дица.—Грубая политическая реакція восьмидесятыхъ годовъ обрѣзала крылья у русскихъ либераловъ. Приходилось думать не объ увѣнчаніи зданія, а о защитѣ реформъ Александра II, погрузиться въ малыя дѣла, въ будничную и скучную работу. Впрочемъ, вѣра въ либеральные идеалы подрывалась не только русскими впечатлѣніями. Почти повсюду въ Европѣ либерализмъ переживалъ тяжелую болѣзнь, которую враги справа и слѣва злорадно объявляли смертельною. Отсюда повышенный, почти болѣзненный интересъ либераловъ къ рабочему движенію, грозившему поглотить либерализмъ. Изнанка нѣмецкой соціалъ-демократической души, во дни войны такъ откровенно обнажившей свой націоналистическій, часто даже шовинистическій патріотизмъ, въ тѣ годы таилась подъ спудомъ среди глубокаго европейскаго мира; нѣмецкіе товарищи могли невозбранно произносить горячія рѣчи о международномъ братствѣ трудящихся, о вырожденіи буржуазнаго либерализма и, вѣроятно, даже сами искренне считали себя космополитами. Для русскаго либеральнаго читателя восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ очень показателенъ большой успѣхъ „Писемъ изъ Берлина“ либерала Іоллоса съ ихъ идеализаціей нѣмецкой жизни и нѣмецкаго рабочаго движенія.

Между тѣмъ Англія на время утрачиваетъ свою соціально-политическую обаятельность въ глазахъ русскаго общества. Въ Англіи либерализмъ хворалъ не менѣе тяжелымъ недугомъ, чѣмъ на континентѣ. Въ странѣ укрѣпляются настроенія консерватизма, имперіализма, протекціонизма, которыя отталкивали отъ себя русскихъ либераловъ и радикаловъ; а для русскихъ

консерваторовъ и реакціонеровъ англійскій консерватизмъ оказывался все-таки совершенно непріемлемымъ, потому что сохранилъ въ себѣ очень много отъ либерализма и демократизма. Англійское рабочее движеніе—сильное, глубокое и самобытное—не обладало большою притягательною силою въ глазахъ русскихъ соціалистовъ, казалось расщепленнымъ на мелкіе ручьи, приземленнымъ, лишеннымъ научнаго и моральнаго подъема.—Бурская война довершила отчужденіе русскаго общества отъ Англіи: въ глазахъ огромнаго большинства жителей континента, чрезвычайно плохо знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ Южной Африкѣ, англичане выступали въ роли насильниковъ, попирающихъ свободу маленькаго и героическаго народа.

Англійское умственное вліяніе въ Россіи держалось обаяніемъ англійскаго позитивизма и англійскихъ естествоиспытателей. Но въ концѣ вѣка почти вездѣ въ европейскомъ образованномъ обществѣ позитивистическія настроенія идутъ на убыль, интересъ къ естествознанію падаетъ, быстро растутъ эстетическіе, метафизическіе и религіозные запросы. Нѣмецкая философія конца XIX вѣка, по преимуществу новокантіанская, несомнѣнно переживавшая новую пору расцвѣта, конечно далеко не вполнѣ удовлетворяла новымъ запросамъ, но все же находилась въ несравненно большемъ соотвѣтствіи съ ними, чѣмъ англійскій эмпиризмъ и позитивизмъ, и получила широкое распространеніе среди русскихъ философствующихъ читателей. Правда, новый уклонъ интересовъ русскаго образованнаго общества не остался безплоднымъ для узнанія Англіи. Русскіе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ не знали и, вѣроятно, не хотѣли знать многихъ вліятельныхъ, глубокихъ теченій въ духовной жизни Англіи. Только съ конца XIX вѣка русскій читатель новаго настроенія знакомится съ Рескиномъ и Карлайлемъ, научается цѣнить прерафаелитовъ и Шелли, Оскара Уайльда и Уольтера Пэтера. И все-таки многое не доходитъ до русскаго сознанія.—Такъ, сложная, напряженная и своеобразная религіозная жизнь англо-саксонскаго міра остается очень темною для русскихъ богоискателей; надо бояться, что ихъ уму и сердцу мало говорятъ даже такія имена, какъ Ньюманъ или Тиррель.

Академикъ П. Г. Виноградовъ, профессоръ Оксфордскаго Университета.

Паденію культурнаго вліянія англичанъ въ Россіи сопутствуетъ упадокъ ихъ хозяйственнаго вліянія. Германія быстро отодвигаетъ Англію на второе мѣсто въ промышленной жизни Европы; англійская техника сильно отстаетъ отъ нѣмецкой; нѣмецкая вывозная торговля легко обгоняетъ англійскую своею организованностью и предпріимчивостью. Въ русской хозяйственной жизни торжество нѣмцевъ надъ англичанами сказывается съ большою силою. Англійскій вывозъ въ Россію, въ 1895 году оцѣнивавшійся въ семь милліоновъ фунтовъ, къ 1905 году поднялся только до восьми; за тотъ же промежутокъ времени нѣмецкій вывозъ въ Россію поднялся съ 220 милліоновъ марокъ до четырехсотъ десяти. Нужно прибавить, что въ этомъ

періодѣ падаетъ участіе англійскаго капитала въ русскихъ кредитныхъ и торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ; новая русская промышленность выростаетъ на плечахъ французскаго, бельгійскаго и нѣмецкаго капитала.

Но если въ концѣ XIX вѣка слабѣютъ англійскія вліянія въ Россіи, то, наоборотъ, растетъ или вѣрнѣе начинается воздѣйствіе русской культуры на англійскую жизнь. Только теперь романы Тургенева, Достоевскаго и Толстого находятъ художественное признаніе у англійскихъ критиковъ и читателей. Толстой-моралистъ получаетъ еще болѣе высокую оцѣнку и еще болѣе сильное вліяніе, чѣмъ Толстой-романистъ. Въ религіозномъ укладѣ Толстого съ его трезвеннымъ, слишкомъ земнымъ богословіемъ и ригоризмомъ нравственныхъ требованій было нѣчто родственное духу англо-шотландскаго кальвинизма и нонконформизма; но даже англиканское духовенство быстро признало Толстого однимъ изъ великихъ религіозныхъ дѣятелей новаго времени.—Русская симфоническая музыка начинаетъ звучать въ англійскихъ концертныхъ залахъ, и особенно Чайковскій становится однимъ изъ самыхъ популярныхъ композиторовъ. Находятъ себѣ признаніе и нѣкоторые русскіе ученые, какъ Менделѣевъ или П. Г. Виноградовъ, первый русскій, который сталъ профессоромъ англійскаго, притомъ оксфордскаго университета.

VI.

Страхъ передъ Германіей былъ основною, но, конечно, не единственною причиною англо-русскаго сближенія. Сближеніе было ускорено русско-японскою войною и русскою революціей.

Неудачи русскихъ въ японской войнѣ надолго развѣяли англійскую тревогу передъ возможностью русской гегемоніи въ Азіи. Русскіе, жившіе въ Англіи во время русско-японской войны, могутъ засвидѣтельствовать, что англичане не проявляли сколько-нибудь рѣзкой враждебности къ врагамъ своихъ союзниковъ. А когда стала выясняться неудача русскихъ, исчезаетъ всякая къ нимъ антипатія. Послѣ Цусимы приходилось выслушивать выраженія сожалѣнія по поводу гибели стольких доблестныхъ моряковъ. Изъ опасной соперницы ослабѣвшая Россія окончательно превращается въ желанную союзницу въ неминуемой борьбѣ съ нѣмцами. Есть основанія думать, что англичане склоняли японцевъ умѣрить свои требованія при заключеніи мирнаго договора въ Портсмусѣ.

Русское революціонное движеніе на время еще болѣе обостряетъ упадокъ русской военной мощи. Но зато созданіе русскаго народнаго представительства, притомъ законодательнаго, а не законосовѣщательнаго, умаляетъ политическую пропасть между Англіей и Россіей, облегчаетъ взаимное политическое пониманіе. Недаромъ послѣ роспуска первой Думы англійскій премьеръ Кембель-Баннерманъ выражаетъ сочувствіе русскому представительству и увѣренность въ его безсмертіи: la douma est morte, vive la douma! Англійскіе радикалы стояли за добрыя отношенія къ Россіи даже при Николаѣ I. Вступленіе Россіи въ семью конституціонныхъ государствъ, казалось бы, должно было укрѣпить ихъ тягу къ Россіи. Этого не случилось. Наоборотъ, радикалы и рабочіе высказываются противъ сближенія съ Россіей, критикуютъ англо-русское соглашеніе 1907 года, пытаются въ 1908 году разстроить поѣздку Эдуарда VII въ Россію, въ 1909 году помѣшать отвѣтному визиту. Свою линію поведенія они оправдываютъ указаніемъ на ужасы русской реакціи. Но ихъ ссылки неискренни. При всей своей суровости столыпинскіе порядки были мягче и свободнѣе тѣхъ, которые царили въ Россіи до 17 октября. Отчего же нить англійскаго радикальнаго руссофильства обрывается именно тогда, когда ей слѣдовало окрѣпнуть? Виною тому англійскія, а не русскія условія. Пока Россія была самымъ страшнымъ врагомъ Англіи, послѣдователи Кобдена и Брайта возставали противъ руссофобства, которое обрекало Англію на большіе военные расходы и таило въ себѣ легкую возможность разорительной войны, доказывали, что Россія слаба, миролю-

Адмиралъ Джеллико.

Адмиралъ лордъ Фишеръ.

Фельдмаршалъ Френчъ.

Фельдмаршалъ лордъ Китчинеръ.

бива, прогрессивна. Но англо-русская вражда смѣняется англо-нѣмецкой. Германія есть врагъ гораздо болѣе грозный. Для борьбы съ нѣмцами необходимо гораздо большее напряженіе, чѣмъ для борьбы съ Россіей, нужно безмѣрно увеличивать расходы на флотъ, поставить на очередь вопросъ о расширеніи сухопутной арміи, выдвинуть на первый планъ имперіалистическую проблему, отодвинуть на второе мѣсто реформы политическія и соціальныя. И вотъ англійскіе радикалы, рабочіе и христіанскіе пасифисты нашихъ дней занимаютъ по отношенію къ Германіи такую же позицію, какую Кобденъ и Брайтъ занимали по отношенію къ Россіи, но только съ гораздо меньшею правотою, чѣмъ Кобденъ и Брайтъ. Они хотятъ увѣрить себя и другихъ, что Германія не опасна для Англіи, миролюбива и прогрессивна. Они возстаютъ противъ сближенія съ Россіей, потому что въ лицѣ Россіи Англія хочетъ заручиться союзницей въ грядущей войнѣ съ Германіей, но тѣмъ самымъ становится на путь имперіалистическаго милитаризма и ускоряетъ роковое столкновеніе. Они усиленно указываютъ на русскую отсталость въ то самое время, когда Россія все-таки дѣлаетъ замѣтные шаги на пути приближенія къ западно-европейскому уровню.

Наоборотъ, англійскіе имперіалисты и консерваторы тяготѣютъ къ Россіи. Военную и дипломатическую близость къ Россіи они считаютъ настолько цѣнною, что легко закрываютъ глаза на изъяны русскаго строя, нерѣдко выступаютъ въ роли хвалителей Россіи оффиціальной. Но было бы совершенно ошибочно искать сторонниковъ сближенія съ Россіей только въ консервативныхъ слояхъ англійскаго общества. Съ каждымъ годомъ все яснѣе становилась неотвратимость рѣшительной борьбы съ нѣмцами, все слабѣе звучали голоса пасифистовъ, боявшихся русской дружбы. И сознаніе повелительной необходимости англо-русскаго соглашенія быстро проникало въ умы англичанъ независимо отъ ихъ политическаго направленія. Не консервативному, а радикальному кабинету суждено было заключить и укрѣпить подсказанное, почти навязанное всѣмъ международнымъ положеніемъ соглашеніе. Осторожный и твердый государственный человѣкъ, съ такимъ достоинствомъ вотъ уже десять лѣтъ руководящій внѣшней политикой Англіи, серъ Эдуардъ Грей, не смущался тѣмъ, что рѣзкую критику новаго дипломатическаго пути онъ слышитъ отъ своихъ политическихъ союзниковъ, а наиболѣе рѣшительную поддержку встрѣчаетъ у своихъ политическихъ противниковъ; вмѣстѣ со своими товарищами по кабинету онъ былъ силенъ сознаніемъ, что дѣйствуетъ во имя высшихъ національныхъ интересовъ. Уже въ маѣ 1906 года Грей заявляетъ въ нижней палатѣ, что англорусскія отношенія стали много дружественнѣе прежняго, и даетъ понять, что въ недалекомъ будущемъ предстоитъ формальное соглашеніе. Оно было подписано *31 августа 1907 года.* Оно очень похоже на англо-французское соглашеніе 1904 года. Оно говоритъ только о колоніальныхъ вопросахъ—Персіи, Афганистанѣ, Тибетѣ. Въ Персіи устанавливаются три области: большая сѣверная область русскаго вліянія, срединная и самостоятельная Персія, южная область англійскаго вліянія. Русское правительство признаетъ Афганистанъ всецѣло входящимъ въ сферу англійскаго вліянія и обязуется вести дипломатическія сношенія съ афганскимъ эмиромъ только черезъ посредство англійскаго резидента. Обѣ договаривающихся стороны признаютъ Китай сюзереномъ Тибета, обязуются не вмѣшиваться во внутреннее управленіе страны, не искать концессій, не посылать въ Лхассу своихъ дипломатическихъ представителей.—Но значеніе соглашенія выходитъ далеко за предѣлы азіатскихъ вопросовъ. Подобно англо-французскому договору 1904 года и въ тѣснѣйшей связи съ нимъ, соглашеніе 1907 года есть переворотъ въ исторіи европейскихъ международныхъ отношеній. Англо-русская вражда кончилась, началась англо-русская дружба и тѣсно переплелась съ дружбою англо-французскою. 31 августа 1907 года родилось тройственное согласіе нашихъ дней.

Соглашеніе было облегчено и закрѣплено наличностью родственныхъ связей между англійскою династіей и русскимъ царствующимъ домомъ. Связи восходятъ къ царствованію Александра II. Въ 1874 году августѣйшая дочь императора Александра II, великая княжна Марія

Александровна, вступила въ бракъ со вторымъ сыномъ королевы Викторіи, герцогомъ Эдинбургскимъ. Еще важнѣе было то обстоятельство, что августѣйшія супруги наслѣдниковъ англійскаго и русскаго престола (будущихъ Эдуарда VII и Александра III), вступившихъ въ бракъ въ 1863 и 1866 году, были родныя сестры, принцессы датскія (нынѣ вдовствующая королева Александра и вдовствующая императрица Марія Θеодоровна). А 14 ноября 1894 года породнился съ англійскою династіей императоръ Николай Александровичъ: императрица Александра Θеодоровна—августѣйшая дочь вступившей въ бракъ съ великимъ герцогомъ Гессенскимъ англійской принцессы Алисы и по матери родная внучка королевы Викторіи. Оттого послѣдовавшіе за англо-русскимъ соглашеніемъ августѣйшіе визиты отличались родственною теплотою. Въ іюнѣ 1908 года состоялось Ревельское свиданіе, посѣщеніе Россіи Эдуардомъ VII. Во время высочайшаго обѣда на яхтѣ Штандартъ государемъ императоромъ и англійскимъ королемъ были произнесены тосты, засвидѣтельствовавшіе передъ всѣмъ міромъ установившіяся между Англіей и Россіей дружественныя отношенія. Эдуардъ VII въ своемъ тостѣ выразилъ надежду, что соглашеніе и въ будущемъ поможетъ разрѣшить важные вопросы. Въ августѣ 1909 года послѣдовалъ отвѣтный визитъ: Государь Императоръ посѣтилъ Эдуарда VII въ Каузѣ (Cowes) на островѣ Уайтѣ. И непосредственно вслѣдъ за свиданіемъ въ Каузѣ состоялось посѣщеніе государемъ императоромъ президента французской республики въ Шербурѣ, своею близостью къ Каузскому свиданію засвидѣтельствовавшее тѣсный характеръ дружбы между тремя державами тройственнаго согласія.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ΘЕОДОРОВНА, король Эдуардъ и королева Александра.

За высочайшими посѣщеніями послѣдовали взаимные визиты политическихъ и литературныхъ дѣятелей обѣихъ странъ. Должно отмѣтить состоявшуюся лѣтомъ 1909 года поѣздку въ Англію членовъ русской государственной думы и посѣщеніе Петербурга и Москвы англійскими военными, политическими, учеными и литературными дѣятелями въ началѣ 1912 года. Многимъ москвичамъ памятенъ январскій вечеръ въ привлекательномъ домѣ привлекательнаго московскаго мецената. Чествуя членовъ англійской депутаціи, русскіе ораторы восхваляютъ величіе англійской цивилизаціи. Гости, точно желая убѣдить хозяевъ въ ихъ правѣ на гордость собственной старой культурой, говорятъ не о новой русской жизни, а о старомъ русскомъ искусствѣ, о великихъ красотахъ древней русской иконописи и православныхъ пѣснопѣній. Французскихъ лицъ нѣтъ среди собравшихся, но со стѣнъ глядятъ Моне и Сезаннъ, Гогенъ и Матисъ, то уводящіе въ таинственную простоту блаженной первобытности, то пронизывающіе туманную даль грядущихъ художественныхъ постиженій. Въ кровавые дни величайшей изъ военныхъ трагедій всемірной исторіи сугубо манитъ къ себѣ память о мирныхъ устояхъ тройственнаго согласія.

Англо-русскія культурныя связи несомнѣнно окрѣпли за послѣднее десятилѣтіе. На выборахъ 1905 года возрождается англійскій либерализмъ, получившій ярко демократическую окраску. Англійская политическая жизнь вступаетъ въ полосу подъема. Завязывается оживленная борьба изъ-за смѣлыхъ, отчасти прямо великихъ политическихъ и соціальныхъ реформъ, снова приковывающая къ Англіи сочувственное вниманіе русскаго прогрессивнаго общества. Дурная память о бурской войнѣ изглажена смѣлымъ и удачливымъ дарованіемъ очень широкой авто-

номіи побѣжденнымъ. Смѣло, широко, подчасъ безпорядочно и бурно проявляется недовольство англійскихъ рабочихъ; пораженнымъ континентальнымъ наблюдателямъ, къ тому же переживающимъ одновременно быстрый ростъ синдикализма во Франціи и въ Италіи, приходится отказаться отъ прочно установившихся представленій объ англійскомъ тредъ-юніонизмѣ, приходится признать, что притязательное рабочее движеніе не укладывается цѣликомъ въ нѣмецкія формы. Русскій интересъ къ англійской изящной литературѣ переступаетъ грани чистаго эстетизма, и такіе серьезные писатели какъ Бернардъ Шо и Г. Дж. Уелльзъ становятся любимымъ чтеніемъ русскаго образованнаго общества. Серьезная опасность начинаетъ грозить и нѣмецкому философскому первенству: противъ изощреннаго гносеологизма нѣмцевъ встаетъ не только французская философія Бергсона, но и англо-американскій прагматизмъ.—Съ другой стороны, интересъ англичанъ къ Россіи быстро растетъ и вширь и вглубь. Продолжаются побѣды русскаго искусства. Нѣсколько неожиданнымъ образомъ находитъ себѣ быстрое признаніе геній Скрябина. Дягилевъ знакомитъ лондонцевъ съ операми Римскаго-Корсакова, Бородина, Мусоргскаго, и очарованіе ихъ музыкальнаго творчества усугубляется декоративнымъ мастерствомъ Бакста и геніальнымъ исполненіемъ Шаляпина. Должно, однако, признаться, что торжество русскаго балета было еще болѣе рѣшительнымъ: имя Анны Павловой не можетъ быть опущено въ исторіи англо-русскаго сближенія.—Великая драма русской революціи захватываетъ вниманіе англичанъ, быть можетъ впервые заставляетъ ихъ искренне со чувствовать русскимъ радостямъ и горестямъ. Вниманіе быстро и рѣзко слабѣетъ, когда наступаютъ длинные будни русской реакціи; но къ смѣлой аграрной реформѣ Столыпина присматриваются съ немалымъ интересомъ. Среди англійскихъ литераторовъ появляются спеціалисты по русскимъ дѣламъ, какъ Уильямсъ, Морисъ Берингъ, Стивенъ Грегемъ, которые пишутъ свои книги о Россіи по живымъ впечатлѣніямъ отъ Россіи и рѣзкимъ расхожденіемъ своихъ оцѣнокъ даютъ внимательному англійскому читателю возможность представить себѣ удивительное усложненіе русской жизни, трудность составить окончательное о ней сужденіе. Изученіе Россіи проникаетъ въ университетское преподаваніе: при ливерпульскомъ университетѣ возникаетъ „Русская Школа" подъ руководствомъ проф. Перса, который въ 1912 году, сверхъ того, приступилъ къ изданію англійскаго журнала, посвященнаго Россіи (Russian Review).

Всего какихъ-нибудь восемь-девять лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ дней англо-русскаго соглашенія. Но какими далекими кажутся теперь эти августовскіе дни! Въ такой мѣрѣ полны послѣдующіе годы великими, трагическими событіями, все еще неясный исходъ которыхъ будетъ опредѣлять судьбу длиннаго ряда грядущихъ поколѣній. Все время небо покрыто тучами, которыя становятся все болѣе и болѣе грозными, зловѣщими. Все время Европа живетъ подъ страхомъ великаго Армагеддона, и все время опасность всеевропейской войны идетъ съ Ближняго Востока или изъ странъ мусульманскаго міра. Тройственное согласіе родилось во-время. Оно крѣпнетъ и тѣснѣетъ среди нарастающихъ тревогъ, все яснѣе открывающихъ глубокую пропасть, которая отдѣляетъ Англію, Россію и Францію отъ Германіи, Австріи и Турціи. Событія и силы мусульманскаго міра долго сѣяли вражду между тремя державами тройственнаго согласія; теперь Англія, Франція и Россія должны дѣйствовать въ полномъ согласіи для того, чтобы отстоять завоеванное ими среди мусульманъ положеніе, дать отпоръ неуклоннымъ стремленіямъ нѣмцевъ стать властными покровителями правовѣрныхъ. Чтобы поколебать мощь великихъ мусульманскихъ державъ тройственнаго согласія—Англіи, Россіи, Франціи,—нѣмцы готовы воспользоваться любыми теченіями неспокойнаго мусульманскаго міра. Имъ все равно, будетъ ли это панисламизмъ, пантюркизмъ, пантуранизмъ, оттоманизмъ, арабизмъ, лишь бы только сломить мощь своихъ счастливыхъ предшественниковъ на колоніальной трапезѣ и создать себѣ великую колоніальную имперію въ мусульманской средѣ. Едва ли предчувствіе нѣмецкаго протектората обладаетъ привлекательностью для турокъ, персовъ, афганцевъ или марокканцевъ; но обѣщанія мощной нѣмецкой защиты противъ англійскихъ, русскихъ и фран-

цузскихъ захватовъ выслушивались съ большою готовностью. Во всякомъ случаѣ у турокъ и персовъ страхъ передъ будущимъ нѣмецкимъ рабствомъ оказался слабѣе ненависти къ теперешнимъ англійскимъ, французскимъ и русскимъ обидамъ.

Вильгельмъ II надѣваетъ на себя маску верховнаго покровителя всѣхъ мусульманъ задолго до соглашеній 1907 и 1904 года. Еще въ 1898 году, во время своего сирійскаго путешествія, въ Дамаскѣ, у гробницы Саладина онъ выступаетъ съ торжественнымъ завѣреніемъ: „Пусть султанъ и триста милліоновъ мусульманъ, почитающихъ въ султанѣ халифа, будутъ увѣрены, что всегда и вездѣ германскій императоръ будетъ ихъ другомъ". 31 марта 1905 года Вильгельмъ высаживается въ Танхерѣ и обѣщаетъ защищать интересы нѣмцевъ въ *свободной* странѣ, т. е. отстаивать политическую независимость мусульманъ Марокко отъ французскихъ посягательствъ. Ожесточенная дипломатическая франко-нѣмецкая борьба за Марокко наполняетъ собою европейскую исторію 1905—1912 годовъ, и временами кажется, что вотъ-вотъ она приведетъ къ всеевропейской войнѣ. 12 апрѣля 1905 года германскій канцлеръ Бюловъ требуетъ, чтобы французское правительство согласилось передать вопросъ о Марокко на обсужденіе и рѣшеніе европейской конференціи. Делькассе отвѣчаетъ отказомъ. Германія грозитъ войною. Англійское правительство обѣщаетъ оказать французамъ военную помощь. Но напуганный министръ-президентъ Рувье считаетъ Францію неготовой къ войнѣ и заставляетъ Делькассе уйти въ отставку. Конференція по марокккимъ дѣламъ собирается въ Альхесирасѣ и засѣдаетъ съ 15 января по 25 марта 1906 года. Англія и Россія оказываютъ Франціи самую рѣшительную поддержку, и Германія вынуждена уступить: постановленія конференціи оказываются выгодными для Франціи. Въ февралѣ 1909 года Германія заключаетъ съ Франціей соглашеніе о Марокко, въ которомъ признаетъ за Франціей спеціальные политическіе интересы. Но и послѣ этого изъ-за Марокко едва не вспыхнула европейская война. 1 іюля 1911 года германское правительство заявляетъ, что оно отправляетъ въ марокккую гавань Агадиръ канонерку Пантеру для охраны нѣмецкихъ интересовъ. Слѣдуютъ тревожныя недѣли переговоровъ въ Берлинѣ. Англійскій кабинетъ устами Лойда Джорджа заявляетъ, что считаетъ себя обязаннымъ принять участіе въ разрѣшеніи марокккаго вопроса, т. е. поможетъ Франціи въ случаѣ войны. Германія уступаетъ. Въ ноябрѣ 1911 года заключено франко-германское соглашеніе: за территоріальныя уступки въ Конго Германія соглашается признать французскій протекторатъ въ Марокко. Этотъ протекторатъ установленъ въ 1912 году.

Но горечь дипломатическаго пораженія осталась у нѣмцевъ. Великая балканская и ближневосточная смута доводитъ до болѣзненной остроты антагонизмъ между тройственнымъ согласіемъ и Австро-Германіей и лѣтомъ 1914 года приводитъ къ кровавой развязкѣ. Съ младотурецкой революціи 1908 года длинной и непрерывной трагической вереницей развертываются ближневосточныя катастрофы: турецкая и персидская революціи, турецкая контръ-революція и новое торжество младотурокъ, аннексія Босніи и Герцеговины, итало-турецкая война въ Триполи, фантасмагорія двухъ балканскихъ войнъ 1912 и 1913 года, великосербское движеніе, роковое политическое убійство въ Сараевѣ и страшныя недѣли, отдѣляющія его отъ начала теперешней войны. Можно было бы думать, что младотурецкая и младоперсидская революціи приблизятъ мусульманскій міръ къ тройственному согласію, особенно къ двумъ прогрессивнымъ державамъ, Англіи и Франціи. Вѣдь европеизація турецкаго и персидскаго востока связана съ Парижемъ и Лондономъ, особенно съ Парижемъ, много тѣснѣе, чѣмъ съ Вѣною и Берлиномъ. Но не влеченіемъ сердца, а холоднымъ голосомъ своекорыстнаго разсчета опредѣляются международныя сцѣпленія. Всѣ три державы тройственнаго согласія были повинны передъ мусульманами въ великихъ захватахъ и грозили новыми опасностями мусульманскому политическому самоопредѣленію. Желѣзная сила вещей толкала Энвера и Талаата въ ученики и подчиненные къ Гольцу и Сандерсу.

Послѣ двухъ балканскихъ войнъ боевая встрѣча турко-нѣмецкой коалиціи съ тройствен-

нымъ согласіемъ стала близкою неизбѣжностью. Первая балканская война нанесла жестокій ударъ туркамъ и высоко подняла политическій вѣсъ христіанскихъ балканскихъ государствъ. Вторая балканская война, жестоко принизивъ болгаръ, возвысила грековъ, румынъ, сербовъ. Быстро бѣгутъ вверхъ великогреческія, великорумынскія, великосербскія мечтанія. Всѣ они были опасны для нѣмцевъ. Но опаснѣе всѣхъ были великосербскія: ихъ осуществленіе грозило надолго отрѣзать Австро-Германію отъ мусульманскаго міра. Есть глубокій смыслъ въ томъ, что именно сербская смута вовлекла Европу въ ужасъ теперешней войны. Нѣмцы рѣшили, что ждать больше нельзя. При восторженномъ и единодушномъ одобреніи своихъ подданныхъ въ страшный день 19 іюля (1 августа) 1914 года Вильгельмъ Кровавый дерзко сорвалъ крышку Пандоры, объявилъ войну Россіи. Пусть же мечъ обратится на поднявшаго мечъ!

Послѣ полутора лѣтъ войны стало ясно для самихъ нѣмцевъ, что это они начали войну, что державы тройственнаго согласія не хотѣли войны и очень плохо готовились къ ней.

Эд. Грей въ палатѣ общинъ.

Англія и Россія не разъ протягивали нѣмцамъ руку примиренія. Можно ограничиться двумя напоминаніями. 6 августа 1911 года Россія заключила съ Германіей соглашеніе въ Потсдамѣ по персидскимъ дѣламъ. Германія обязалась не вмѣшиваться въ область русскаго вліянія, въ дѣла сѣверной Персіи; Россія обязалась не мѣшать постройкѣ Багдадской желѣзной дороги и въ теченіе двухъ лѣтъ начать стройкою вѣтвь Тегеранъ-Ханекинъ, связующую сѣть русско-персидскихъ желѣзныхъ дорогъ съ Багдадскою магистралью. Лѣтомъ 1912 года извѣстный своимъ преклоненіемъ предъ нѣмецкою культурою англійскій военный министръ Гольденъ (Haldane) отправляется въ Берлинъ съ исключительно важнымъ дипломатическимъ порученіемъ. Онъ терпитъ полную неудачу и по возвращеніи въ Лондонъ зоветъ въ нижней палатѣ международное положеніе тревожнымъ, настаиваетъ на дальнѣйшемъ усиленіи англійскаго флота. Всѣ примирительныя предложенія, и особенно предложенія о сокращеніи вооруженій, постоянно наталкиваются на рѣшительный нѣмецкій отказъ.

Все время послѣ созданія тройственнаго согласія правительства Россіи, Англіи и Франціи дѣйствуютъ въ полномъ единодушіи, которое ярко засвидѣтельствовано парламентскими выступленіями сэра Э. Грея, С. Д. Сазонова и руководителей французской дипломатіи. Нѣмцы твердо надѣялись, что война охладитъ такъ недавно установившуюся дружбу. Нѣмцы ошиблись.

Въ ночь съ 22 на 23 іюля 1914 года, не получивъ отвѣта на свой ультиматумъ о Бельгіи, Англія объявила войну Германіи. Друзья превратились въ союзниковъ. 23 августа стараго стиля правительства Англіи, Россіи и Франціи дали другъ другу письменное обязательство заключить мирный договоръ съ Германіей и Австріей только по взаимному соглашенію. Этотъ клочокъ бумаги есть самая страшная для Германіи сила, главный залогъ нашей побѣды.

Историку международныхъ отношеній трудно сохранить высокое мнѣніе о человѣческой природѣ. Слишкомъ часто встаетъ передъ нимъ быстрая и некрасивая смѣна, зрѣлище торжества своекорыстныхъ побужденій; слишкомъ рѣдко предносятся его взору примѣры святости

Парламентъ.

и самоотверженности. Было бы лицемѣріемъ утверждать, что тройственное согласіе создано по преимуществу стремленіями къ любви и правдѣ. Нѣтъ, его основою и скрѣпою были и продолжаютъ быть національные эгоизмы. Но есть себялюбіе и себялюбіе. Есть преступная и безумная національная самовлюбленность, дерзающая обратить все человѣчество въ порабощенное орудіе своихъ вожделѣній. Есть здоровое и мощное чувство національнаго самосохраненія, повелѣвающее итти на самыя тяжелыя, мучительныя испытанія ради спасенія національной души. Народы тройственнаго согласія счастливы тѣмъ, что въ мрачные, но великіе дни міровой катастрофы они защищаютъ одновременно и свой собственный національный обликъ и чужое попранное право. Съ освободительной готовностью приносятъ они свою великую и кровавую жертву для того, чтобы еще разъ въ исторіи человѣчества ниспровергнуть жестокую, сатанински-гордую грезу о владычествѣ одного народа надо всѣми остальными.

Александръ Савинъ

Накануне Великой Революціи передовые слои Италіи—лучшіе представители ея аристократіи и выдвигавшейся буржуазіи — были захвачены идеями новаго общественнаго и политическаго строя, естественно тяготѣя къ давнему оплоту свободы — Англіи и питаясь ярко выражавшей и развивавшей ихъ, смутныя иногда, мечты литературой Франціи. Французское вліяніе легко прослѣдить въ наиболѣе яркихъ представителяхъ итальянской интеллигенціи конца XVIII вѣка — въ переводчикѣ и комментаторѣ Монтескье Далмаццо Васко, авторѣ „Monarhia moderata", въ дѣятельности его брата, мечтавшаго о реформахъ администраціи, въ Беккаріа и во всемъ кружкѣ Верри, наконецъ, въ реформаторскихъ предпріятіяхъ и намѣреніяхъ отдѣльныхъ государей. Оно усматривается въ мечтахъ о преобразованіи всего соціальнаго строя, обуревавшихъ Д. Парини. „Можетъ быть, это неправда,—писалъ онъ,—но молва говоритъ, что когда-то люди были равны и не знали словъ: чернь и дворянство".

„Forse vero non è, ma un giorno è fama
Cher fur gli nomini uguali, e ignoti nomi
Fur plebe e nobiltà..."

Не Франція родила въ Италіи новыя идеи, но она раньше ихъ выразила и мощно поддержала, въ частности—идею національности, отрицавшую искусственныя перегородки, воздвигнутыя историческими судьбами Италіи, искусственное дѣленіе на миланцевъ, тосканцевъ, моденцевъ и т. д. Еще смутно, но идея новаго строя уже сплеталась и сливалась съ идеей національнаго единства, рождался „будущій итальянскій народъ", которому Витторіо Альфіери посвятилъ своего „Bruto Secondo"

„Принципы революціи"—новый общественный и политическій строй и національная идея быстро развились и, казалось, приближались къ осуществленію въ эпоху недолгаго господства французовъ на полуостровѣ. „Величіе Франціи, думали итальянцы-патріоты, достигнетъ вершины, когда она объявитъ Италію свободной и независимой". Быстро рухнули старыя государства, и началась, сопровождаемая небывалымъ развитіемъ политической жизни, демократическая перестройка обветшалаго клерикально-аристократическаго общества. Code civil пришелъ на смѣну старому законодательству, и принципы революціи настолько глубоко проникли въ жизнь, что, когда вернулись старые государи, Конфалоніери могъ заявлять: „Мы уже не тѣ, что двадцать лѣтъ назадъ, и не можемъ стать прежними, не отказавшись отъ привычекъ,

Король Викторъ-Эммануилъ III.

сдѣлавшихся для насъ дорогими и вошедшихъ въ плоть и кровь народа, одареннаго умомъ, силой и страстью, народа, который пріобрѣлъ большой опытъ въ государственныхъ дѣлахъ и могучую любовь къ родинѣ, который умѣетъ сражаться". „Ни одна изъ эпохъ подчиненія,— говоритъ Чезаре Бальбо,—не была радостнѣе, дѣятельнѣй и полезнѣй эпохи подчиненія Наполеону", но все-таки она была эпохой подчиненія и уже по одному этому не могла удовлетворить итальянцевъ, желавшихъ видѣть свое отечество свободнымъ, единымъ и независимымъ. Если нѣкоторые изъ нихъ предлагали итальянскую корону изгнанному на Эльбу императору, если партія независимости и единства возлагала одно время свои надежды на Мюрата, то для большинства французское владычество было чужеземнымъ, а многимъ возвращеніе къ дореволюціонному раздробленію казалось желаннымъ, какъ символъ внѣшней независимости.

Борьба Англіи съ Наполеономъ съ этой точки зрѣнія и съ этой стороны была борьбой за независимость Италіи тѣмъ болѣе, что Англія была оплотомъ либерализма: ею была создана Сицилійская конституція 1812 г., она же поддерживала либеральныя теченія на полуостровѣ. Наконецъ, въ 1814 г. англійскія войска освобождали Италію отъ „французскихъ цѣпей" и призывали „итальянцевъ быть итальянцами".

Наполеонъ поработилъ Италію, Англія не сдѣлала ее независимой. Вѣнскій конгрессъ вновь раздробилъ Италію, „представляющую собою союзъ независимыхъ государствъ, объединенныхъ только общимъ географическимъ названіемъ", на восемь государствъ и возстановилъ преобладаніе среди нихъ Австріи, той самой Австріи, императоръ которой заявилъ своимъ новымъ подданнымъ: „Вы принадлежите мнѣ по праву завоеванія и должны забыть, что вы итальянцы". Но „итальянцы уже не были прежними". Австрія, видѣвшая свое спасеніе и свою цѣль въ возрожденіи дореволюціонныхъ порядковъ и началъ, поддерживавшая на этомъ пути и увлекавшая на него остальныхъ итальянскихъ государей, не учитывала силы и роста принциповъ революціи и, навлекая на себя ненависть всѣхъ, всѣмъ ставила общую цѣль и снова сплетала либерализмъ съ идеями независимости и единства. „Liberi non sarem se non siam uni!" думали итальянскіе либералы. Кромѣ того, фактъ преобладанія Австріи на полуостровѣ и превращенія большинства другихъ государей въ ея вассаловъ дѣлалъ итальянскій вопросъ международнымъ, вопросомъ европейскаго равновѣсія, въ частности — равновѣсія въ Средиземномъ морѣ, куда естественно направлялось вниманіе Франціи и Англіи. Ни та ни другая не могли искренно успокоиться на рѣшеніяхъ Вѣнскаго конгресса. Status quo на полуостровѣ былъ для нихъ терпимымъ зломъ; затаеннымъ желаніемъ, особенно для Франціи, было вытѣсненіе Австріи и раздѣленіе Италіи между одинаково слабыми государствами, хотя бы и въ формѣ федераціи, подобной Германскому союзу. При такихъ условіяхъ понятно, что всякое стремленіе Австріи продвинуться должно было встрѣчать сопротивленіе Англіи и Франціи, всякая борьба съ нею—ихъ сочувствіе и, въ случаѣ возможности, поддержку. А въ силу сплетенія либерализма съ борьбой противъ Австріи за независимость естественнымъ путемъ вліянія Франціи и Англіи на итальянскія дѣла была помощь либеральнымъ революціоннымъ теченіямъ или, по крайней мѣрѣ, сочувственное къ нимъ отношеніе. Такъ національные интересы Англіи и Франціи диктовали имъ въ Италіи поддержку ими же выдвинутыхъ новыхъ принциповъ, и всякій новый шагъ Франціи на пути внутренняго ея развитія къ свободѣ возбуждалъ надежды итальянскихъ патріотовъ и либераловъ на безкорыстную помощь французовъ, а французскихъ либераловъ и демократовъ заставлялъ на минуту забывать личные эгоистическіе интересы Франціи ради увлекающихъ ихъ идеаловъ.

Возмущеніе итальянцевъ французскимъ владычествомъ, выразившееся мѣстами въ рядѣ эксцессовъ и въ сочувствіи къ вернувшимся государямъ, быстро исчезло. Сами государи болѣе всего позаботились объ этомъ въ своей, часто безсмысленной галлофобіи. Сразу же обнаружилось, что реставрація несетъ съ собою реакцію, лишавшую средніе классы той свободы дышать и дѣйствовать, которая сдѣлалась для нихъ необходимостью. Попрежнему всякое

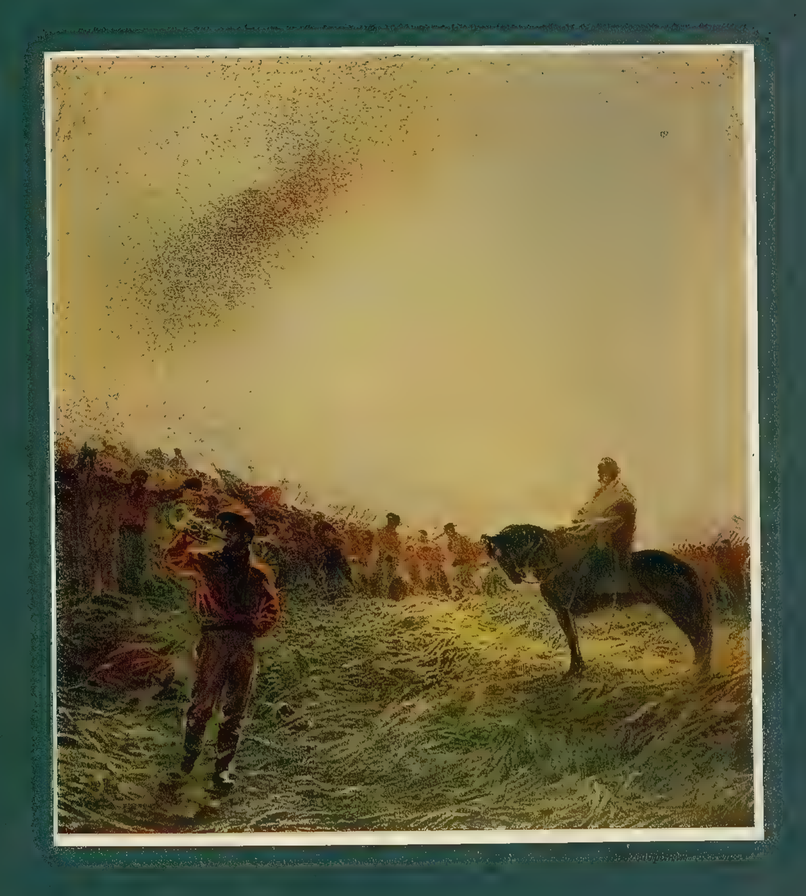
прогрессивное движеніе связывало себя съ французскими или англійскими политическими идеалами, и итальянцы съ напряженіемъ слѣдили за политикой Англіи и Франціи. Раздраженные преслѣдованіемъ реакціонныхъ правительствъ либералы, чиновники, принужденные подать въ отставку съ перемѣною режима, бывшіе солдаты и офицеры великой арміи нетерпѣливо ожидали перемѣнъ. „Опасная гангрена франъ-массонства" захватывала все болѣе широкіе круги и перерождалась въ общества карбонаріевъ, вожди которыхъ мечтали о возрожденіи общества въ духѣ христіанства и философіи XVIII вѣка. Послѣ разгрома революціонныхъ движеній 20-хъ годовъ карбонаріи перенесли свою верховную ложу въ Парижъ, чтобы тамъ утратить свой чисто-итальянскій характеръ и примкнуть къ лигѣ латинскихъ націй, во главѣ комитета которой стояли Лафайетъ и герцогъ Орлеанскій Луи-Филиппъ, и которая мечтала объ освободительномъ союзѣ романскихъ народовъ въ противовѣсъ реакціонному Священному Союзу.

Папа Пій IX.
Съ портрета Айгнера.

Въ связи съ этимъ космополитическимъ союзомъ демократической Европы и стоятъ революціонныя вспышки 30-хъ годовъ въ средней Италіи и папской области, и подготовлявшій въ послѣдней возстаніе комитетъ бѣглецовъ думалъ о возведеніи на римскій престолъ или Жерома Бонапарта или сына Евгенія Богарне. Когда во Франціи іюльская революція поставила у власти такихъ людей, какъ Лафайетъ, Лафитъ и потомъ Луи-Филиппъ, итальянскіе инсургенты, обнадеживаемые Лафайетомъ, увѣренно разсчитывали на помощь Франціи въ неизбѣжномъ столкновеніи съ Австріей. Но занявшій престолъ Бурбоновъ Луи-Филиппъ больше всего заботился объ укрѣпленіи своего положенія и, заискивая передъ державами, помѣшалъ энергичнымъ стремленіямъ „партіи движенія", и Австрія могла свободно выполнить свою роль водворительницы порядка въ папской области. И Лафайетъ и Лафитъ руководствовались больше отвлеченными идеалами демократической Европы, готовые на безкорыстныя жертвы Франціи. Но вмѣшательство Австріи въ итальянскія дѣла задѣвало и жизненные интересы французовъ. Какъ реальный политикъ выступилъ въ ихъ защиту Казимиръ Перье. „Кровь Франціи,— заявилъ онъ,— принадлежитъ только ей", но онъ былъ готовъ пролить ее за французскіе интересы и въ Италіи. Открыто заявивъ Австріи, что не считаетъ вступленія ея войскъ въ папскую область за casus belli, онъ твердо указалъ на невыгоды этого акта для Франціи и ловкими дипломатическими шагами, среди которыхъ видное мѣсто занимало выдвинутое имъ предложеніе папѣ провести реформы, добился эвакуаціи Австріей церковной области.

Заручившись поддержкою Англіи, Перье рѣшился на болѣе энергичный шагъ. Когда папа не провелъ предложенныхъ ему реформъ и выразилъ желаніе уничтожить появившуюся въ сѣверныхъ областяхъ его государства, въ такъ-называемыхъ легатствахъ, національную гвардію войсками Австріи, Перье заявилъ папѣ о желаніи Франціи тоже оказать ему помощь и вслѣдъ за вступленіемъ австрійскихъ войскъ въ Болонью оккупировалъ Анкону. Этотъ искусный и рѣшительный шагъ получалъ все свое демонстративное значеніе въ связи съ надеждами итальянскихъ патріотовъ на помощь Франціи, которые хотѣли надѣяться, что ея войска пришли освобождать Италію. Но Перье смотрѣлъ на дѣло эгоистичнѣе и проще: онъ не былъ ни Лафитомъ ни Лафайетомъ. „Необходимо охранить честь Франціи", необходимо оказать давленіе на Австрію не только въ Италіи, но и въ бельгійскомъ вопросѣ, и этой цѣли

Гимнъ Гарибальдійцевъ.

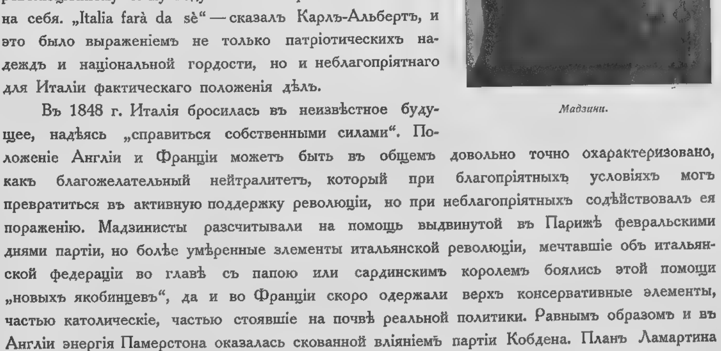
Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО
„Россія и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацію".

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА, Москва.

Перье достигъ. Но итальянцамъ его политика принесла горькое разочарованіе. Они поняли, что дѣло идетъ не о безкорыстномъ освобожденіи Италіи, а объ установленіи въ ней равновѣсія между Австріей и Франціей. И политика Гизо могла лишь утвердить ихъ въ этомъ пониманіи. Гизо относился болѣе, чѣмъ сдержанно, къ нарушенію установившагося соотношенія силъ на полуостровѣ, къ объединенію Италіи. Ему, какъ и Тьеру, представлялось опаснымъ возникновеніе за Альпами новаго національнаго государства, которое легко могло бы стать впослѣдствіи союзницей Австріи или же заявить о своихъ неудобныхъ для Франціи притязаніяхъ. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ умалять значенія выступленія Франціи, и не только въ смыслѣ сдержки стремленій Австріи, а въ смыслѣ поддержки Франціей началъ либерализма, отрицаемыхъ Австріей.

Послѣдній моментъ вновь сближалъ Францію съ Англіей, которая въ Сициліи оказывала помощь готовящемуся возстанію противъ Фердинанда II и побуждала итальянскихъ государей къ проведенію реформъ. Англія шла далѣе. Опираясь на ея моральную поддержку, сардинскій король Карлъ-Альбертъ 3 ноября 1847 г. подписалъ договоръ о таможенномъ союзѣ съ Тосканою и папской областью и почти открыто ускорялъ военныя приготовленія къ грозившей ему войнѣ съ Австріей. Политика Англіи выступала въ выгодномъ свѣтѣ по сравненію съ политикой Франціи, тѣмъ болѣе, что англійскіе агенты всячески старались дискредитировать послѣднюю и показать общность интересовъ Гизо и Меттерниха. Но при всѣхъ проявленіяхъ дружественныхъ чувствъ и Памерстонъ настаивалъ на сохраненіи территоріальнаго status quo. Къ готовящемуся для Италіи революціонному 48-му году она могла разсчитывать лишь на себя. „Italia farà da sè“ — сказалъ Карлъ-Альбертъ, и это было выраженіемъ не только патріотическихъ надеждъ и національной гордости, но и неблагопріятнаго для Италіи фактическаго положенія дѣлъ.

Мадзини.

Въ 1848 г. Италія бросилась въ неизвѣстное будущее, надѣясь „справиться собственными силами“. Положеніе Англіи и Франціи можетъ быть въ общемъ довольно точно охарактеризовано, какъ благожелательный нейтралитетъ, который при благопріятныхъ условіяхъ могъ превратиться въ активную поддержку революціи, но при неблагопріятныхъ содѣйствовалъ ея пораженію. Мадзинисты разсчитывали на помощь выдвинутой въ Парижѣ февральскими днями партіи, но болѣе умѣренные элементы итальянской революціи, мечтавшіе объ итальянской федераціи во главѣ съ папою или сардинскимъ королемъ боялись этой помощи „новыхъ якобинцевъ“, да и во Франціи скоро одержали верхъ консервативные элементы, частью католическіе, частью стоявшіе на почвѣ реальной политики. Равнымъ образомъ и въ Англіи энергія Памерстона оказалась скованной вліяніемъ партіи Кобдена. Планъ Ламартина вмѣшаться въ пользу революціи и для этой цѣли перевести черезъ Альпы французскій корпусъ палъ. Позднѣе, уже въ 1849 году, намѣреніе Наполеона оказать вооруженную помощь Пьемонту не нашло поддержки среди его собственныхъ министровъ, опасавшихся чрезмѣрнаго усиленія Пьемонта. Попытки его и Памерстона добиться соглашенія Пьемонта съ Австріей, выгоднаго для перваго, не удались и только вызвали раздраженіе обоихъ неуступчивостью сардинскаго короля. И Наполеонъ и Англія готовы были признать отпаденіе Сициліи отъ Неаполя, но въ Сициліи резолюція о низложеніи Бурбоновъ не привела къ организаціи устойчиваго правительства, а герцогъ Генуэзскій снялъ свою кандидатуру на сици-

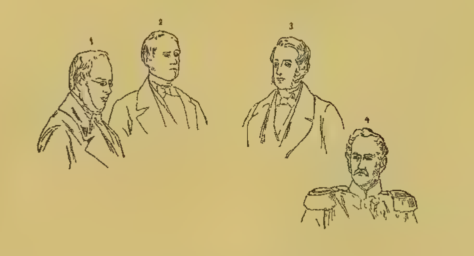
лійскій престолъ Слѣдовательно, признавать было нечего. Осталось попытаться установить соглашеніе между Сициліей и Неаполемъ на основахъ автономіи первой, но это было категорически отклонено Бурбонами. Въ 1849 г. Пьемонтъ былъ раздавленъ, и три оставшихся очага итальянской революціи—Венеція, Римъ и Сицилія—стали затихать. Для того, чтобы использовать движеніе противъ Австріи нужно было вмѣшаться въ войну, вмѣшаться въ тотъ моментъ, когда Австрія усилилась, положеніе въ Сициліи и Венеціи подавало мало надеждъ, а руководитель папской политики стремился устранить давленіе Франціи и стать подъ охрану монархическихъ державъ, предложивъ оккупацію папскихъ владѣній въ цѣляхъ подавленія мятежа Австріи, Испаніи и Неаполю, къ которымъ по необходимости онъ принужденъ былъ присоединить Францію. Въ то-же время усиленіе католической партіи во Франціи было слишкомъ важнымъ для самого существованія Наполеона фактомъ, чтобы онъ могъ имъ пренебречь. Въ силу всего этого стеченія условій политика Франціи рѣзко измѣнилась. Стремясь опередить надвигавшуюся съ сѣвера австрійскую армію, занявшихъ окрестности Палестрины неаполитанцевъ и готовящихъ высадку войскъ испанцевъ, французы заняли Римъ. Еще раньше Наполеонъ заявилъ венеціанскому диктатору Даніеле Манину, что у Франціи слишкомъ много своихъ заботъ, чтобы ввязываться въ войну, а французскій адмиралъ своимъ неудачнымъ посредничествомъ помогъ Бурбонамъ утвердиться въ Неаполѣ.

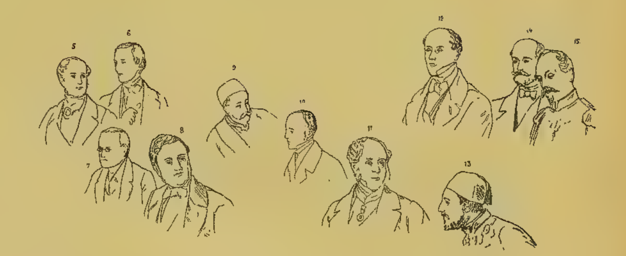

Кавуръ.

Съ 1849 года стало совершенно очевиднымъ, что своими силами Италія достичь единства и независимости не можетъ. Оставалась надежда на сочетаніе усилій Италіи съ благопріятными дипломатическими конъюнктурами. Это могло взять на себя только какое-нибудь государство, что въ связи съ преобразованіемъ Франціи въ имперію сдѣлало безнадежными расчеты мадзинистовъ-республиканцевъ и направило унитарное движеніе въ русло объединенія (пока еще было неясно, въ монархію или федерацію) подъ руководствомъ и верховенствомъ Пьемонта, такъ какъ все яснѣе становилась невозможность поставить во главѣ націи папу, не говоря уже о неаполитанскомъ королѣ. Величайшій политическій дѣятель новой Италіи Кавуръ взялъ на-себя выполненіе новой задачи. Кавуръ, еще въ молодости усвоившій взгляды либеральной французской буржуазіи, поклонникъ англійской конституціи и фритредерства, легко и искусно оріентировалъ политику Пьемонта къ Англіи, на моральную поддержку и дружественное отношеніе которой онъ не безъ основаніи разсчитывалъ, и къ Франціи, содѣйствіе арміи которой ему казалось необходимымъ.

Но политическая идея Кавура существенно отличалась отъ намѣреній и видовъ его будущаго союзника—Наполеона III. Кавуръ стремился къ объединенію Италіи въ монархію подъ главенствомъ савойской династіи съ центромъ въ Римѣ. Онъ могъ разсчитывать на сочувствіе подавляющаго большинства итальянскихъ патріотовъ—даже республиканцы ради единства готовы были отказаться отъ своего идеала—и либеральныхъ партій въ Европѣ. Наполеонъ же III чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе принужденъ былъ считаться съ клерикальными кругами, скоро нашедшими крѣпкую опору въ императрицѣ Евгеніи, а это исключало возможность содѣйствія уничтоженію свѣтской власти папы, хотя бы самъ императоръ этому и сочувствовалъ. Наполеона обязывало положеніе „демократическаго“ и выдвинутаго демократіей монарха, обязывала его политическая идеологія—идея національности, которую онъ провозглашалъ, мечта стать возродителемъ Европы и сплотить около Франціи національныя государства, его обязывало, наконецъ прошлое — участіе въ итальянской революціи, какъ и невольное сочувствіе къ родинѣ

1) Гр. Кавуръ. 2) Бар. Коулей. 3) Гр. Буоль-Шауенштейнъ. 4) Гр. Орловъ. 5) Бар. Буркенэ. 6) Бар. Гюбнеръ. 7) Бар. Мантейфель. 8) Гр. Валевскій. 9) Мегеметъ—Джемиль Бей. 10) Бенедетти. 11) Гр. Кларендонъ. 12) Бар. Брунновъ. 13) Аали-Паша. 14) Гр. Гатцфельдтъ. 15) Маркизъ Вилла-Марина.

ПАРИЖСКІЙ КОНГРЕССЪ 1856 г.

гравюры А. Бланшара по картинѣ Э. Дюбюфа

Изданіе Д. Я МАКОВСКАГО
„Россія и ея Союзники въ борьбѣ за цивилизацію".

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА, Москва.

Цѣна выпуска въ отдѣльной продажѣ **2** р. **50** к.